

**Василий Васильевич Головачев
Сергей Васильевич Лукьяненко
Вадим Юрьевич Панов
Леонид Викторович Кудрявцев
Олег Игоревич Дивов
Вячеслав Алексеевич Назаров
Виктор Павлович Точинов
Артур Порджес
Борис Анатольевич Долинго
Андрей Дмитриевич Балабуха
Анатолий Борисович Шалин
Геннадий Мартович Прашкевич
Игорь Вереснев
Юрий Иванович**

Красная машина, черный пистолет (сборник)
Серия «Русская фантастика (Эксмо)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11282916
Красная машина, черный пистолет: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-80939-4*

Аннотация

Время Света изуродовало Землю, превратило цветущие поля в Зандр, города – в вулканы, а горы – в моря. Дороги исчезли... Все дороги: и асфальтовые, и грунтовые, и железные, и магнитные, и даже многие тропы... Несколько месяцев люди, предоставленные сами себе, выживали как могли, но потом появились первые торговые караваны, которые вскоре стали называть броневыми. Ведь они были защищены от любых неприятностей, плохих дорог, злых людей и не менее злых животных. И караваны дали надежду...

В мезозойскую эру Землю посетил корабль инопланетян, которые случайно оставили в труднодоступном районе Скалистых гор робота. Согласно программе, робот нацелен на сбор образцов весом от ста сорока пяти до ста семидесяти пяти фунтов...

Молодой и амбициозный британский математик устраивается в заштатный американский институт, имеющий сомнительную репутацию среди ученых. Цель англичанина – стать правой рукой директора института Кларка, которого он считает новым Эйнштейном...

Сергей Лукьяненко, Вадим Панов, Олег Дивов, Василий Головачев и другие суперзвезды отечественной и зарубежной фантастики в сборнике остросюжетных повестей и рассказов!

Содержание

От составителя	5
Полоса препятствий	6
Вадим Панов	6
Леонид Кудрявцев	55
Андрей Балабуха	81
Игорь Вереснев	94
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Красная машина, черный пистолет (сборник)

© Балабуха А., Вереснев И., Головачёв В., Дивов О., Долинго Б., Иванович Ю., Кудрявцев Л., Лукьяненко С., Назаров В., Панов В., Порджес А., Прашкевич Г., Точинов В., Шалин А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

От составителя

Среди других поджанров фантастики приключенческий занимает особое место. С одной стороны, уколобыми критиками он воспринимается как «низкий», предназначенный удовлетворять невзыскательные вкусы «среднемассового» читателя, так сказать, толпы. С другой – именно приключенческая сторона литературы имеет наивысший спрос в среде ученых, да и вообще всех, кто любит острый сюжет и активный образ жизни, тяготеет к соревновательному процессу и с удовольствием сопереживает вместе с героями книг удивительные жизни.

Как говорил Стефан Цвейг: «Нет ничего увлекательней правды, кажущейся неправдоподобной». Этот афоризм удивительно точно передает суть приключенческо-фантастического жанра, что и порождает непреходящий интерес к нему миллионов читателей, особенно молодежи.

Меня всегда увлекала необычность ситуаций, в которых оказывались герои фантастических произведений, но более всего, если они – герои – способны были мобилизовать все свои силы и защитить любимых, друзей, родичей и просто спутников жизни от негодяев всех мастей и убийц, так горячо любимых поп-культурой Запада. А ведь приключенческий жанр – трудная стезя, им владеет далеко не каждый автор остросюжетных боевиков. Для правдивого описания невероятных ситуаций автору самому надо уметь проявлять чудеса изобретательности, находчивости и дерзости, самому уметь выходить победителем из боя, самому биться за справедливость на всех уровнях.

Кстати, не чурались приключенческих сюжетов и классики. Вспомним хотя бы «Метель» Александра Сергеевича Пушкина, «Аэлиту» и «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого, «Продавца воздуха» Александра Беляева, «На краю Ойкумены» Ивана Ефремова, сказочные повести Николая Васильевича Гоголя. Любили приключения и мастера жанра, наши соотечественники братья Стругацкие, Вадим Шефнер, Георгий Мартынов, Зиновий Юрьев, зарубежные писатели – Айзек Азимов, Пол Андерсон, Гарри Гаррисон, Клиффорд Саймак и другие. И читались их произведения запоем!

Поэтому с чистой совестью предлагаю читателю фантастики данный сборник, полный самых невероятных приключений в пространстве, во времени и даже в психике. Не пожалейте, взяв в руки книгу. Ибо здесь собраны рассказы и повести авторов, хорошо известных как в России, так и за рубежом: Сергея Лукьяненко, Олега Дивова, Вадима Панова, Юрия Ивановича и других, не менее «крутых».

Все они – разные люди с индивидуальным опытом и знаниями, и рассказы их тоже различаются по стилю, подходу к проблемам, выбору пути героя и задачам, которые те ставят перед собой. Но в одном они близки: их проза не дает шанса читателю заскучать, зевнуть и закрыть книгу, не дочитав рассказа!

В добрый путь, уважаемый читатель! Хороших тебе переживаний.

Василий В. Головачев

Полоса препятствий

Вадим Панов Аттракцион безнадега

«В старых инструкциях писали, что при повышенном уровне радиации ни в коем случае нельзя курить. Мол, табак вытягивает из почвы кучу канцерогенного дерьма, которое плюсуется к гребаному облучению, что шпарит от каждого камня, и все вместе способно вызвать в недрах моих кишок опа-асную болезнь...

Шутники, чтоб их всех на атомы разложило...

Покажите мне настолько опа-асную заразу, что она способна прикончить раньше «химии», «кислоты», агрессивных биологических примесей, пули, огнемета, ножа или отсутствия жратвы. Оценили шутку? Гребаная болезнь может меня убить... Только для этого ей придется встать в гребаную очередь, и, скорее всего, ее затолкают в самый хвост...

Курить нельзя...

После Времени Света никто из моих друзей не бросил. Из выживших друзей, разумеется, потому что сгоревшие не в счет. А если кто и бросил, то только потому, что не смог достать сигарет и отвык: вместо табака народ стал сеять съедобное и только съедобное, и планета больше года жила на старых запасах курева. Потом фермеры опомнились, сообразили, за что люди готовы сбрасывать радиотаблы в диких количествах, и в кисетах появился свежий, безумно дорогой и круто канцерогенный табачок. А поскольку с бумагой теперь еще хуже, чем с табаком, приходится пользоваться трубку.

Но лучше так, чем совсем без курева...»

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

Если табаку повезет, в графе «причина смерти» у Визиря появится отметка: «выхаркал легкие с кровью, спасибо пагубной привычке», однако сегодня именно курево спасло комби от неминуемой смерти. Почему? Потому что «баскервили» ненавидят табачный дым – есть у них такая особенность, а нервничающие «баскервили» не способны похвастаться должной выдержкой. А выдержка в Зандре важна не меньше хорошо развитой внимательности, мгновенной реакции и умению метко стрелять. В общем...

В общем, когда Гарик заприметил фургон, уткнувшийся в коричневый, наполовину обросший пятнами медузы валун, он сбросил скорость и внимательно огляделся, стараясь не упустить ни одной детали.

Никого.

И ничего подозрительного. Ни движения. Ни шумного дыхания. Ни шуршания...

Встроенный в комби тепловизор отчитался, что за камнями слева и в двух небольших оврагах справа – в наиболее удобных для засады местах – живые существа отсутствуют, а вот в кузове фургона их минимум пять. Лежат смирно, дышат, молчат, идентифицировать не удастся, потому что изнутри фургон обшит какой-то отражающей дрянью, к счастью, слегка протершейся...

Раненые?

Нет, фургон не разбился, а мягко ткнулся в валун – это видно по следам и повреждениям, – раненых быть не должно, во всяком случае таких, которые не смогли бы выбраться из машины.

Рабы? Пленные?

Вот это уже ближе к делу, учитывая, что до аттракциона примерно десять километров, а торговля живым товаром в Веселом Котле хоть и не цветет, но вполне допустима. Рабы же наверняка скованы, вот и остались в кузове, но... Но фургон не был похож на машину «папаш»: никакой защиты, кроме слабого бронирования и усиленного стекла, единственный пулемет – на корме, и никакого сопровождения. А работоторговцы никогда не действуют в одиночку.

– Занятно... – Визирь объехал находку по кругу, но не обнаружил ничего интересного, кроме уткнувшегося в руль водителя. После чего остановил багги напротив дверей фургона и раскурил «младшую» – на пять затяжек – трубку.

Итак: за рулем покойник, внутри неизвестно кто, признаков засады нет, признаков нападения нет: лобовое стекло цело, фары целы, колеса целы... Что могло приключиться? Внезапная смерть водителя? Скорее всего. Но возникает вопрос: почему его спутники предпочитают медленно тушиться внутри разогретого фургона, вместо того чтобы сесть за руль и продолжить движение? И если там рабы, то почему они не кричат? Двигатель багги работает тихо, но сидящие в фургоне люди должны были его услышать, поскольку в Зандре любой звук кажется громоподобным.

А они не слышали.

И сами не издали ни писка: обостренные чувства комби способны уловить малейший звук, но из фургона доносилось лишь приглушенное дыхание.

Что косвенно указывало на связанных рабов.

Визирь почти собрался подойти и заглянуть внутрь. Решил: докурю и пойду, но у «баскервилей», к счастью, не выдержали нервы, и они бросились в атаку раньше, чем Гарик сделал пятую затяжку.

Бросились молча – «баскервили» не лают, бросились резко – реакция у «баскервилей» дичайшая, муху на лету ловят, бросились быстро – тридцать метров до багги они готовы были сожрать за доли секунды, но...

Но в багги сидел не юнец безусый и не слабак, а много чего повидавший и ко всему готовый комби. И потому едва распахнулись металлические дверцы фургона, как трубка упала разведчику под ноги, правая рука легла на руль, нога – пока еще едва-едва, ласково – коснулась педали ускорителя, а в левой руке Визиря появился «Маузер РХ», тут же вздрогнувший выстрелами. Голова первой твари лопнула, как перезревшая тыква-пиявка – пуля влетела ей в глаз. Но второй «баскервиль» успел пригнуться, и предназначавшийся ему раскаленный кусочек металла прошел по касательной, не причинив особого вреда усиленной лобной кости твари.

Только кожу поцарапал.

«Баскервили» – видоизмененные лабораторией K9000 собаки – страшны и сами по себе, но особенно неприятны в стае. Они умны, хорошо дрессированы и знают, как добраться до добычи. Готовы выжидать, готовы атаковать, а эти – немыслимое дело! – готовы были печься в раскаленном фургоне.

«Похоже, егеря стали делать тварей по улучшенной методике...»

Впрочем, эта мысль посетила Гарика много позже, а тогда он плавно надавил на акселератор, уводя багги от жаждущих обеда псов.

«Четыре «баскервиля», чтоб их на атомы разложило...»

Что делать? Самое простое – прибавить еще и уехать в безопасную даль, продолжив путь в аттракцион Железной Девы, поскольку на длинных дистанциях и высокой скорости «баскервилям» за багги не угнаться. Однако Визирь уже настроился обыскать фургон и потому сильно не разгонялся, не оставляя стаю слишком далеко позади, и заложил широкую дугу, внимательно следя за тем, чтобы на пути не оказался валун.

Тактика сработала: один из «баскервилей», то ли самый сильный, то ли самый тупой, то ли и то, и другое одновременно, вырвался вперед в надежде первым добраться до шустрой добычи и схлопотал пулю в грудь. Покатился, роняя в пыль капли крови, заскулил и больше не поднялся – «РХ» только выглядит несерьезно, а пули разгоняет так, что иная винтовка позавидует.

«Осталось трое».

Которые, увидев, что произошло с шустрым собратом, внезапно остановились, недовольно наблюдая за пылящим багги. «Баскервили» готовы были признать поражение и отпустить разведчика на все четыре стороны, однако такое развитие событий комби не устраивало. Гарик остановил машину, быстро выхватил и вскинул винтовку и... и разочарованно цокнул языком: увидев длинноствольное оружие, хитрые собаки бросились за камни.

– Суки!

Или кобели – не важно. Сейчас имеет значение лишь то, что подлые твари поняли, с чем имеют дело, и укрылись.

Ситуация зашла в тупик.

Рассудок подсказывал, что нужно плюнуть и уехать, но в этот момент жадность была неожиданно поддержана гордостью: «Я что, не смогу справиться с тремя шавками?!» – и Визирь продолжил игру.

Он убрал винтовку, вновь взял в левую руку «маузер» и направил багги к фургону. «Баскервили» не появлялись. Если и следили за перемещениями Гарика, то очень осторожно, ухитряясь укрыться даже от опытного взгляда разведчика, и с места, как показывал тепловизор, не двигались. Комби остановил машину у распахнутых дверей, вышел, заглянул внутрь...

Хотел заглянуть!

Шестая тварь метнулась в тот самый миг, когда комби потянул левую дверцу. Бросилась, словно запустила себя из катапульты, врезалась в дверцу, ударила ею Гарика, опрокинув разведчика на землю, на мгновение задержалась – Визирь успел пнуть створку обратно, – снова бросилась, но лежащий на спине комби трижды выстрелил из «РХ». Пули разорвали «баскервилю» грудь, но тварь сумела упасть на Визиря, придавив его стокилограммовой тушей.

– Дерьмо!

У носа клацнули челюсти – умирающая собака продолжала бороться, – а ей на помощь, молча поднимая клубы пыли, со всех лап мчались родственницы... сестры по пробирке...

Дерьмо.

Гарик щелкнул пальцами – из правого накладного киберпротеза выскочил клинок, – вонзил его в песий глаз, рывком откинул окончательно обмякшую тушу, вскочил на колено... И тут же бросился в сторону – прыгнувшего «баскервиля» из пистолета не остановишь.

Псина врезалась мордой в борт, взвыла, а прокатившийся по земле Визирь хладнокровно расстрелял ее товарку. А затем машинально – уловил боковым зрением движение – выставил правую руку, поймав третью псину на клинок. Остановил в сантиметрах от себя, не дав порвать в клочья, чуть поднял руку, не позволяя извивающейся твари соскочить с ножа, двумя выстрелами в голову успокоил прыгунью и лишь после этого хладнокровно добил последнюю тварь.

Отдышался, оглядел заляпанную кровью одежду, вытер песком руки, достал из багги тряпочку, протер клинок, спрятал его, почистил и вернул в кобуру «маузер» и лишь после этого заглянул в фургон.

И сплюнул.

Добыча оказалась жалкой: трехлитровая фляга с водой, две банки питательных уколов для «баскервилей», – но и то, и другое перекочевало в багажник багги.

И только затем Визирь подошел к кабине. Он уже знал, кого увидит: чертова зоолога, чтоб его на атомы разложило, который клонировал стаю «баскервилей», повез заказчику, да сдох по дороге, превратив фургон в засаду...

Так и есть – егерь: на рукаве уткнувшегося в руль водителя красовалась нашивка K9000.

– Почему помер? А-а... Понятно... – Гарик увидел под ногами мертвеца блестящую «пудреницу» – вертикальный дозатор, в который заливали вызывающий галлюцинации раствор синей розы.

Один пшик в час считался нормальной, не мешающей жить дозой, но, даже перебрав, егерь бы не умер, а сидел сейчас и хихикал, пуская слюни и воображая себя посетителем Атомного Вегаса. Но парень мертв, следов насилия нет, а значит, у него банально не выдержало сердце: синяя роза угнетала его сильнее, чем мозг.

– Тебе повезло, – хмыкнул Визирь. – Ты помер спокойно, с улыбкой на губах. Прощай.

После чего вывернул у мертвеца карманы, забрал походный контейнер с тремя радиотаблами, пять золотых монет зигенской чеканки, литровую флягу с водой – полупустую, короткоствольный автомат «Хук» и три десятка патронов к нему.

Выбрался, уселся на камень, покурил, задумчиво разглядывая фургон и его мертвого владельца, выбил трубку и приступил к похоронам.

* * *

Время Света переломало Землю, превратило цветущие поля в Зандр, города в вулканы, а горы – в моря. Дороги исчезли... Все дороги: и асфальтовые, и грунтовые, и железные, и магнитные, и даже многие тропы... Несколько месяцев люди жили сами по себе, но потом появились первые торговые караваны, которые вскоре стали называть броневыми. Защищенными от любых неприятностей: и от плохих дорог, и от плохих людей.

И караваны дали надежду.

Там, где есть люди, должна быть торговля, это аксиома. Потому что кто-то производит в избытке еду, где-то скопилось много топлива, в третьем городе хорошие патроны или лекарства – и только торговцы способны связать производителей между собой. И торговцы вернулись. Сначала как топтуны, пешком путешествующие между ближайшими поселками, а потом – как гильдеры, объединенные в постепенно растущую Гильдию Коммерческой Взаимопомощи. И именно их бронекараваны, случалось, пробивали континенты от моря до моря, во имя прибыли связывая друг с другом новые города и новые страны, возрождая надежду на то, что рано или поздно свихнувшийся мир вернется к прежнему, нормальному облику...

Гильдеры торговали, дрались, погибали, но упрямо шли вперед.

Обычный бронекараван состоял из трех-пяти тщательно защищенных мегатраков – мегов, – способных без труда пройти по плоскому Зандру и даже форсировать небольшие реки. В горы же, то есть в вертикальный Зандр, торговцы совались редко, и только по известным, заранее разведанным дорогам. На мегатраки ставили башни с тяжелыми пулеметами или автоматическими пушками, способными вдребезги разбить даже БТР последнего поколения. Танку, разумеется, мегатрак противостоять не мог, но мало какой караван уходил в путь без ракетных комплексов... Другими словами, торговцы могли защитить свои вложения.

Меги, собственно, и были самим караваном: в них ехали люди, в них везли основной груз. Иногда, с милостивого разрешения баши, за караваном пристраивались грузовики свободных торговцев, но они путешествовали на свой страх и риск: случись что, их не защи-

щали и не ждали, поскольку караван – это мегатраки и только мегатраки, вокруг которых сновали машины разведки и мобильной защиты: мотоциклы, багги и броневики.

Девяносто процентов странствующих по Зандру мегов было построено еще до Времени Света, гильдеры их только бронировали и вооружили. Все они оснащались системами кондиционирования, однако экономные торговцы крайне редко пользовались благами цивилизации, и потому во внутренних отсеках огромных машин царил жуткая духота, украшенная толкотней, чужими разговорами, звучащими прямо над твоим ухом, и вонью давно не мытых тел, не исчезающей несмотря на распахнутые люки и дверцы.

Но такова была плата за безопасность.

И именно внутри головного, пассажирского мегавестовой отыскал еще не старого – лет пятидесяти, не больше, – абсолютно седого мужчину, одетого в серые штаны-карго, высокие ботинки и грязноватую зеленую рубашку с закатанными рукавами. Правую руку седого усиливал накладной киберпротез, гораздо меньшего, чем требовалось, размера, однако внимание на это несоответствие никто не обращал: после Времени Света с медицинским оборудованием стало туго, и люди пользовались тем, что удавалось отыскать.

Мужчина занимал место у иллюминатора, что говорило о его привилегированном статусе, и коротал время за чтением настолько потрепанной книги, что она казалась призрак самой себя. И это занятие также подтверждало, что седой стоит на ступеньку выше обычных пассажиров мегавестовой, предпочитавших спать, ругаться или раскидывать карты.

– Господин Тредер! – Обычно посланец хозяина вел себя куда свободнее, к пассажирам обращался исключительно на «ты», чтобы не привыкли, сволочи, к приличному обхождению, однако с седым следовало вести себя осмотрительно.

– Да?

– Вас хочет видеть баши.

Больше вестовой ничего не добавил, поскольку каждому пассажиру или служащему – даже привилегированному – было ясно, что раз баши зовет, то это важно, срочно и отказаться ни в коем случае нельзя. Поэтому седой немедленно поднялся, спрятал книгу в карман рюкзака и кивнул сидевшей напротив девушке:

– Жди здесь.

Она никак не отреагировала, продолжила смотреть в распахнутый иллюминатор, но Тредер и не ждал ответа и, кивнув, сразу же повернулся к вестовому:

– Я готов.

И они пошли по узкому коридору к голове мегатрака, к его командирской половине, отделенной от пассажирской зоны бронированной перегородкой, дверь которой запиралась изнутри. Вестовой остановился у «глазка», назвал, сообщил, кого сопровождает, после чего замок щелкнул, тяжелая дверь приоткрылась, и Тредер, сопровождаемый пристальными взглядами двух вооруженных охранников, медленно прошагал в кабину мимо жилых отсеков первой команды.

Вестовой важно указывал путь.

Мегатраки бронекаравана Мухаммеда Энгельса были построены на базе атомоходов «БелАЗ Каракум», которые до войны таскали грузы по пустыням и потому прекрасно чувствовали себя в Зандре. Кабина «Эйнштейна» располагалась на двадцатиметровой высоте и была настоящим капитанским мостиком площадью в тридцать квадратных метров. Здесь находились рулевой, связист, баши и операторы внутренней сети, управляющие машиной и автоматическим оружием. Прямо под кабиной располагался силовой блок атомохода, однако команду это обстоятельство не смущало: реактор был надежно защищен таранным ножом по носу, массивными цельными колесами и мощной броней корпуса.

– Хаким!

– Примите мое почтение, уважаемый баши. – Тредер склонил голову. – Для меня большая честь быть призванным вами.

– Ты по-прежнему вежлив.

– Воспитан.

– Разумеется.

Мухаммед Энгельс встретил пассажира хоть и дружеским восклицанием, но даже не обозначил движения подняться с капитанского кресла. Протянул руку, позволив ее пожать, выслушал все полагающиеся словеса, после чего небрежно указал на лобовое стекло:

– Аттракцион Железной Девы.

И умолк.

Седой обернулся и прищурился на показавшуюся вдали колокольню. Он знал, что бронекараван минут десять как взобрался на плато Кирпичи, тогда же понял, что цель близка, но все равно продемонстрировал эмоции:

– Наконец-то! – и шумно выдохнул: – Добрался.

– Здесь наши пути разойдутся.

– Да. – Тредер поклонился: – Благодарю за все, что вы сделали для меня, уважаемый баши. Только в вашем караване я мог чувствовать себя по-настоящему спокойно.

– Другие караваны сюда не ходят. – Энгельс позволил себе усмешку: – Боятся...

Аттракционы, то есть не рядовые поселения Зандра, а логова бандитов, мародеров и работорговцев, осторожные гильдеры предпочитали обходить стороной, устраивая шумные ярмарки в нормальных городах, но Железная Дева была исключением. И баши Мухаммед лукавил, когда говорил, что в Деву ходит только он: ее не оставляли вниманием все торговцы этой части Зандра, потому что...

Все дело заключалось в Полукруглом хребте, который охватывал обширный Веселый Котел с востока и мягко прижимал к Рогульским Утесам. Из-за Хребта в Котел не пришла чужая власть, но своих вождей, готовых противостоять падальщикам Зандра, на территории не нашлось, и потому главным здесь постепенно утвердился Скотт Баптист – главарь самой мощной банды падл. Довольно долгое время Баптист попросту «гулял», едва не спятив от вседозволенности и безнаказанности: грабил не задумываясь, насиловал всех, кого видел, отнимал, казнил... Одним словом, вел себя как заурядная падла с Зандра, однако бунты местных – хоть и жестоко подавленные – заставили Скотта призадуматься и понять, что Веселый Котел самой географией приспособлен для того, чтобы стать его вотчиной. Призадумался и одумался. Баптист превратил небольшой поселок на плато Кирпичи в хорошо укрепленный аттракцион и объявил себя единственной легитимной властью Веселого.

Что именно означает «легитимный», Скотт не знал, издаваемые законы называл понятиями, однако он дал территории главное – правила игры и хоть какую-то предсказуемость, превратил аттракцион в настоящую районную столицу и тем привлек внимание баши.

В некогда бандитскую зону потянулись бронекараваны.

– Через пять дней мы повернем на юг, в Январские Степи, пройдем по их крупным поселениям, выйдем на границу Белого Пустыря, проведем три ярмарки в его северной зоне, вернемся в Степи через Душные Камни, развернемся и снова выйдем в Веселый Котел. – Баши выдержал паузу. – Следующую ярмарку в Деве я планирую провести месяца через четыре. Не раньше.

– Зачем вы мне об этом рассказываете, дорогой друг? – тихо спросил Тредер, отворачиваясь к окну. При этом он зафиксировал правую руку в полусогнутом положении и чуть погладил, показывая, что немного нервничает.

– Тебе случалось бывать в Белом Пустыре? – вопросом на вопрос ответил Энгельс.

– Нет.

– Ты много потерял... – Баши вздохнул, припоминая... или подбирая слова. – Пустырь настолько белый, что убивает глаза, но так красив, что возникает желание сойти с ума. Особенно там, где мы будем, – на севере. Там белый цвет стал миром, вобрав в себя все его краски, всю жизнь... И ты знаешь, Хаким, иногда я специально останавливаю караван, чтобы полюбоваться Белым. Я смотрю, смотрю на него столько, сколько это возможно без защитных очков, потом надеваю их и продолжаю смотреть. Я люблюсь... Я люблюсь, Хаким, представляешь? Я! Я видел все до Времени Света и видел все после него. Я был уверен: ничто не сможет меня поразить, но Белый Пустырь ударил в самое сердце. Он прекрасен...

– И прекрасна сама возможность путешествовать, – едва слышно произнес Тредер. – Отыскивать чарующие места, которые, как ни странно, есть в унылом Зандре...

– Любоваться ими...

– И чувствовать себя человеком...

– Ты все понимаешь, – улыбнулся баши. – Ты умен и восприимчив, хотя пытаешься казаться обыкновенным.

– Благодарю, дорогой друг.

Но Мухаммед, как выяснилось, не закончил:

– Ты прекрасный врач, Хаким, ты мог бы лечить моих людей и практиковать в каждом поселении, где я ставлю ярмарку. Такие, как ты, сейчас наперечет и на вес золота.

– Все так, дорогой друг, но вы знаете мои обстоятельства, – развел руками седой. – Я услышал время, которое у меня есть, – четыре месяца. И если судьбе будет угодно вновь свести нас в Железной Деве и вы по-прежнему будете добры ко мне, я с удовольствием приму предложение и останусь путешествовать.

– Это твое слово?

– Да.

Энгельс выдержал паузу, демонстрируя, что ждал иного ответа, после чего велел:

– Помогите мне подняться. – Оперся на руку Тредера, медленно дошел до самого носа кабины и остановился у лобового окна. Теперь их разговор не мог слышать даже рулевой. – Ты хороший человек, Хаким, хороший, но глупый. Я видел много похожих на тебя людей, но все они были мертвыми. Или готовились умереть.

– Знаю, дорогой друг, – спокойно подтвердил седой. – Я не первый день в Зандре и потому подписываюсь под каждым вашим словом.

– Я не понимаю таких, как ты, но уважаю. Вы не останавливаетесь даже перед лицом смерти.

– Я должен...

– Больше ни слова – ты только что все о себе сказал.

Они помолчали, наблюдая за медленно приближающейся колокольней – даже на знакомом плато Энгельс не позволял разгоняться быстрее сорока километров в час, – наблюдая за мотоциклами и багги разведки – несколько машин устремились к аттракциону, – за броневиками охраны – люки задраены, пулеметные стволы медленно ходят по кругу, выискивая цели, – после чего баши продолжил:

– Я знаю – бесполезно, но не могу не предупредить в последний раз: не ходи в Безнадегу, Хаким, там совсем плохо. Все аттракционы, которые ты видел до сих пор, не идут ни в какое сравнение с Безнадегой. Там нет закона, нет даже понятий, нет ничего, к чему ты привык. Ты не вернешься.

– Вы знаете мои обстоятельства, дорогой друг, – повторил седой.

– Эх...

Мухаммед пожал Тредеру руку и замолчал. Впервые за много лет, с самого Времени Света, могущественный баши хотел, очень хотел, но никак не мог повлиять на происходящее. Не мог ничего изменить...

* * *

«Камни... Камни гладкие, аккуратные, словно облизанные, и грубые обломки с рваными краями. Камни, стоящие на песке и каменной крошке, на мельчайшей гальке, способной, кажется, течь не хуже воды, и посреди сухой, суше камня, выжженной солнцем земли. Камни едва ли не всех на свете цветов: черные и коричневые, белые и красные, зеленоватые, голубые, синие, серые... А еще – чистые и обросшие пятнами медузы. Камни...

Камни – это наш нынешний мир. Камни всех размеров, песок, солнце, радиация и снова камни... А между ними – редкие зеленые зоны и еще более редкие открытые водоемы. Настолько редкие, что в их существование никто не верит, потому что вода ушла вниз, в глубокие слои, прячется, не желая течь по каменной Земле...

Настоящая вода глубоко, а та, что приходит с неба, чаще всего бывает отравлена... Хотя... Отравлена она, по древним меркам, по таблицам, которые составляли врачи до Времени Света, до того, как мир стал гребаным, а мы сожрали столько радиации, словно нам делали рентген каждые тридцать секунд жизни... Всю жизнь... Всю прошлую жизнь...

Я плохо помню прошлую жизнь, но знаю, что, по ее меркам, я отравлен. И телесно. И духовно. Я отравлен и ядовит. Я опасен. Иногда я противен сам себе.

Но я живу.

Я знаю людей, которые скормили себе пулю, но я живу.

Отравленный. И ядовитый. Обитатель...

Я не знаю, кто первым назвал Зандр Зандром, но он не ошибся, чтоб меня на атомы разложило, он отыскал правильное слово, потому что, когда я оглядываюсь, я вижу только его – Зандр.

И когда я смотрю в себя, я снова вижу его – Зандр.

Зандр всюду.

Безжизненный. Пустой. Жестокий...»

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

Аттракцион Железной Девы открылся, едва багги взгромоздился на Кирпичи по северному серпантину: невдалеке, в полукилометре, а то и ближе, появилась серая башня, бывшая церковная колокольня, на маковке которой замерла бронзовая статуя. Если бы Визирь явился на плато по южной, широкой и пологой дороге, то до аттракциона пришлось бы проехать почти восемь километров, а так он сразу разглядел и знаменитую Башню центральной площади городка, и не менее знаменитую Деву на ней. Как колокольне удалось пережить Время Света и последующие за ним тектонические сдвиги: мощные землетрясения, появление Рагульских Утесов и открытие вулкана Шендеровича, – никто не понимал до сих пор. Но как-то пережила и теперь стала визитной карточкой аттракциона, известной далеко за пределами Веселого Котла.

С севера Железная Дева вплотную подходила к обрыву плато, но из предосторожности над ним не нависала: по краю предусмотрительный Скотт Баптист выстроил оборонительную линию, и едва багги поднялся на Кирпичи, как пришлось останавливаться у мощного блокпоста, состоящего из двух бетонированных дотов. Из правой амбразуры на мир смотрел тяжелый пулемет, а из левой – огнемёт и скорострельная авиационная пушка с электрическим приводом. А за дотами, вдоль дороги, были установлены шесть классических Желез-

ных Дев, по три с каждой стороны. И судя по свежим кровавым следам вокруг первой, сейчас она не пустовала.

В этом аттракционе преступников не вешали.

И еще в этом аттракционе все знали Визиря, поскольку за него сказал сам Баптист, атаман, богдыхан и повелитель Железной Девы, милостивый король, справедливый судья и главарь банды падальщиков имени себя. Баптист Визиря жаловал – в свое время разведчик составил для него идеальные карты Веселого Котла, – и потому мелкие падлы препятствий комби не чинили.

– С разведки? – осведомился Штиль, когда Гарик выбрался из багги.

– Ага.

– С Франко-Дырок или из Ямы Доверчивости?

– С Франко-Дырок.

– И как там?

– Пусто и радиоактивно, – отделался Визирь стандартной отговоркой комби. – А у вас?

– Кровь видишь? – Штиль мотнул головой в направлении Дев. – Веномы пытались прорваться.

– Заразные?

– Здоровых пропустили бы, – слегка удивленный странным вопросом, ответил падальщик. – Мы с веномами нормально, когда они нормально, а эти дикие шли, очумелые. Я их внизу разглядел, в бинокль, вижу, что первые десять тряпками замотаны по самые гланды, и ору: «Размотайтесь, черти!» А они прут. – Бой случился недавно, эмоции еще не улеглись, и Штиль с особым удовольствием описывал Визирю проявленный героизм. – В общем, побежали они...

– Побежали? – уточнил комби.

– Ага.

– Так они пешком к Кирпичам подошли?

– Пешком, – подтвердил падла.

– То есть совсем дикие...

– Получается. – Штиль помолчал.

Веномы – жертвы жутких болезней, порожденных агрессивной химией и вырвавшимися на волю боевыми вирусами, усиленными и видоизмененными повышенным фоном, – являлись одними из самых страшных порождений Времени Света. Истории о том, как два-три разносчика «кентуккийской эболы» или страшного «синдрома Клинтона» превращали в кладбища целые области, не были сказками – такое случалось. И потому в веномов предпочитали стрелять без предупреждения, их появление считалось достаточным поводом для атаки... Но постепенно ситуация поменялась. Исковерканные, но незаразные веномы стали мирными: вели оседлую жизнь, выживая так же, как все, и свободно торговали с чистыми. Опасность же исходила от веномов диких – заразных, болеющих и мечтающих утянуть в могилу как можно больше ненавистных чистых. Именно они считались бичом Зандра, его отравленной отрыжкой...

– Они орут: «Мы местные! Не стреляйте!», – а сами прут. Я им: «Стой! Суки! Докажите!», – а они прут и завывают, что местные. – Штиль потер подбородок. – В общем, мы из пулемета лупанули, они на землю попадали, меж камней укрылись, но я шуршание слышу – ползут и из огнемета врезал... Чуешь, мясом горелым воняет?

Воняло действительно изрядно. Пока разведчик ехал в багги, запах почти не ощущался, а вот на открытом воздухе вцепился плотно, и, будь комби чуть менее опытен, наверняка почувствовал бы рвотные порывы.

– Вы их горелыми в Деву запихнули?

– Веномов в Деву? – притворно изумился падальщик. – Да я к этим гадам даже за сотню радиотабл не прикоснусь! Близо не подойду!

– Издали сожгли?

– Ага.

Рассказывая, Штиль успел проверить Визиря на радиацию, химически и биологически опасные внедрения, сделал экспресс-анализ крови и, судя по всему, остался доволен результатами. Не зря покинув Франко-Дырки, Гарик тщательно провел полный цикл обеззараживания, причем не только себе, но и багги, всему оборудованию и находкам.

– А в Железную мы их проводника посадили, – продолжил падальщик. – За то, что к нам вывел.

– Комби? – уточнил Визирь.

– Да. – Штиль знал, что Гарик заинтересуется, и ждал реакции.

– Откуда?

– Я не спрашивал.

Разведчик качнул головой, показывая, что понял и ответ, и то, почему ответ был именно таким, после чего заложил большие пальцы за портупею, помолчал и, выдержав паузу, спросил:

– Забрал его Атлас?

– Конечно.

Следующий вопрос Визирь задал небрежно, походя, однако Штиль знал, что в действительности разведчик волнуется, как девочка на первом свидании.

– Есть что-нибудь интересное?

– Не смотрел.

– Сколько?

– Дорого.

– Дорого не куплю, – тут же ответил Гарик. – Я на мели, а найти ничего путного не удалось.

– Прибедняешься. – Падальщик выпятил нижнюю губу, демонстрируя, что не верит ни единому слову комби.

– Честное слово.

– Приходи, когда разбогатеешь.

– Я не Баптист, – с улыбкой протянул Визирь. – Сто раз его спрашивал, что нужно делать, чтобы разбогатеть, но так ничего и не понял.

Толстый намек на личное знакомство с главарем банды Штиль услышал и принял к сведению:

– Чтобы разбогатеть, нужно много работать и быть умным, – наставительно сообщил он разведчику.

– Вот и Скотт так говорит.

– Баптист зря не скажет.

– Верно... – Штиль помялся. С одной стороны, ему хотелось заработать побольше, с другой – он понимал, что только разведчик даст за Атлас достаточно много. – Сколько у тебя есть?

– Бери все, что есть. – Комби нервным жестом выложил на капот багги походный контейнер с радиотабломи – не забыв мысленно похвалить себя за то, что не переложил радиоактивные элементы в свой контейнер, – и кошель с золотом. В общем, все, что выгреб из карманов мертвого егеря. – Сам видишь, я не миллионер.

– Чем же будешь платить за стол и кров? – с подозрением осведомился Штиль.

– Возьму у Заводной кредит, – махнул рукой Гарик.

– Теперь это так называется? – осклабился падла.

– Теперь это называется так же, как всегда, – строго произнес Визирь. И тут же перешел в атаку: – Мне некогда, Штиль, соглашайся на предложение или жди другого комби. Только не факт, что он окажется при деньгах.

Было видно, что громиле очень хочется поскорее расстаться с Атласом, но он боится продешевить. Тем не менее вид радиотабло и золота в конце концов заставил падальщика сдаться.

– Я возьму все, – произнес Штиль, сгребая с капота предложенное. – Но ты мне останешься должен две радиотаблы.

Предложение было более чем заманчивым, однако сразу соглашаться не имело смысла. Гарик потер подбородок, цокнул языком, осведомился:

– Я забираю Атлас?

– Да.

– Тогда договорились. – И немедленно взял протянутое падлой устройство.

– Ты мне должен, – напомнил Штиль.

– Я надеюсь хорошо поторговать на ярмарке...

* * *

Останавливаясь в каком-либо поселении... как правило, в достаточно крупном, в центре края, области или района, гильдеры отправляли по округе мобильные лавки, извлекая прибыль из тех лентяев, что так и не соберутся в город, но главное действо, естественно, разворачивалось на ярмарке.

Здесь продавали и покупали все, что имело смысл продавать и покупать в Зандре: еду и воду, оружие и боеприпасы, одежду, обувь, снаряжение, запчасти, приборы, устройства, наркотики, лекарства, топливные элементы, генераторы, машины, программы... Здесь продавали радиотаблы и расплачивались радиотаблами. Обменивались новостями и сплетнями. Пытались обмануть или обокрасть. Случалось – не доживали до конца ярмарки, случалось – уезжали с нее богачами...

– Будешь работать? – негромко поинтересовался Энгельс.

– Нет, – качнул головой Хаким. – Нужно найти проводника.

– Знаешь кого?

– Из Железной Девы на побережье ходят лишь два разведчика – Пепе Сапожник и Гарик Визирь, надеюсь, хотя бы одного из них привлечла ваша ярмарка, дорогой друг. И мне не придется ждать...

– Из Белого Пустыря тоже можно добраться до Безднадеги, – неожиданно произнес баши. – Но тебе нужны Сапожник или Визирь, потому что они знакомы с Шерифом.

– Вы умны, дорогой друг. – Тредер склонил голову.

– А ты не был со мной до конца откровенен, Хаким, – усмехнулся Энгельс.

– Не хотел погружать вас в мелкие проблемы простого обитателя Зандра, дорогой друг, – объяснил седой. – Они не стоят вашего времени, – и поправил киберпротез на правой руке. – Извините, если вы сочли мое поведение дерзостью.

– Я прожил много лет, – растягивая гласные, произнес Мухаммед, наблюдая за тем, как его разведчики проверяют подготовленную местными территориями. Броневики уже обозначили периметр, и теперь настала очередь комби и стационарных приборов исследовательского грузовика, которые вынюхивали Зандр на много метров в глубину, выискивая заложенные мины, отравленные полости или еще какую-нибудь заразу, способную угробить ярмарку и караван. – Но ни разу за всю мою жизнь меня не посылали к черту с таким уважением.

– Ни в коем случае...

– Молчи! – Баши поднял руку, дождался тишины и вновь улыбнулся: – Ты хороший человек, Тредер. Я скажу за тебя Баптисту, так что проблем с местными не будет.

– Спасибо, дорогой друг.

– Я обещал.

Мужчины пожали друг другу руки, и Энгельс, глядя седому в глаза, произнес:

– Не сдохни, пожалуйста. Я с удовольствием возьму тебя в первую команду.

– Спасибо за пожелание удачи.

– Увидимся, – буркнул Мухаммед и отвернулся к лобовому окну, наблюдая за маневрами мегов.

Ярмарку гильдеры, как правило, ставили за городской чертой, поскольку обычные поселения Зандра большими размерами не отличались и ни одна из их площадей не могла принять не то что торговую зону, а даже пару гигантских машин бронекараavana.

Определив территорию, мегатраки выстраивались на ней порядком «крепость» – прямоугольником, – но не сплошным, а оставив небольшие проходы для циркуляции товара. Внутренняя зона становилась запретной, в нее допускались лишь караванщики, и нарушение границы без разрешения каралось смертью – по договоренности с Гильдией данное правило соблюдали все власти Зандра. Вокруг внутренней зоны ставились палатки, лавки и павильоны караванщиков, а уж за ними появлялись навесы местных торговцев, пытающихся заработать на шумной ярмарке.

– Самый бедлам начнется послезавтра, – бормотал Тредер, широко шагая к городским воротам Железной Девы. – Сегодня ярмарку ставят: паркуют мегы, устанавливают лавки, распаковывают товар... Торговли не будет. Завтра к гильдерам прибегут самые шустрые из местных топтунов, любители работать оптом. Сегодня они договариваются с Баптистом о кредите или ищут деньги в других местах, завтра скупят какой-нибудь показавшийся им дельным товар, причем скупят на корню, не позволят ему выйти на ярмарку, а в последний день начнут торговлю... А вот послезавтра до Девы доберутся фермеры со всего Котла, и здесь начнется тот самый бедлам, о котором я говорю... Вот так-то, Надира.

Но девушка, скромно семенящая слева от седого, промолчала. И по ее безразличному взгляду было совершенно непонятно, услышала она Тредера или нет.

Спутница Хакима вообще состояла из одних только «не» – не эмоциональная, не яркая внешне и совершенно не самостоятельная: шла, куда указывал седой, и безропотно несла довольно объемистый рюкзак, в то время как Тредер утруждал себя лишь потрепанной сумкой через плечо. Грязная рубашка и мешком висящий комбинезон – коричневого, с порванным и аккуратно зашитым карманом на правом бедре, – скрывали фигуру девушки, а завершали ее одеяние грубые армейские ботинки на толстой подошве, каковые таскали все путешественники Зандра. Сальные волосы неопределенного цвета, кажется, светлые, но вряд ли кто-нибудь за то поручится, были кое-как собраны в хвост; лицо вроде приятное, но настолько чумазое, что желание рассматривать его сразу же исчезало, а самое главное, лицо Надиры было расслабленным, слегка расплывшимся, безжизненным, каким оно бывает у людей с задержкой развития. Точнее, учитывая возраст девушки, у людей с умственными отклонениями.

– Говорят, здесь довольно дешевая вода, но шиковать не будем: неизвестно, сколько нам придется прождать проводника. Мы проделали большой путь не для того, чтобы остаться без денег в этом глухом уголке. Мы должны экономить. – Седой вздохнул и прищурился на большую аляповатую вывеску: «Заводная Лиза». – Кажется, пришли...

* * *

«Время Света обожгло каждого из нас. Кого-то сильнее, кого-то слабее, но достало оно всех. И всех превратило в конченных эгоистов, думающих только о себе. Заботящихся только о себе. Готовых предать и убить ради себя. Не жалеющих ни родителей, ни детей. И хотя некоторые сбиваются в стаи, делают они это только ради себя: иногда в банде легче выжить, потому что стая падальщиков проживет дольше одинокого бандита. И убьет больше.

Мы превратились в зверей.

Но мы не виноваты, чтоб нас всех на атомы разложило...

Долгое время у нас не было никакой цели, кроме как дожить до завтра. Найти еду. Не стать едой. Отбиться от преследователей. Спасти. Долгое время мы выживали, и многие сохранили философию «убей или умри».

Зандр жесток. Зандр беспощаден.

Зандр требует крови, но... но в нас, как ни странно, осталась потребность делать больше. Делать не для себя. Или не только для себя.

Время Света превратило нас в зверей, но теперь, как мне кажется, мы потихоньку шагаем обратно. Мы начинаем напоминать людей...

Нет, я никого не идеализирую, даже себя и своих братьев-комби: мы разные, мы делаем много вещей, которые не следовало бы делать. Но у нас есть цель, или, если хотите, хобби. Не важно. Важно, что мы делаем что-то не только для себя.

Важно, что мы выкладываем Атлас капитана Морте в свободный доступ...

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

Комби, закончившего дни в чреве Железной Девы, звали Брезентом, и диких веномов он повел к аттракциону из-за банальной жадности: они дали сотню радиотабл и десять золотых монет. Так, во всяком случае, было записано в комментариях к вложениям в Атлас, которые, как и многим другим разведчикам, служили Брезенту дневником. И теперь все это богатство оказалось разделенным между падлами блокпоста... С какого перепуга дикие веномы обозлились на Железную Деву, а главное, почему они повели себя столь глупо – не дождались ночи, пошли в рост на пулемет, – Брезент не написал, пометил, что расскажет позже, но не успел. Он собирался удрать до начала атаки, удрал – веномы мешать не стали, но опытный Штиль отправил трех мотоциклистов прочесать окрестности, и бедолага Брезент оказался в лапах не остывшего после драки падальщика. А затем – внутри Девы...

«Зря он не застрелился... Должен же был знать, что в аттракционе Железной Девы никого не вешают...»

Гарик о Брезенте слышал, но и только – вместе не работали, хлеб не переламывали, а потому к горечи от смерти собрата личных ноток не добавилось. Был комби Брезент, а теперь его нет – вот и весь сказ. Зандр суров... Да и все там будем.

– Ты страшно умер, брат. – Визирь поднял стакан с крепчайшим пойлом, которое местные гнали чуть ли не из черного подорожника. – Верю, ты составишь для меня Атлас рая. Увидимся.

Стакан Гарик выпил стоя, крикнул, пропуская обжигающую жидкость внутрь, уселся на стул и открыл самый интересный раздел Атласа Брезента – его личные вложения.

– Посмотрим, что ты раскопал...

Время Света переломало не только людей, но и Землю.

Удары ядерным и тектоническим оружием загрязнили и перекроили континенты. Появились новые горы и моря, каньоны и пустыни, острова и проливы. В страшном калей-

доскопе смешалось все: появились зоны химического и биологического заражения, области вечных дождей и территории новых, ни на что не похожих джунглей. Старые поселения погибли, на свет явились новые; реки поменяли русла или попросту лишились их; среди камней сидели в засаде новые животные, мир стал Зандром, и люди заблудились в нем.

Первое время их не особенно волновало происходящее за пределами убежища или района, в котором они умудрились выжить, в первое время люди пребывали в шоке, но постепенно он проходил, стала подниматься сеть, люди начали общаться, делиться информацией, впечатлениями, предупреждениями... И появился сайт Атлас, рассказывающий о произошедших на Земле изменениях.

Атлас фиксировал новые горы и вулканы, реки и поселения, береговую линию и манеру поведения жителей, очаги химического заражения, сезоны ядовитых дождей, радиоактивные зоны и направления миграции крупных банд падальщиков... Информация выкладывалась не часто, была не очень подробной, но даже этих крупиц хватало для спасения жизней. Доклады таинственного капитана Мorte помогали выжить, их ждали, а никому не известного парня, который считал своим долгом подробно рассказывать о новой Земле, искренне любили. И удивлялись, как ему удается избегать страшных опасностей, о которых капитан рассказывал в отчетах. Удивлялись и говорили в его честь длинные тосты...

А однажды во всех тавернах Зандра вспомнили о знаменитом бродяге, но стаканы подняли молча и чокаться не стали.

Однажды капитана Мorte нашли в кабине старенького вертолета, разбившегося в новых, еще не описанных скалах. И тогда же стало понятно, как ему удавалось обходить смертельные ловушки и чувствовать опасность на расстоянии: капитан был комби и благодаря имплантатам из него получился едва ли не идеальный разведчик.

Мorte выложил четырнадцать карт и подробно их описал.

А в течение первого после его смерти года его последователи, члены стихийно сложившегося Ядерно-Географического общества, добавили к Атласу еще двадцать семь исследованных районов, и дальше их количество неуклонно росло.

Комби нашли дело по душе.

Брезент оказался «тихим» комби, а не «рисковым». Он предпочитал работать проводником Зандра, а не лазить по опасным зонам, добывая новую информацию. Его Атлас старательно копировал содержимое главного сайта комби, и, если бы не одно вложение, подробно описывающее северный сектор Поля Пьяных Петухов, Гарик считал бы, что напрасно потратил егерские деньги на выкуп устройства.

А так комби получили хоть что-то...

Сегодня сеть в Железной работала вполне прилично, видимо, благодаря пришедшему бронекаравану Визирь без привычного торможения вошел в Атлас капитана Мorte и сделал новое вложение, пометив, что автором является Брезент. Затем подробно описал обстоятельства, при которых заполучил чужое устройство, и предложил помянуть принявшего страшную смерть собрата.

На этом его долг был исполнен.

Гарик попытлся трубкой, быстро проглядывая свои собственные, сделанные за последнюю неделю вложения, скинул три наиболее интересных в главный Атлас, но тут сеть легла, делать стало нечего, и Визирь, поразмыслив, спустился в большой зал пропустить стаканчик.

В шумный, дымный и пьяный зал.

Оказываясь в Железной Деве, Гарик всегда останавливался в таверне «Заводная Лиза» по той простой причине, что принадлежала она лично Баптисту, без посредников, каковое

обстоятельство гарантировало посетителям относительную безопасность. В том смысле, что стрелять в помещениях таверны категорически запрещалось.

К тому же у комби сложились отношения с Заводной, и в те дни, когда он действительно оказывался на мели, ему открывали кредит, что было редчайшим для Зандра случаем.

– Как обычно?

– Да.

Визирь огляделся и с неудовольствием отметил, что приход бронекаравана изменил привычный контингент заведения. И увеличил его минимум втрое. В аттракцион стянулись все обитатели Котла, у которых водились деньги или имелся товар, который можно было обратить в деньги, а за ними подтянулись почуявшие запах добычи падальщики. Вольные падальщики, уважающие Скотта Баптиста, но не подчиняющиеся ему.

И Гарик не сомневался, что этой ночью в заведении обязательно появятся трупы...

– Ты чего-то нервный, – заметил Джек-Дэн, пододвигая разведчику стаканчик с «подорожной»: местные любили щегольнуть легендой, что настаивают пойло на ядовитом растении. – Случилось чего?

– Штиль комби в Деву загнал.

– Слышал, – подтвердил бармен. – И что?

Действительно, и что? Для обитателей аттракциона Брезент был врагом, ведь именно он привел к Железной диких веномов, а значит, получил по заслугам. Страшная смерть стала справедливым, по мнению бармена, наказанием.

– И что?

– Нас мало, – негромко протянул Гарик.

– Не нужно было связываться с веномами, – пожал плечами Джек-Дэн. Поразмыслил и добавил: – Но на твоём месте я бы подумал о себе.

– Никогда не иду на сделки с веномами.

– А я не о них, – хмыкнул Джек-Дэн. – Энгельс ярмарку привез, и все банды Котла стянулись в аттракцион...

На этот раз намек оказался достаточно толстым, чтобы комби понял, что имеет в виду бармен.

– Бампер здесь? – осведомился Визирь, доставая кисет.

– Ага, – подтвердил Джек-Дэн. Несмотря на то что народу в заведении не убывало, он продолжал болтаться рядом с разведчиком, сбросив заботы по спаиванию посетителей на помощников. – Уже дважды проходил на твой счет, но вряд ли рискнет устраивать бузу в аттракционе.

– Шестерок натравит, – поморщился Гарик, раскуривая трубку.

– Ты знал, на что шел, когда тащил в койку Карину, – хихикнул бармен.

Знал... Но как раз тогда, больше года назад, у Бампера возникло серьезнейшее недопонимание с Баптистом, и Визирь искренне надеялся, что главарь одной из банд вольных падальщиков не выживет. Надежда не оправдалась. Несколько месяцев Бампер бегал от Баптиста по всему Котлу, даже на сопредельные территории, случалось, уходил, но всегда возвращался, не желая покидать привычную среду обитания. В конце концов они договорились, помирились, и Визирь оказался в дурацкой ситуации.

– Надо было дожидаться, когда его убьют, – философски произнес Джек-Дэн.

– Надо, – не стал отрицать комби, пыхнув трубкой.

Ветреной Карине ничего не грозило: все женщины аттракциона – и проститутки, и честные – находились под защитой Скотта, такой вот у Баптиста был пунктик. Бампер, как и все обитатели Веселого, об этом знал и заявил, что на Карину не в обиде: женщина по определению слаба на передок, не устояла. А вот Гарику-совратителю главарь падаль-

щиков во всеуслышание пообещал отрезать то, чем было нанесено оскорбление, после чего засунуть в Железную.

– Здесь кто-то всерьез опасается Бампера?

Услышав за спиной грудной женский голос, Визирь не повернулся, но ответил:

– Поцарапал передний о камень, хочу поменять.

– Еще не поцарапал, только собираешься, – прищурилась Заводная, положив руки на плечи комби. – Здравствуй, дорогой.

– Здравствуй, милая. – Он наконец повернулся и крепко поцеловал женщину в губы.

Бармен деликатно отвернулся.

– Как твои дела? – Заводная присела на соседний табурет, и комби с удовольствием накрыл ладонью ее руку. Ему было приятно прикасаться к этой женщине. И вдвойне приятно от того, что все вокруг это видят.

– Отлично.

– Надолго к нам?

– На ярмарку.

– И все?

– Дальше – как пойдет.

– Вечно у тебя так.

– Что делать: жизнь разведчика – дорога.

Лиза не была красавицей. Невысокая, склонная к полноте... еще не раздобревшая, но «кругленькая»... Она могла оставаться незаметной, однако была именно заводной, энергичной, деятельной и тем привлекала. В ее зеленых глазах, как правило, горел огонь, а с лица редко сходило приветливое выражение. И за это Лизу любили и ценили.

– Видел Бампера?

– Не знаешь, кто-нибудь из аттракциона ждал вчера или сегодня егеря? – Гарик намеренно перевел разговор на другую тему.

– Я жду, – тут же ответила Заводная.

– Ты заказала егерю «баскервилей»? – удивился разведчик. – Зачем?

– Баптист велел.

– А-а... – Комби знаком показал бармену, что нужно повторить, и с приличествующей случаю грустью поведал: – Егеря не придет: я нашел его мертвым в десяти километрах к северу.

– Что случилось?

– Парень перебрал синей розы и получил сердечный приступ.

– Жаль... Макар был хорошим... Смешным... – Женщина сделала глоток коктейля. –

А «баскервили»?

– Оголодали и устроили засаду.

– Ты их пострелял?

– Пришлось, – развел руками комби.

– Один шестерых псов? – изумилась Лиза.

– Да...

– Врет, конечно!

– Вонючая отрыжка... – пробормотал бармен, делая маленький шаг назад.

– Все комби – лжецы. – Подошедший Бампер растолкал посетителей, уселся на табурете слева от разведчика, но говорить продолжил с женщиной: – Разве ты не знала?

Позади падальщика встали два мордоворота. Эскорт.

– Я знаю, что Баптист запретил входить в мое заведение с оружием. – Лиза кивнула на торчащую из открытой кобуры пистолетную рукоятку: – Забыл?

– Это моя любимая зажигалка, – осклабился Бампер.

– Смотри не обожгись.

– Заводная, ты мне угрожаешь? – удивился падла.

– Дать тебе фишек? – осведомилась женщина. – Сегодня у меня играют по-крупному, как ты любишь.

– Я только что из-за стола.

– Выиграл?

Заводная очевидно давила, однако ее усилия пропали даром.

– Лиза, – притворно удивился Бампер, – тебе самой не противно его прикрывать? Защищать? Как можно спать с тем, кто прячется за спину подруги?

– Я готов уладить наше недопонимание честными извинениями, – твердо произнес Визирь, посмотрев падле в глаза. – Я поступил очень глупо и зря провел время с Кариной. В тот момент я был пьян, не понимал, что делаю, но это меня не извиняет. Я был не прав, я признаю и при всех приношу тебе извинения.

Судя по тому, что после речи разведчика в зале установилась тишина, многие посетители «Заводной» зорко следили за развитием скандала.

– То есть ты признаешь, что вел себя как идиот? – наслаждаясь всеобщим вниманием, поинтересовался падальщик.

– Признаю, – ровно ответил комби.

– И я тебя прощаю...

Брови Джек-Дэна удивленно поползли вверх, Лиза едва заметно выдохнула, но падла, как выяснилось, не закончил:

– ...однако яйца тебе все равно отрежу. – Кто-то в зале хихикнул. – Извини, трусливый комби, я дал слово. – Бампер повернулся к Заводной и театрально продолжил: – И ты извини.

Теперь кто-то громко расхохотался.

– Без этого никак? – тихо спросил Гарик.

– Нет, – развел руками Бампер. – Но раз уж ты извинился, то я оставлю тебя в живых. Примером, так сказать, для тех, кто рискнет...

– Сам отрежешь? – нарочито громко, перебивая разговарившегося бандита, спросил Визирь.

– Что? – не понял Бампер.

– Угрозу сам исполнишь или поручишь кому? – В голосе разведчика появились издевательские нотки. – Ты ведь считаешь себя большим боссом, предпочитаешь, чтобы за тебя вкалывали... Карина говорила, что поднимать свое достоинство ты поручаешь квадратным розовым таблеткам... Неужели правда?

А вот теперь в зале стало совсем тихо. Абсолютно. Заткнулись хихикавшие, заткнулись хохотавшие, заткнулись даже те, кто негромко переговаривался в дальнем углу. Заткнулись и подтянулись в главное помещение игроки. Даже мухи, вечные спутники питейных заведений, прекратили жужжать.

«Ты спятил?» – одними губами произнесла Заводная.

– Теперь мне придется тебя трахнуть, мальчик, – медленно произнес падальщик. Его пальцы подрагивали от сдерживаемого бешенства. – Чтобы все убедились, что мне розовые квадраты без надобности.

– Любишь мальчиков? – Визирь выдал презрительный смешок. – Не зря говорят, что банды вольных падл на самом деле большие семьи...

Кулак у Бампера оказался на удивление тяжелым. То ли главарь падальщиков был обладателем встроенного киберпротеза, то ли был так крепок, как выглядел, – неизвестно. Зато известно, что пропустивший удар Гарик стартовал от стойки с энергией космической ракеты, и его столкновение с ближайшим столиком походило на взрыв: звон битой посуды, улетающие бутылки, сломавшийся стул, недовольные вопли...

– Я тебе покажу – семью! – рывкает Бампер. А его эскорт рвется вперед, желая поскорее растоптать упавшего врага. – Ты у меня...

Губы разбиты в кровь, в голове шумит, перед глазами плывет, но комби ухитряется врезать левому падальщику по колену – из положения «лежа», – откатиться, уходя от удара правого, подскочить на корточки и следующий выпад заблокировать руками. Все-таки усиленные конечности – большое подспорье в сложной жизни разведчика.

Хрясь!

Визирь не просто блокирует удар ногой, он успевает чуть крутануть падлу, и бандит летит лицом на пол.

Вопль.

Мозг отмечает, что пока все хорошо, но отвлекается не сильно и уж точно не расслабляется, поскольку жизнь по-прежнему на волоске.

Левый падальщик, тот, что пару секунд назад получил по колену, пришел в себя и заматывается ножом. Визирь ужом скользит под рукой противника и отвечает, точнее, опережает падлу ударом появившегося в руке клинка. Причем комби не тычет своим оружием абы как, а точно бьет в заранее просчитанную точку, добираясь до бедренной артерии врага.

Вскрик. Хрип. Красное обильно поливает пол...

– Гарик!

«Наконец-то!»

Комби ждал сигнала с самого начала драки, а потому готов: резко вскакивает на ноги, подхватывает еще не упавшего падлу и разворачивает его к стойке. И все – одним движением. И только поэтому две пули из пистолета Бампера влетают не в разведчика, а в импровизированный щит.

Грохот.

А меньше чем через мгновение – еще два выстрела. И спокойно произнесенная в тишине фраза:

– Мое слово крепко.

«Баптист!»

Визирь знал, что в него хозяин аттракциона без предупреждения стрелять не станет, но все равно действует быстро: роняет мертвого падальщика, роняет нож и поднимает руки:

– Я только защищался.

Какая-то женщина издает нервный смешок, но в целом посетители не спорят, молчаливо подтверждая, что скандал затеял не разведчик, а его оппоненты.

Скотт явился крайне вовремя: охранники заведения, несмотря на действующие правила, вряд ли бы рискнули затеять перестрелку со столь авторитетным падальщиком, как Бампер, и комби пришлось бы класть врага лично, что могло привести к неприятным последствиям в виде выстрела в ногу. Сейчас же ситуация выглядела практически идеально: Визирь избавился от врага, Баптист избавился от врага, и оставалось лишь решить, как соблюсти приличия.

– Кто был зачинщиком? – приступил к «расследованию» Скотт.

– Смотря в какой момент, – вздохнула Заводная. – Если сегодня, то Бампер. Если год назад...

– Все знают, что случилось год назад, – оборвал помощницу Баптист. – Нет смысла повторять.

– Как скажешь.

Хозяин аттракциона бросил на Лизу быстрый и не очень довольный взгляд – женщина выдержала его, – после чего вернулся к разведчику:

– Насколько ты хотел задержаться?

– Дней на пять, – ответил тот, продолжая стоять с поднятыми руками. – На время ярмарки.

– Уйдешь до завтрашней полуночи и не появишься в Железной Деве полгода, – решил Баптист. – Если появишься, я лично тебя убью.

Учитывая обстоятельства – ведь Скотту еще предстояло «улаживать дела» с бандой Бампера, – наказание оказалось более чем мягким.

– Я понял, – кивнул разведчик.

– Очень хорошо. – Баптист бросил на Заводную еще один, весьма многозначительный взгляд и распорядился, кивнув на трупы: – Приберитесь, у нас приличное заведение...

«Проклятье!»

Знал ведь, знал, что эта дверца – зеркальная. Всегда знал и всегда контролировал себя – не смотрел. Сколько раз был в этой спальне – даже взгляда на дверцу не бросил. Ни разу не бросил. И вдруг – посмотрел.

– Ты вздрогнул, – заметила лежащая рядом Лиза.

– Задумался.

– О чем?

– Я...

Визирь неопределенно пожал плечами.

Наверное, о том, что не любил свое отражение. Себя любил, а отражение – нет, такой вот получается анекдот. Станный. Непонятный. Потому что отражение у Гарика было вполне себе нормальным, в стиле комби. Конкретно в настоящее время – в стиле «комби расслабился».

Длинные черные волосы обычно стянуты в хвост, но сейчас распущены, свободно падают на лицо и плечи... Лизе нравится играть с его волосами, запускать в них тонкие пальцы, гладить... Но длинными волосы были только сверху, виски выбриты наголо и еще до Времени Света обработаны химией так, что больше там ничего не росло. На левой стороне свободное место сначала украшала татуировка клана комби, к которому до войны принадлежал молодой Визирь, а теперь – воздушный шар, баллоном которому служил глобус, символ Ядерно-Географического общества. Правая же сторона головы была «технической», сюда вживлялись и обслуживались импланты. В том числе в правый глаз, который у Гарика был на сто процентов искусственным, обеспечивающим необычайную остроту зрения и возможность напрямую передавать изображения в компьютер. Правая сторона головы, висок и часть лобной кости Визиря были переделаны еще до войны, и когда-то его облик считался элегантным и современным. Считался образцом работы превосходного комби-мастера.

А сейчас не нравился.

Может, именно потому, что напоминал о жизни до Времени Света?

Еще один кожух находился в левом боку комби и защищал микрогернератор Таля, топливными элементами для которого служили маленькие круглые блоки, именуемые на сленге «радиоактивными таблетками» – радиотаблами. От микрогера же питались все внутренние, спрятанные под оригинальной плотью киберпротезы Гарика и все устройства, превращающие его в комби... Комбинированного человека... Как писали в старых рекламных плакатах: «Человека будущего»...

Романтические устремления, юношеское бунтарство, а также умелое воздействие на незрелый ум опытных маркетологов привели к тому, что теперь Визирь смотрел на свое отражение без всякой радости. И удивлялся, как мог когда-то гордиться тем, что стал комби на сорок два процента...

– Мне опять снились Нетронутые острова, – произнесла Лиза, поняв, что на предыдущий ее вопрос Гарик отвечать не собирается. – Там не было Времени Света, химиче-

ских и биологических атак, землетрясений... Не было ничего из того, что накрыло нас... И люди там остались добрыми, настоящими... Они даже не знают, что случилась война... Они живут, как раньше: ловят рыбу, чинят снасти, собирают с деревьев фрукты, купаются в теплых лагунах и холодных горных озерах, а по вечерам выходят на берег, садятся на песок и смотрят на закат. И спрашивают друг друга: «Почему к нам давно никто не приплывал?» И отвечают: «Наверное, люди материка заняты важными делами...»

Она судорожно передохнула. Показалось – вот-вот заплачет, и он нежно обнял женщину за плечи, прижал к себе, едва слышно спросил:

– Хотела бы уехать?

– С тобой? – прошептала Лиза, всем телом прижимаясь к своему мужчине.

– Одну я тебя не отпущу.

Она улыбнулась. И глубокая печаль смешалась в ее улыбке со счастьем женщины, знающей, кого она хочет видеть рядом.

Как ни странно, но Заводная довольно долго не уделяла Визирю никакого внимания, точнее, уделяла, но не больше, чем другим посетителям: иногда болтали ни о чем, иногда отчаянно торговались, иногда ругались, но ни разу между ними не мелькала та искра, о которой любят рассказывать романтически настроенные поэты и писатели. Гарик к Лизе тоже не подкатывал: все-таки одна из помощниц хозяина аттракциона, управляющая серьезным заведением имени самой себя, хоть и улыбочивая, но жесткая, твердая... Гарик соблюдал нейтралитет, но история с Кариной все изменила. Узнав, что комби, в лучших традициях авантюрных романов, наставил рога злобному бандиту, Лиза при первой же возможности затащила Визиря в койку... И с тех пор они не расставались.

Может, именно той жаркой ночью их и обожгла искра?

– Жаль, что Нетронутых островов не существует, – вздохнул разведчик.

– Атлас несовершенен, – тихо ответила Заводная.

– Согласен...

– Тогда не говори о том, чего не знаешь, – захлопнула ловушку женщина. – Нетронутые острова есть, только до них еще никто не добрался.

– Ты действительно веришь? – удивился Гарик, не ожидавший такого от умной и предельно прагматичной Лизы.

– Они мне снятся, – спокойно ответила Заводная. – А мне никогда не снится то, чего нет.

И столько убежденности прозвучало в ее голосе, что ошарашенный комби проглотил едва не слетевшую с языка шутку. Вздохнул, останавливая себя, и очень-очень проникновенно, почти нежно, спросил:

– Почему ты не хочешь найти остров где-нибудь здесь?

– В аттракционе?

– Например.

Лиза улыбнулась. На этот раз – просто грустно.

– Гарик, ты лучше меня знаешь, насколько опасна жизнь в аттракционах. В Железной Деве все зависит от Баптиста. Сейчас он крепок, держит Котел в ежовых рукавицах, но кто знает, что будет дальше – его могут съесть...

– Всех могут съесть, – пробубнил Визирь, однако не был услышан.

– Или же Скотт окончательно спятит от синей розы, которую нюхает все чаще, и сам нас пристрелит. Или... – Она помолчала, после чего покрутила головой. – Нельзя начинать новую жизнь там, где прошла старая.

– Нетронутых островов не существует. Простая логика...

– Плевать на логику, – отрезала Заводная. – Говорят, в портах Днища можно сесть на корабль, идущий на юг. Капитаны требуют огромные деньги, но путешествие того стоит...

– К Нетронутым островам?

– Да. – Лиза приподнялась на локте и в упор посмотрела на мужчину: – Неужели тебе не надоел Зандр?

И он снова отвернулся к зеркальной дверце шкафа. Он не любил свое отражение, но лучше смотреть на него, чем в глаза женщины, которая верит в тебя больше, чем ты сам в себя веришь.

* * *

– Рабыня? – осведомился Скотт, пристально глядя на безмятежно улыбающуюся Надиру. Сегодня у девушки было хорошее настроение, и потому она не стояла с обычным отрешенным видом, а улыбалась. Впрочем, придурковатая гримаса говорила о состоянии ума девушки так же хорошо, как и выражение тупого равнодушия.

– Там, откуда я пришел, рабство запрещено, – тут же сообщил Хаким, нервно поглаживая правую, слабую руку, которую поддерживал слишком маленький, не по размеру, кибер-протез.

– Не запрещено, а не поощряется, – уточнил Баптист.

– Верно, – после секундной паузы согласился Тредер. – Прямого запрета не существует, но только потому, что люди...

– Так это твоя рабыня?

– Да, – сдался седой. – Ее жизнь принадлежит мне.

Иногда приходится оперировать теми понятиями, которые ближе собеседнику.

– Как зовут? – повеселел Баптист. – Имя у нее есть?

– Надира.

– Продаешь?

– Э-э... – Хаким замялся, и пальцы его левой, здоровой руки принялись выбивать на протезе тревожную дробь. – Надира не столько рабыня, сколько воспитанница. Я подобрал несчастную сразу после Времени Света и с тех пор забочусь о ней...

– Представляю как! – расхохотался хозяин аттракциона, и падальщики из свиты вернопоподданно заржали следом.

Тредер побледнел. Надира продолжила улыбаться окружающим, в уголке ее губ пузырилась слюна.

Баптист встретил седого путешественника во время обязательного утреннего обхода ярмарки в сопровождении вооруженной охраны, баши и трех старших гильдеров каравана. Они задерживались у каждой палатки, под каждым навесом, и хозяин аттракциона получал исчерпывающий рассказ о выставленных товарах. Если проявлял интерес, разумеется...

К Тредеру проявил. Седой зачем-то вернулся в мегатрак, а когда покидал внутреннюю зону, попался на глаза Энгельсу, который решил немедленно исполнить обещание и представить спутника хозяину аттракциона. Который в ожидании богатых даров – обязательной части программы – изволил пребывать в игривом настроении.

– Девчонка говорит? – отсмеявшись, осведомился Скотт.

– Плохо.

– То есть только мычит, когда ты ее пялишь...

Еще один взрыв хохота.

Стоящий рядом с Баптистом Мухаммед криво улыбнулся, изобразив подобие веселья, но, уловив момент, наклонился к Скотту и прошептал:

– Дружище, поверь на слово: Хаким относится к Надире как к родной дочери, которой у него никогда не было. Он нашел ее в развалинах, спас и с тех пор...

– Твой друг добровольно взвалил на себя такую ношу? – Сам Баптист занялся мародерством и сколачиванием банды еще до того, как взорвались последние ракеты, и поведение седого вызвало у него закономерное удивление.

– Да, добровольно, – подтвердил Мухаммед.

– Твой друг – дурак.

– Я не один раз говорил ему об этом. Напоминал, что он не сможет выдать Надиру замуж, получить калым...

– А он?

– Продолжает о ней заботиться.

Прежний Баптист, жестокий и безбашенный главарь падальщиков, продолжил бы издеваться над седым и наверняка убил бы его, но уважаемый хозяин аттракциона, приветствующий уважаемого баши, поставившего в городе ярмарку, не мог себе позволить подобное буйство.

– Твой друг – странный, но он – твой друг, – важно произнес Скотт, глядя Мухаммеду в глаза. – И он может оставаться в моем аттракционе так долго, как ему нужно.

– Благодарю, уважаемый, – склонил голову Энгельс. И поспешил перевести разговор на приятную главарю падальщиков тему: – Не угодно ли будет пройти в мой мегатрак? Там тебя ожидает небольшой сюрприз...

– Попробуешь товар? Классический наногероин по довоенному рецепту! Лаборатория работает меньше года, а ребята уже купаются в радиотаблах...

– Нет, спасибо.

– Первый укол бесплатно.

– Не для меня.

– Все равно подышать.

– Знаю...

Но лучше сдохнуть от пули или ножа падальщика, чем от этой дряни, которой послевоенные химики наводнили Зандр. Наногероин считался настолько большой гадостью, что его даже пытались запрещать. Правда, как это сделать в условиях Зандра, никто не знал.

– Лучший выбор зигенского оружия!

– Довоенные стволы есть? «ИЖ» или «дегтярев»?

– Три палатки налево, там торгует мой племянник...

– Спасибо.

– Не в моих правилах давать наводку на конкурентов, но у племянника действительно хороший товар...

Обычно Визирь планировал основные дела на второй день ярмарки, на самый сладкий. Первый день – премьерный, суетливый и малолюдный. Топтуны пытаются вышибить хоть какой-то товар оптом, гильдеры осматриваются, оценивают платежеспособность населения, состояние, так сказать, экономики области, местных почти не видно, только детвора бежит меж палаток заезжих купцов, пытаясь стащить что плохо лежит. Первый день – осторожный.

А со второго начинается суматоха и бардак. Предложений полно с обеих сторон, но гильдеры уже не осторожничают, они пока в плюсе, потому что сбросили топтунам балласт, выдав его за нужный товар, и могут себе позволить дать за хабар комби нормальные цены.

Во второй день.

Сейчас же все иначе. Поскольку времени у него лишь до полуночи, разбираться с делами придется в премьерный день, а не тратить его, как это обыкновенно бывало, на изучение гильдеров, выбирая самого адекватного и щедрого караванщика...

К тому же действовать приходилось в жутком цейтноте: нужно было договориться с покупателем до того, как местные расскажут караванщикам о его обстоятельствах, после чего придется снижать цену. А в том, что расскажут, Гарик не сомневался: обитатели аттракционов не упускали случая подгадать ближнему.

– Разведчик или проводник? – осведомился усатый гильдер, потеющий под голубеньким навесом.

– И то, и другое.

– Продаешь или покупаешь?

– И то, и другое. – Потный торговец Гарику не понравился, однако он знал, что под маской грубого хама вполне может скрываться толковый делец, и задержался. – Почему спрашиваешь?

– Есть отличная новая прога для встроенного спектрометра, – высокомерно сообщил потный. – У тебя есть спектрометр, комби?

– Есть.

– Вот и договорились.

– О чем?

Однако вопрос разведчика повис в воздухе: потный слышал только себя.

– На обмен не рассчитывай, я беру только радиотаблы и не стану делать для тебя исключения...

– Ты забавный, – рассмеялся Гарик.

– Что?

Возможно, усатый сообразил, что переборщил с высокомерием, возможно, хотел продолжить разговор в другом ключе, но Визирь уже прошел дальше. На этот раз он ошибся, и глупый хам на самом деле оказался глупым хамом.

– Эй, комби, принес чего горячего? Рентген на триста?

– Мелочами не занимаюсь, – отшутился разведчик.

– А больше я не потяну.

– Тогда и разговора нет...

На ярмарках Визирь продавал серьезный хабар, тот, который не по карману местным, и потому был вынужден вести себя осторожно, придирчиво выбирая делового партнера – речь шла о больших деньгах.

– Ты больше разведчик?

– Как узнал? – тут же среагировал Гарик.

– По загару.

– Смешно.

– Давай лучше посмеемся над тем, что ты предлагаешь честным торговцам.

Этот гильдер Гарику понравился: веселый, вальяжный, видно, что опытный делец и обманщик, хорошо разбирающийся в людях. Общаться с такими ребятами тяжело, но, как ни странно, именно они часто дают самую достойную цену – потому что умеют перепродавать хабар гораздо лучше коллег.

– Чем платишь? – поднял брови комби.

– Могу устроить обмен на что угодно.

– У меня полный комплект. А вот товар сбросить нужно.

– Радиотаблы?

Визирь молча прошел в глубь навеса, присел на расстеленный ковер и расстегнул рюкзак.

– Откуда товар?

– Из Франко-Дырок.

На низеньком столике клиентов поджидал изящный чайный комплект, горячий нагреватель и маленькое блюдо с простым печеньем. Гильдер знал, как вести дела, и, поддерживая разговор, занялся приготовлением чая.

– Один ходил?

– Я всегда один.

– Ты Визирь? – Торговец проявил подозрительное знание и поспешил объясниться: – Собравшись в Веселый Котел, я прочитал вложения о нем и окрестностях в Атласе Морте, и...

– Да, я – Визирь, – кивнул комби.

– Уважаю тебя, парень, – серьезно произнес гильдер, подавая разведчику чашку с ароматным зеленым. – А твои комментарии я воспринимаю как книгу.

– Очень приятно...

– Надеюсь, приятность твоего сердца приведет к приличных размеров скидке... Кстати, меня зовут Ганимах.

– Почему мы раньше не встречались?

– Я впервые иду с Энгельсом.

– Тогда понятно...

– Что у тебя есть?

– Для начала – нановарщик. – Визирь извлек из рюкзака коробку, аккуратно вскрыл ее и показал гильдеру устройство, создающее микроскопические дозы сверхмощных наркотиков.

Удивить не получилось.

– Модель «Чубай», – разочарованно вздохнул тот.

– К тому же немного ржавая, – честно уточнил комби.

– «Чубай» – самая дрянная модификация нановарщиков, – наставительно произнес торговец. – Ресурсов жрет много, а на выходе ерунда одна. Продай местным.

– В Котле плохо с химией, – объяснил Визирь. – Здесь нет ни одной лаборатории, и вся область сидит на синей розе. А там, где есть доступ к химии, у тебя даже «Чубая» с руками оторвут. Он же оригинальный, довоенный, нынешние модели еще хуже.

– Тут ты прав, – признал после короткой паузы Ганимах. – Он рабочий?

– Есть тестирующая прога на компе?

– Обижаешь. – Гильдер вытащил из заднего кармана штанов наладонник, подключил его к «Чубаю», через тридцать секунд расплылся в улыбке: – Все в порядке, – и посмотрел на рюкзак с куда большим интересом. – Что еще?

– Десять патронов «Хиросима».

– Снаряженные? – Ганимах бросил вопрос легко, словно от мухи отмахнулся, но электронные чувства комби обмануть сложно: Визирь отметил слабое, на грани восприятия, дрожание голоса и то, как дернулись – тоже едва заметно – пальцы торговца.

У караванщика были клиенты на редкое снаряжение, причем клиенты щедрые, и это обстоятельство придало разведчику уверенности.

– Естественно, снаряженные.

– Откуда?

– Нашел подсумок анарха.

– Только подсумок? – несколько разочарованно протянул Ганимах.

– Парень сорвался с тропы, схватился за корни дерева, стянул пояс, наверное, хотел закрепиться, но не удержался и улетел, – рассказал комби. – Пояс зацепился за тот же корень, и я его достал.

– То есть «Толстый Мэг»...

– Лежит на дне пропасти.

– Жаль. – Гильдер испытующе посмотрел на Гарика, словно предполагал, что комби лжет. – За «Мэга» я отвалил бы целую кучу радиотабл.

– Знаю.

– У тебя его нет?

– Знал бы, что ты спросишь, – сиганул бы в пропасть вслед за анархом.

– Здесь все такие шутики?

– Разумеется, – не моргнув глазом подтвердил Визирь. – Поэтому Котел и называют Веселым. Патроны возьмешь?

– Обязательно. Но в следующий раз не поленись слазить в пропасть – можно здорово заработать.

– Обязательно...

В действительности Гарик не понимал людей, мечтающих заполучить в свои руки главное и самое известное оружие бойцов синдиката «Анархия».

Сверхтяжелый револьвер «Толстый Мэг» стрелял особыми патронами невероятной разрушительной силы – каждая «Хиросима» содержала микроскопический ядерный заряд, – и был известен случай, когда пара хорошо подготовленных анархов уничтожила танковый батальон соборников. Однако «Толстые» обладали удивительно надежной системой распознавания «свой – чужой», настраивались на хозяина по широчайшему спектру показателей и бодро взрывались в руках незарегистрированных пользователей.

Тем не менее за револьверами охотились, не оставляя надежд когда-нибудь взломать уникальную защиту анархистов.

Визирь закрыл рюкзак, но даже не обозначил желание подняться на ноги. Медленно потягивал чай и весело смотрел на Ганимаха оригинальным глазом.

– Чувствую, сейчас ты выложишь на стол главную карту, – хмыкнул гильдер, заваривая второй чайник. – Говори, после «Хиросим» я готов к любому предложению.

– Три индивидуальных защитных комплекта «Вакуум», – медленно и потому необычайно веско произнес комби. – Довоенные, в неповрежденной заводской упаковке. Класс защиты – «ААА», а ты наверняка знаешь, что даже дотовцы обходятся «АА».

– Картриджи запасные есть? – Ганимах без всякого стеснения облизнул губы: в данных обстоятельствах глупо «держат лицо», делая вид, что речь идет о безделице.

– По два в комплекте.

– Где? – Торговец сглотнул и театрально оглядел комби. – Ты рассовал их по карманам?

– «Вакуумы» в надежном месте. Если договоримся, принесу все три кейса через двадцать минут.

– Конечно, договоримся! – Ганимах потрепал разведчика по плечу. – Ты только что стал богаче на триста радиотабл.

– Предлагаешь триста за комплект? – Гарик рассчитывал на меньшее.

– Предлагаю триста всего, – без тени смущения ответил торговец. – За весь твой хабар.

Визирь улыбнулся и облокотился на рюкзак, готовясь к долгой и увлекательной процедуре заключения сделки.

В итоге за все получилось тысяча триста, даже больше, чем надеялся выдать из гильдера Визирь. То ли у торговца были на примете клиенты на весь предложенный комби товар, то ли на него помутнение нашло, но факт оставался фактом: заплатил Ганимах щедро, и теперь в заначке разведчика лежала совершенно неприличная сумма. В двух заначках, если быть до конца точным. Большая часть сбережений комби прятал в горах, но изрядная куча радиотабл – теперь примерно треть – оказалась на руках, что в Зандре, и уж тем более в аттракционе, категорически не приветствовалось, однако комби уже придумал, как ею распорядиться...

– Извините, вы – Визирь?

На счастье неожиданного гостя, точнее, неожиданных гостей, поскольку рядом с седым мужчиной средних лет стояла грязнушка с одутловатым лицом, Гарик уже закончил с горячим и теперь ковырялся в яблочном пироге, запивая его невкусным кофе. Комби не любил сладкое, но всегда заказывал пирог перед походом – на удачу. И именно во время десерта охотно соглашался поболтать.

– Кто спрашивает?

– Позвольте присесть?

Визирю понравилось, как говорит седой: вежливо, но спокойно, с чувством собственного достоинства, и он решил, что даст ему шанс высказаться. Но не сразу.

– Зачем вам присаживаться?

– Вы знаете Танцора? – вопросом на вопрос ответил седой. – Этот комби работает в области Жженой Пыли...

– Ты – доктор Тредер?

– Совершенно верно.

– Танцор писал, что ты придешь. – Гарик ткнул вилкой в пирог.

– Теперь я могу присесть?

– Рабыня? – Разведчик не глядя кивнул на девушку.

– Воспитанница. – Седой решил не ждать приглашения и молча опустил за столик. Девушка осталась стоять за его спиной. Она играла в ниточку: наматывала ее на палец, что-то шептала, разматывала и начинала заново.

– Зачем взял дурную?

– Мы не выбираем тех, о ком заботимся.

Именно так и написал в своем письме Танцор: старый, глупый дед, тратающий силы на никчемную девчонку. Дурак, потому что Зандр такого не одобряет.

Надо помочь.

Не бесплатно, конечно, но помочь надо, потому что у седого, как написал Танцор, «такие обстоятельства, в которых никому из нас лучше не оказываться». А Танцор подобными словами не разбрасывается, и если он написал, что у парня, пережившего Время Света и все, что было потом, случилась катастрофа, значит, так оно и есть.

– Танцор написал, что тебе нужно в Безднадегу.

– Верно.

И тут крылась вторая странность происходящего. Первая заключалась в том, что угрюмый Танцор вообще сказал за никому не известного старика со спятившей спутницей. Вторая – в том, куда они направлялись.

– Мне ведь не нужно рассказывать тебе, что Безднадега – самый дерьмовый аттракцион Зандра? – негромко спросил комби, вилкой разламывая напополам последний кусочек пирога.

– Я много слышал о том месте, куда собираюсь, – усмехнулся в ответ седой.

В принципе можно было заканчивать: ритуальное предупреждение сделано, ответ получен. Однако странные обстоятельства заставили Визиря продолжить.

– Не имеет значения, сколько аттракционов ты видел до сих пор: Безднадега не похожа ни на один. Ее построили обезумевшие от злобы и ненависти палачи. Там логово папаш, работорговцев, но убивать людей им нравится больше, чем торговать ими. Обитатели Безднадеги настолько плохи, что даже падальщики называют их подонками.

– Мне туда надо, – коротко ответил Тредер.

И по его тону стало понятно, что решение принято давно и никакая сила его не изменит.

Комби кивнул, показывая, что понял и принял слова собеседника, доел последний кусочек пирога, отодвинул тарелку, вытер рот тыльной стороной ладони, указал на киберпротез собеседника и осведомился:

– Сможешь идти по горам?

– Да.

– Устройство тебе плохо подходит.

– Я к нему привык. – Седой погладил киберпротез. – Давно с ним хожу.

– А твоя воспитанница горы потянет?

– Да.

– Точно?

– Я знаю правила Зандра, – выдержав паузу, ответил мужчина. – Если она станет обузой, ты ее бросишь.

Все верно – только так.

Гарик снова кивнул и продолжил:

– Ты понимаешь, что в Безнадеге тебя убьют?

– Ты выжил, – ровно произнес Тредер. Он ждал этого вопроса.

– В Безнадегу ходят только два комби, поэтому Шериф приказал нас не трогать. Мы ему нужны.

– Скажешь за меня Шерифу, – хмыкнул седой. – И меня не убьют.

Он не просто решил идти – он продумал маршрут до последнего шага. Он знал, кто и как ему поможет, кто проведет, кто поддержит. Он знал реалии Зандра так же хорошо, как Визирь, и оставалось выяснить, не забыл ли он о том, что в Зандре принято платить за услуги.

– То есть я должен провести тебя с девчонкой до Безнадеги и обратно и сказать за тебя?

– Все верно, – серьезно подтвердил Тредер.

– И?

– Двадцать радиотабл?

Визирь вежливо улыбнулся.

– За деньги ты не пойдешь, – понял седой.

– Ты – первый в истории человек после меня и Пепе, который добровольно собрался в Безнадегу, – объяснил разведчик. – Ты просишь сказать за себя Шерифу, но не хочешь говорить, зачем собрался в этот проклятый аттракцион...

– А ты спроси, – весело предложил Хаким.

– А ты не скажешь.

– Ты хорошо разбираешься в людях. – Седой рассмеялся.

– Ты тоже, – в тон Тредеру ответил комби. – И потому наверняка подготовил достойную плату.

Не просто достойную, а именно то, что могло заинтересовать именно Визиря.

– Слышал о Зоне Вонючих Вихрей?

– Разумеется, – со всем возможным спокойствием подтвердил Гарик, однако внутри у него все сжалось от предвкушения.

– Сколько комби погибло, пытаясь ее описать?

– Их смерть не доказана, – хрипло произнес разведчик. – Поэтому мы говорим «исчезли».

– Семь, – ответил на свой вопрос Тредер. – Трое одиночек и две пары. – Пауза. – У меня есть атлас Двужубой Мэри. Как я понимаю, ей единственной удалось выйти из Вонючки.

Этот атлас – если он действительно существует – стоил для Гарика десяти походов в Безнадегу.

– Ты ее убил? – Голос разведчика предательски дрогнул.

– Двухзубая умерла своей смертью, клянусь, – твердо ответил седой. – Когда ее принесли, она была очень плоха. Я просто оставил себе ее атлас.

– Ты мне его покажешь?

– Разумеется.

– А когда отдашь?

– В Бездне.

– Почему не на обратном пути? – удивился Визирь.

– Я тебе верю.

Его спутнице наскучила первая игра, и теперь она вязала узелки. Удивительно, как долго и разнообразно можно развлекаться, имея на руках одну-единственную ниточку.

– Договорились... – Станный мужчина, странный контракт, хорошая цена – можно соглашаться. – Я должен уехать из Железной Девы до полуночи, так что в половине жду вас около багги.

– Мы придем, – пообещал седой.

– Только не берите много вещей.

– Год выдался удачным, – без хвастовства, но веско, с достоинством произнес Визирь. – Я много заработал и хочу оставить часть средств тебе. – Он вытащил из рюкзака контейнер и положил его у левой руки женщины. – Здесь тысяча двести радиотабл.

– Это очень много, – тихо заметила Лиза.

– Уверен, ты сумеешь ими распорядиться, – рассмеялся комби.

Они сидели в вип-кабинете заведения, однако ничего интимного или нежного в их позах пока не наблюдалось: Заводная съежилась в кресле, закулилась, бросая на комби взгляды исподлобья; разведчик же сидел на диване, поднялся, передавая женщине контейнер, но не остался, хотя хотел, и вернулся на чуть продавленную подушку.

– Меня наняли дойти до Бездны, – продолжил он, покусав губу. – Потом схожу в Дырки, хабар, если будет, отнесу в Борисполье... Оттуда, скорее всего, подамся в Белый Пустырь.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – с хорошо сыгранным безразличием осведомилась Заводная.

– Затем, что из Пустыря я вернусь в Железную Деву, – ответил Гарик. – Мыждемся рождения ребенка, после чего сделаем так, как ты захочешь: пойдем искать Нетронутые острова, или поселимся здесь, или уйдем в другую область Зандра...

– Что ты сказал? – прищурилась Лиза. – О каком ребенке ты говоришь?

– Среди моих устройств есть медицинский сканер, – улыбнулся комби.

Женщина его не поддержала. Выдержала паузу, бездумно разглядывая набитый радиотаблами контейнер, после чего осведомилась:

– С чего ты взял, что это твой ребенок?

– Считаю меня излишне самонадеянным.

– Считаю.

Он снова улыбнулся. И на этот раз был поддержан: Лиза ответила на его улыбку.

По всей видимости, женщина готовилась к трудному разговору, и поведение комби стало для нее приятным сюрпризом. А его следующие слова – шоком.

– Рядом с тобой я испытываю нормальные, настоящие чувства, не связанные с радостью от того, что выжил или кого-то убил. Рядом с тобой я становлюсь другим. И... И я хочу быть рядом с тобой. – Он помолчал. – Я хочу быть рядом с тобой, Лиза.

– Признаешься мне в любви? – Заводная очень хотела, чтобы фраза прозвучала шуткой, но голос дрогнул, и Визирь понял, что она волнуется не меньше, чем он.

– Да, Лиза, я признаюсь тебе в любви и прошу стать моей женой. – Он встал на колени и достал кольцо, которое утром купил у заезжего ювелира. – Прошу, – помолчал, нервно ожидая ответа, и, не выдержав, спросил: – Ты не ответишь?

Прозвучало настолько трагично, что Заводная едва удержалась от смеха. Протянула руку, нежно провела пальцами по щеке своего мужчины и прошептала:

– До полуночи еще три часа. – Он ждал. – Пойдем, отвечу...

Целых три часа...

* * *

«Человек ли я?

Парадокс заключается в том, что давным-давно, в прошлой, беззаботной жизни, когда я только становился комби и каждые два месяца ложился под нож хирурга, вставляя в себя все новые и новые протезы, я об этом не задумывался. Я становился сильнее и быстрее, лучше видел, лучше слышал и мог издалека проверить любой коктейль на составляющие. Я был молод. Я привык жить в цивилизованном мире, и его гибель стала для меня шоком. Не потому, что исчезло все, что было мне дорого, и погибло множество друзей. Не только поэтому. Ужас пришел, когда я осознал, как сильно комби зависимы от инструментов и вещей, как много нужно нам по сравнению с обычными людьми и насколько новый мир к нам жесток... Я видел умерших комби – они не сумели найти радиотабло. Я видел взорвавшихся и сгоревших изнутри комби – пули разносили их микрогеры. Я видел оглохших и ослепших – навсегда, – потому что вовремя не нашлось нужных запчастей и цепи распались, а мой друг стал инвалидом из-за того, что у комби-мастера не отыскалось нужной отвертки.

Отвертки, твою мать! Отвертки...

Мастер не сумел влезть во внутренний киберпротез, и ногу Вига безвозвратно заклинило. А я смотрел на происходящее своими сверхмощными глазами и молился. Благодарил Бога за то, что преодолел Время Света без ранений; что не поленился когда-то и прошел курс комби-мастера; что всегда хранил дома два ремкомплект и запас радиотабло. Я молился... Потому что я был тем комби-мастером и не смог ничего сделать. Потому что Виг теперь побивается в Биеве и ненавидит меня.

Потому что...

Я молился.

А потом вдруг спросил себя: зачем Богу меня слушать? Ведь я для него не более чем машина. Он дал мне глаза – я поменял их на новые. Он дал мне уши – их постигла та же участь. А еще руки, ноги, часть мозга...

Я больше не образ Его и не подобие. Я – кукла, которой нужен не священник, а механик.

Мне стало страшно. Но я все равно молился...

И молюсь до сих пор. Я не знаю, слышит ли Он меня или оставил, но это неважно, потому что я не оставляю Его. Буду идти за Ним, ползти, стоять поблизости... Пусть отвергнутый – все равно.

Потому что только благодаря Богу я пока остаюсь человеком...»

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

– Откуда они здесь?

– Не знаю!

– Какой же ты, на хрен, комби?!

– А-а...

– Найди другого!

– Идиот!

– Кретин!

– А-а...

– Заткни ее!

– Ей страшно!

– Чтоб тебя на атомы разложило... – Визирь на мгновение высунулся из-за укрытия, которым служил большой камень, выстрелил и спрятался.

– Как?

– Надеюсь, он не успел.

– Соборник?

– А-а... – Теперь девчонка не визжала, как в самом начале перестрелки, а тихонько скулила, отчаянно напоминая перепуганного щенка. Она прислонилась к камню спиной, закрыла руками уши, растопырила локти и подвывала, заставляя Гарика морщиться и ругаться. – А-а...

– Откуда здесь соборники?

– Спроси у них.

– А-а...

– Пожалуйста, пусть она замолчит.

– Ей страшно. – Седой вздохнул и провел рукой по волосам воспитанницы. – Извини.

– Проклятье!

Визирь был зол. Но одновременно испытывал стыд за то, что облажался. И прав Тредер: какой он, к чертовой матери, комби, раз умудрился вляпаться в примитивную засаду? Заболтался, отвлекся – старый Хаким оказался превосходным собеседником, – вот и прозевал движущийся навстречу «Выпекатель» адептов Собора Вселенского Огня. К счастью – и в этом Гарик окончательно убедился только что, – «Выпекатель» им встретился самодельный, в противном случае они бы уже жарились в походном Зиккурате Очищения под заунывное бормотание чокнутых фанатиков.

– Это самопалы, – негромко произнес Визирь, набивая в рожок патроны.

– Кто? – не понял Тредер.

– Спятившие местные, – объяснил комби. – Прониклись идеями Собора, слепили на коленке очищающую машину и отправились в Рейд Огня. По велению души, так сказать...

– Чего только не узнаешь... – Седой ругнулся.

– У вас таких нет?

– Не слышал.

– Зандр велик.

– Это верно.

– А-а...

Разведчик вложил последний патрон, вернул рожок на место, передернул затвор и продолжил:

– Огнемёт в их «Выпекателе» слабее, чем у настоящих соборников, но багги они подбили и нас выкурят.

Мужчины не сговариваясь посмотрели на машину. Левое переднее колесо догорает шагах в десяти к северу, у камня, правое вообще неизвестно где. Плюс пулевые отверстия в силовом отсеке. Плюс отлетевший руль. И все эти плюсы дают один большой жирный минус: если стычка закончится удачно, дальше придется идти пешком.

– Что будем делать? – негромко осведомился Хаким.

И Надира, словно пожелав услышать ответ, принялась скулить тише.

– У них не только огнемёт слабый, – спокойно ответил комби, поглаживая автомат. – Они сами не вояки – просто спятившие фермеры. Ноль тактики, минимальный опыт.

Убивать их – все равно что отстреливать кроликов, но выхода нет: они стали соборниками, а с соборниками договориться невозможно.

– Их много.

– А мы до сих пор живы.

– И что это значит? – Тредер поднял брови.

– Это значит, что они не умеют пользоваться преимуществом, – усмехнулся разведчик. – Сидят и не знают, что делать.

«Выпекатель» тоже потерял ход: Гарик снес ему ведущее колесо из реактивного гранатомета, и теперь тяжеленная машина могла лишь крутиться на месте и безуспешно поливать укрывшихся за камнем путешественников из огнемёта и пулемёта. Один раз соборники попытались атаковать в лоб, но мужчины отбились: Тредер оказался таким же опытным и хладнокровным стрелком, как и Визирь.

– Сиди тут и не давай этим кретинам уснуть, – велел Гарик, поднимаясь на ноги. – Я обойду их справа, вдоль скалы, и ударю в спину.

– Рискованно.

– Ты платишь мне за то, чтобы я провел тебя к Безнадеге. А сидя тут, мы до нее не доберемся.

– Хорошо, что ты это понимаешь. – Хаким передернул затвор автомата. – Не облажайся.

– Это все твоё напутствие?

– Я не целуюсь на прощание. Тем более с мужчинами.

Проводив комби взглядом, Тредер вздохнул, некоторое время посидел молча, напряженно вслушиваясь в происходящее, а затем вдруг резко развернулся и дал короткую очередь по танку. Вскрик, предсмертный хрип, один соборник остался на камнях, двое других метнулись за броню. «Выпекатель» с шипением плюнул огнем.

Надира вытерла сопли и стала подбрасывать белый камешек.

– Он вернется, – пробормотал Хаким, поправляя киберпротез. – Он обязательно вернется...

«Хрен тебе!»

Фермеры оказались не такими уж кретинами, в какие их успел записать Гарик, и тоже направили отряд вдоль скалы. Но поскольку их было больше, то одинокий комби повстречал на узенькой дорожке целых трех врагов, к счастью, не особенно готовых к драке.

«Уроды!»

И совершенно точно: самопалы, что было отчетливо видно по грубым кожаным плащам с корявыми нашивками и кустарно изготовленным маскам истопников. Однако головы у всех троих обожжены, а красные линии на них нанесены в полном соответствии с канонам Собора.

Адепты Вселенского Огня считали порождением Зверя всех переживших Время Света и уготовили им очищение: желательно – на костре, но можно и ножом, и топором, и пулей, потому что главное – убить. Подготовленные соборники в этом деле специалисты, с ними тяжело, а вот фермеры, как и предсказывал Визирь, вояками оказались безмозглыми. Первая их ошибка заключалась в том, что они набросились на комби скопом, увидели пробирающегося разведчика – и рванули, размахивая мачете и вопя от возбуждения. Во-вторых, они начисто позабыли о существовании огнестрельного оружия. В-третьих, не оценили противника...

Визирь плавно ушел в сторону, сманив их, оказавшись сбоку и заставив фанатиков начать глупый поворот, на ходу извлек пистолет и выстрелил четыре раза. Стрелял наугад –

времени было мало, – понадеявшись, что с такого расстояния не промахнется, но получилось плохо. Ближайший соборник получил две пули в грудь, споткнулся, рухнул на колени, а затем повалился на бок, пуская кровь из раны и рта. Второй боец принял следующий выстрел, но на нем оказалась защита. Соборник на мгновение замер, однако на ногах устоял, рванул вперед, добежав до комби как раз к четвертой пуле. Последний фермер вообще остался цел.

«Черт!»

Схватка перешла в рукопашную. Два мачете против одного ножа и крепких кибернетических протезов...

– Проклятье! У них получилось! – Тредер вновь вернулся в укрытие, рывком сорвал опустошенный рожок, бросил его сидящей на земле Надире и вставил на место снаряженный. – Они починили машину!

Оценив повреждения, фермеры поставили «Выпекатель» неповрежденным бортом к противнику и под прикрытием брони занялись ремонтом... Который только что завершился.

– Боюсь, мы не удержимся...

Танк, хоть и самодельный, нес на себе достаточно брони, чтобы не опасаться пуль; два оставшихся у путешественников гранатомета валялись в покореженном багги; бежать некуда – позади ровное, как извилины падальщиков, поле; и жить осталось ровно столько, сколько потребуется «Выпекателю», чтобы преодолеть разделяющие их полторы сотни метров...

Или...

Танк плюнул огнем, и Хаким понял, что все может закончиться значительно раньше.

– Проклятье!

Глубокий порез на шее, еще один – на предплечье; каждый вздох отдается болью в груди – один из фермеров ударил комби камнем и, возможно, сломал ребро; болит нога... Но все это ерунда по сравнению с тем, что «Выпекатель» пришел в движение.

– Он едет! Чтоб его на атомы разложило! Он едет!

Еще из укрытия Визирь понял, что спятившие работяги бронировали только борта трактора, и планировал закидать его сверху гранатами – помимо прочего, в боевом ранце ждали своего часа три «пышки» направленного действия, каждая из которых могла разнести недотанк самопальных соборников на составные части, но бросать их надо сверху! В незащищенную крышу! Только в этом случае...

«Спокойно!»

Двигался «Выпекатель» не быстро, останавливаясь, чтобы выпустить струю огня или дать пулеметную очередь, и пока оставался рядом со скалой, вполне доступный для атаки сверху.

Дело оставалось за малым: пробежать по гребню и догнать проклятый танк до того, как он поджарит Хакима и его полоумную спутницу.

Гарик выругался. Потом выругался еще раз. Потом достал «пышку», взвел ее и хромая побежал по узкому гребню скалы. Он обещал доставить клиента в Безднегу, а сидя в укрытии, этого не сделаешь.

– Дерьмо!

Иначе не скажешь: укрылся ведь надежно, но тяжелая пулеметная пуля ударила в камень, срикошетила и на излете распорол Хакиму плечо. Грубо и жестоко.

По руке потела кровь. Тредер сморщился, сделал пару шагов в сторону и крикнул:

– Не удержимся!

Он никогда не считался паникером, однако на этот раз имел все основания для страха: танк хоть и медленно, но приближается, сбить его нет никакой возможности, а умирать... умирать не хочется.

– Надира!

Девчонка больше не подвывает, сидит у камня, теребя в руках рюкзак, и смотрит на седого.

– Надира...

И в этот момент грохочет взрыв.

Именно грохочет – потому что чудовищной силы, – и кажется даже, что огромный камень, за которым укрывались путешественники, подпрыгнул, на мгновение зависнув в воздухе.

Бронированный трактор, который только что был пусть и ненастоящим, но все же «Выпекателем», разлетается на куски, и его обломки засыпают окрестности... Нет. Сначала гремят еще два взрыва: боекомплект и силовой блок, и уж затем летят обломки... Или куски железа появились раньше? Теперь не скажешь, потому что еще после первого взрыва Хаким и Надира благоразумно упали на землю, закрыли головы руками и пролежали так до тех пор, пока с неба не перестало сваливаться подброшенное в него железо.

– Пулю поймал? – осведомился Визирь, разглядывая перевязывающего себя Хакима.

– Ага.

Несмотря на то что ему приходилось действовать одной рукой, Тредер накладывал повязку с необычайной ловкостью, что выдавало опытного медика.

– Крови много потерял?

– В тебя встроен медицинский сканер?

– Да.

– Посмотри, нет ли заражения.

– Сейчас...

Управление приборами Гарик вывел на защищенную панель в левом предплечье, из которой при необходимости появлялся сенсорный голографический монитор. Однако сейчас комби не стал возиться с его активизацией, а вывел информацию на искусственный глаз.

– Пока все в порядке. Признаков заражения нет.

– Вот и хорошо. – Седой закончил с перевязкой и прищурился на багги: – Мы крепко попали на время?

– Не очень крепко, – не стал врать разведчик. – Через Рагульские Утесы проезда нет, нам все равно пришлось бы оставить машину километров через восемь.

– А как обратно?

– На своих двоих, – фыркнул Визирь. – Можно подумать, это мой первый багги.

– То есть все в порядке?

– Абсолютно, – подтвердил комби и замер, уставившись на девчонку: Надира отыскала в пыли и каменной крошке оторванную руку соборника и теперь сгибала и разгибала на ней пальцы, напевая что-то себе под нос.

* * *

«Прошло всего несколько месяцев после Времени Света... А может, несколько недель? А может, и вовсе считанные дни... В общем, едва пережив самую страшную в истории человечества катастрофу, мы принялись врать о своем прошлом. Все мы, без исключения: падлы и папаши, фермеры и егеря, торговцы, механики, бармены, проститутки, военные, калеки, нищие и баши – мы все рассказывали, что в прошлой, довоенной и счастливой жизни были

миллионерами или аристократами, знаменитыми артистами или спортсменами, куртизанками, которых жаждали богатейшие шейхи, или бесстрашными капитанами космических яхт.

В своих рассказах мы становились теми, кем грезили.

Мы знали, что врем и что слушаем вранье, но продолжали рассказывать и даже верить в то, что слышим и говорим. Потому что с помощью лжи о прошлом мы хоть на время расставались с поганым настоящим...

Ложь стала для нас обыденностью.

В Зандре очень мало честности. Очень мало искренности.

Впрочем... в Зандре много чего не хватает».

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

– Я до сих пор скучаю по мороженому, – произнес Хаким. Он не отрываясь смотрел на маленький костерок, а фразу сопровождал сентиментальной улыбкой. Как будто вспомнил нечто необыкновенно доброе, мягкое, согревающее даже сейчас, после кошмара Времени Света и всей грязи Зандра. – В некоторых городах его уже делают, но настоящего московского пломбира я, наверное, никогда не попробую. Боюсь, его секрет утерян.

– Мы много чего потеряли, – заметил Визирь. И пыхнул трубкой.

– По чему скучаешь ты?

– По чистоте, – помедлив, ответил комби. – Я часто мыл руки, хотя бы раз в день принимал душ и до сих пор не привык к ощущению грязи. Не люблю его. Оно мне противно. Как запах давно немытого тела... Моего и... и всех вокруг. Я скучаю по чистоте.

– А я принялся, – хмыкнул Тредер.

– Знаю.

– Кажется, ты меня только что оскорбил.

– Зандр грязен, – пожал плечами Визирь. – Вода сейчас – огромная ценность, поэтому Зандр грязен. И вонюч. Это надо просто принять.

– Ты принял?

– Да. Но я скучаю.

Путешествие по Ругульским Утесам заняло двенадцать дней, и Гарик сказал, что получилось хорошо: не так быстро, как обычно, то есть в одиночку, но и не так медленно, как он ожидал, когда его спутниками стали пожилой мужчина и полусумасшедшая девушка. Двенадцать дней по ущельям, узеньким карнизам и перевалам, без тропинок и каких-либо опознавательных знаков на маршруте, руководствуясь лишь памятью и знаниями разведчика.

Утесы были молодыми горами – их основная часть сформировалась во Время Света, в ходе мощных сдвигов, вызванных ударами тектонического оружия, и потому они не были достаточно изучены. Пройти через Рагульские можно было только пешком, что делало их надежным заслоном на пути отмороженных падальщиков Майдабрежья, что тянулось вдоль такого же юного, как Утесы, Зигенского моря. Тяжелейшая дорога не позволяла провести в Веселый Котел технику для серьезного наступления, и зарагульским падлам оставались лишь набег, которые Баптист отбивал без особого труда.

В конце двенадцатого дня утомительного путешествия они различили в поднявшемся ветре сильный привкус соли – даже Надира промывчала что-то невнятное и потыкала пальцами в воздух, – море было совсем рядом. Хаким решил, что надо ускориться, однако Визирь, к его удивлению, приказал разбить лагерь.

– Зачем нам лишняя ночевка в горах?

– Во-первых, спускаться с Утесов – то еще удовольствие, и лучше это делать днем, – объяснил комби. – Во-вторых, к вечеру Шериф накачивается всякой дрянью, и разговаривать с ним бессмысленно: прикажет расстрелять, никто и слова не скажет. Лучше не рисковать.

Спорить Тредер не стал.

Они выбрали площадку, насобирали хвороста – сухие горные кусты неплохо горели, – запалили бездымный костерок, поужинали, а после, лениво глядя на догорающие ветки, завели неспешный разговор.

– Можно вопрос?

– Ты не устал спрашивать? – усмехнулся Гарик. – И что изменится, если я не дам разрешения?

– Ничего не изменится, – с улыбкой подтвердил седой. – Все равно спрошу.

– Вот видишь.

– Я думал, тебя развлекают наши беседы.

– Развлекают, – признал Визирь. – Я много времени провожу в одиночных походах и ценю хороший разговор.

– Или ведешь его сам с собой.

Комби понял, что имеет в виду Хаким:

– Читал мои комментарии?

– Как книгу, – с уважением ответил тот. – Ты прекрасно пишешь.

– Образ жизни навевает. – Гарик решил, что еще одна трубка не помешает, набил ее, раскурил и осведомился: – Так о чем ты хотел спросить?

Ожидал какую-нибудь пошлятину, а услышал неожиданное:

– Почему ты ходишь только по аттракционам?

– Не только, – после довольно длинной паузы ответил Гарик, ошарашенный слишком личным вопросом седого.

– Ты редко появляешься в обычных поселениях.

– А ты слишком много обо мне узнал, – пыхнул облаком дыма разведчик. – И мне это не нравится.

– А мне предстояло преодолеть две с лишним тысячи километров, и потому я всерьез готовился к путешествию, – объяснил Тредер. – Я проложил маршрут, узнал людей, которые смогут помочь преодолеть его, изучил этих людей, чтобы понять, чем нужно платить. – Пауза. – Я не просто еду в Безнадегу – я хочу туда приехать. И я приеду. И поэтому мне пришлось много о тебе узнать, Визирь. Извини.

Комби тоже помолчал, переваривая искренний ответ, а затем ответил так, как должно:

– Наверное, на твоём месте я поступил бы так же.

– Спасибо.

– Не за что.

– Извини, если мой вопрос тебя задел.

– Твой вопрос логичен. – Визирь посмотрел на замороженно разглядывающую огонь Надиру и закончил: – Я отвечу.

– Буду рад.

– Но потом ты так же честно ответишь на мой вопрос.

– Договорились, – кивнул седой. – Так почему ты ходишь только по аттракционам?

– Они честные.

– То есть? – Такого ответа Хаким явно не ожидал.

Разведчик же, поняв, что разговор затевается долгий, привстал, подбросил в костер несколько веток, вернулся к своему спальнику и продолжил:

– После войны в нас появилось очень много зла. Мы стараемся быть добрыми, но получается не у всех и не всегда. Жизнь жестока, и потому каждое поселение – закрытая крепость, в которой доверяют только своим. Люди делают вид, что хотят восстановить нормальное общество, но их законы и суды защищают только своих. Они запретили рабство, но платят батракам так мало, что те почти не отличаются от рабов. Они провозгласили,

что выжившие люди – величайшая ценность, но отворачиваются, когда рядом с ними умирают с голода. И это только часть... Только часть лжи, которой пронизаны поселения.

– И ты выбрал бандитов и мародеров? – криво усмехнулся Тредер.

– Они не скрывают свою звериную суть, не прикидываются честными.

– Я понимаю, о чем ты говоришь, и так же, как ты, не терплю лицемеров, – медленно произнес Хаким. – Но если все вокруг примут звериную мораль падальщиков, мы не выживем. Люди как общество, как цивилизация не выживут. Да, в нас много зла, но нужно стараться... стремиться к добру. Хотя бы для своих, но к добру.

– Ты в это веришь? – тихо спросил комби. – Ты стремишься?

Тредер тяжело вздохнул, на мгновение в его глазах мелькнуло пламя – не огонь, но пожар, – однако ответ дал искренний:

– Я услышал эти слова давно и... Нет, не поверил. И... нет – не стремлюсь. Во мне много зла, выражаясь твоим языком... – Седой погладил киберпротез. – Но мне кажется, я должен об этом говорить, чтобы поверил хоть кто-то. А если не поверил, то, может быть, просто сделал в жизни один хороший поступок. Один. Может, мои честные слова подвигнут кого-то сделать хороший поступок... А если каждый из нас сделает в жизни хоть одно хорошее дело, количество добра увеличится, и мир... Вдруг мир улыбнется? Ведь мы и есть мир, и только мы сможем вновь научить его улыбаться.

Тредер шурился на огонь и говорил проникновенно, от души, открывая то, что думал, во что верил. И Визирь вдруг подумал, что все понял:

– Ты поэтому заботаешься о девчонке? Это твой добрый поступок?

– Это мой грех, – качнул головой Хаким. – Это зло, которое я несу людям.

– Девчонка? – Комби дернул головой, обернулся и увидел, что Надира играет с горячими щепками. – Она – грех?

– Это твой вопрос?

– Нет.

Хоть неожиданный ответ и разбудил интерес разведчика, Гарик решил потратить обещанный честный ответ на более важную тему. Решил спросить о том, что мучило его уже двенадцать дней:

– Ты ведь дотовец, Тредер, не так ли?

Седой не удивился. Усмехнулся, кивнул, но ответил не прямо, а вопросом:

– Видел татуировку?

Крест и два меча – символ Санитарного Спецназа генерала Дота – прятались в тепле левой подмышки Хакима. И там же – штрих-код с его личными данными.

– Когда ты переодевал испорченную рубашку, я стоял далеко, и ты расслабился, забыл, что надо держаться ко мне правым бортом, забыл, что я – комби, – произнес разведчик. – Я поймал тату в имплант, приблизил, почистил и сильно удивился, поняв, кто ты.

– Мы оба знаем, что дотовец не дошел бы до Безнадеги. – Тредер чуть пожал плечами: – Меня убил бы первый встреченный веном или папаша.

– И ты прикинулся обычным фермером...

– Авторитетный человек из Харыза был мне должен. Он представил меня врачом группе топтунов, которые как раз собирались идти через Перевалы Пятнадцати, и так началось мое путешествие.

И в этом признании таился настолько глубокий смысл, что он не укладывался у комби в голову. Абсолютно не укладывался, потому что...

Генерал-лейтенант медицинской службы Александр Александрович Дот сразу после Времени Света занялся своими прямыми обязанностями: оказанием помощи пострадавшим и пресечением распространения инфекций. Будучи человеком решительным и волевым, он ухитрился привлечь на свою сторону, а затем и полностью себе подчинить несколько

военных частей, ставших впоследствии ядром знаменитого на весь Зандр Санитарного Спецназа – безжалостного и спасающего. Сначала только спасающего, но постепенно становящегося все более и более безжалостным, поскольку генерал пришел к выводу, что Время Света серьезно повредило человечество и требуется огромная работа по избавлению от последствий. Базовой территорией Спецназа стал Периметр Дота – минимально зараженная область, внутрь которой допускались только предельно чистые люди. Сами дотовцы вживляли себе дыхательные фильтры, не выходили из герметичных помещений без масок и защитных комбинезонов, с маниакальной тщательностью следили за пищей и водой. Результат был: среди них даже уродов рождалось мизерное количество, однако Визирь считал, что бегство от Зандра ничего не даст и глупо пытаться хранить чистоту человечества, когда сама планета пошла вразнос.

На подобные заявления Дот обычно отвечал, что Земля сильна и рано или поздно рассеет ядовитые последствия Времени Света.

– Тебе пришлось ампутировать фильтры, – произнес разведчик, намекая на то, что Хаким никогда не вернется к своим.

– А еще – снять комбинезон и маску, – спокойно добавил седой, поглаживая слабую, поддерживаемую киберпротезом руку. – Вот уже несколько месяцев я дышу воздухом Зандра, пью воду Зандра и ем пищу Зандра.

– Ты не вернешься за Периметр.

– Больше никогда. Но Дот сказал, что он меня понимает.

В его голосе не было сожаления, только легкая грусть человека, навсегда расставшегося с лучшими в жизни друзьями, которые любили его и которых любил он. Расстался, потому что не мог иначе.

– Почему не удалил татуировку?

– Гордость, – улыбнулся Тредер. – Я – дотовец. Я скрываюсь, но я не трус. Ты не первый, кто увидел мой знак, но ты останешься в живых.

– Потому что я сильнее тебя?

– Потому что ты не несешь для меня угрозы, – с прежним спокойствием объяснил седой. – Ты ничего мне не сделаешь, потому что не хочешь. Я тебя не пугаю, и я тебе интересен, в противном случае ты никогда не задал бы этот вопрос.

Он действительно хорошо изучил тех, с кем собирался путешествовать по Зандру. Разобрался в характере, вычислил слабые места... Он был слишком умен даже для дотовца, и Гарик внезапно вспомнил древнее, почти забытое слово – «шахматы». Человек, сидящий по другую сторону костра, наверняка был мастером этой игры.

«А девчонка?!»

Быстрый взгляд влево, Надира отвернулась от огня и выкладывает на земле узор из разноцветных камешков, что собрала по дороге.

Теперь, когда Хаким подтвердил, что является дотовцем, его спутница стала вызывать у разведчика совсем иные подозрения: она могла оказаться заражена недоступным для полевого сканера «спящим» вирусом, и, оказавшись в аттракционе...

– Зачем ты идешь в Безнадегу? – хрипло спросил комби.

– Неужели не догадался? – Показалось, что седой искренне расстроен.

– Зачем?

– Там живет человек, которого я ищу.

– Твой друг?

– Он поможет мне излечиться.

И снова непонятно. С точки зрения встроенного в комби медицинского сканера Тредер был в полном порядке, слегка потрепан путешествием по Зандру, но в целом – абсолютно здоров. И какую же скрытую болезнь он собрался лечить в дикой Безнадеге, что с ней

не справились лучшие спецы Дота? Ради чего Хаким оставил Периметр с его чистой пищей и чистой водой? Изменить, а если называть вещи своими именами – сломать себе жизнь? Ради чего?

– В Безднадеге есть только фельдшер. Когда я прихожу, люди платят, чтобы я просветил их медицинским сканером.

– Я не говорил, что тот человек – врач, – ровно произнес Тредер.

– Ты сказал, что он тебя излечит.

– Все верно... – Пауза. – Он поможет мне вылечить душу.

– Хм-м... Я слышал о душе, – не стал скрывать Визирь. – Когда-то считалось, что эта бессмертная субстанция обитает внутри каждого из нас, но Время Света доказало ошибочность теории. Мы были слишком оптимистичны, считая, что душа есть у всех.

– Ты говоришь так, словно читаешь мои мысли. – Седой помолчал. – Жрущие Дни?

– Один раз, – через силу ответил комби. Он не любил вспоминать то время.

– Я тоже, – кивнул Тредер.

Мужчины помолчали, слушая треск горящих веток, а затем разведчик вернулся к интересующей его теме:

– Прости мое тугодумие, но я так и не понял, зачем тебе в Безднадегу.

– Сложи два и два, – предложил Хаким, и в следующее мгновение Гарик проклял свою глупость.

Он догадался.

Безднадега была крупнейшим центром работорговли в этом секторе Зандра, а дотовцы – чистые, прячущиеся внутри Периметра, сопротивляющиеся радиации и химии, в общем, сопротивляющиеся всем подаркам новой Земли дотовцы – были их излюбленной добычей. Дотовцы приносили папашам самую большую прибыль, и теперь...

– Кого у тебя похитили?

– Сына, – угрюмо ответил Тредер. – У меня была большая семья, а остался только он. Спасая его во Время Света, я творил вещи, которые... которые... В общем, я сам не думал, что способен на такие вещи. Но я их делал, и мне не стыдно. Я спас своего сына, и я... я его потерял.

– Почему не организовал рейд?

– Слишком далеко от Периметра, – машинально ответил Хаким. И тут же, опомнившись, попытался все исправить: – Какой рейд?

– Ты не рядовой дотовец, – усмехнулся комби.

И Тредер, помолчав, ответил правду:

– Я занимал должность начальника карантинного управления Санитарного Спецназа. Это третье по значению подразделение штаба после оперативного и управления медицинской разведки. Я...

Но Визирь не слушал:

– Ты командовал карантинщиками Дота?

– Да.

Короткий ответ, и у ошеломленного разведчика отвалилась челюсть. Потому что перед ним сидел не человек, а легенда. Или воплощение всех страхов Зандра. Или спаситель Зандра, его хранитель... Не обычный служака, как думал разведчик, затеяв разговор, а один из высших офицеров Спецназа.

– Тебя называют...

– ...Белый Равнодушный, – закончил за Гарика седой. – Я знаю.

Карантинщики Дота... Они приходили туда, где возникала опасность эпидемии, выставляли заслоны и открывали огонь без предупреждения. Внутрь входили только врачи, наружу выходили только после того, как начальник службы лично подтверждал, что Спецназ

справился и болезнь ушла. Начальник – Белый, потому что всегда носил поверх комбинезона медицинский халат, Равнодушный, потому что на него не действовали уговоры и мольбы. Потому что он слушал плач, причитания и вопли, отворачивался и оставлял все как есть, держал заслон столько, сколько нужно, позволяя умирать тем, кого нельзя было спасти...

Считалось, что он сделан из железа. На полном серьезе утверждали, что по утрам он пьет кровь зараженных детей. Его ненавидели те, чьи близкие сгинули за карантинными заслонами. И боготворили те, кого спасли его жестокость и равнодушие.

Главный карантинщик Дота...

Только вот звали его отнюдь не Хаким Тредер.

– Ты знаешь, что твоим именем в Зандре детей пугают?

– Это называется славой, – равнодушно отозвался Белый. И закончил: – Я знаю точно, что мой сын в Безднадеге. И завтра я его заберу.

* * *

«Я всегда боялся этого аттракциона. Его ауры. Даже его названия.

Не опасался – боялся.

Приходил снова и снова, работал на Шерифа и говорил с его падлами, делился с ними табаком, просвечивал медицинским сканером и брал у них пшики с синей розой. Мы давно знаем друг друга, но в Безднадеге это ничего не стоит, и если бы не Арсений, который надеялся, что я отыщу ему дорогу через Рагульские Утесы, падальщики убили бы меня давным-давно. Просто так. Потому что никто из них не способен одолеть меня один на один, и от того появилась ненависть.

От слабости. От трусости. Чтобы разобрать на запчасти и продать другим комби.

Просто чтобы убить.

В Майдабрежье особые падальщики – злоба и жестокость возведены у них в культ. Здесь не прижились даже гладиаторские бои, любимое развлечение работоторговцев Зандра, поскольку падлы предпочитали просто и без затей забивать беззащитных пленников до смерти. Под одобрительные вопли сородичей. Хохоча и гордясь собой. И им не надоедало, они готовы были повторять это развлечение снова и снова, без передышки...

Но пугала меня не запредельная дикость зарагулян.

Нет.

В глубине души я боялся, что когда-нибудь все аттракционы Зандра станут такими же паскудными и грязными, как Безднадега. Ведь тупость заразна, в этом я неоднократно убеждался, наблюдая за превращением нормальных людей в угрюмых, уставших от всего работяг или служак, а жестокость завораживает. Жестокость дарит слабакам ощущение силы, упительного могущества, пробуждает в слизняках мужественность. Жестокость бессмысленная, кровь ради крови, не имеющая ничего общего с холодной и расчетливой, нацеленной на спасение жизней жестокостью карантинных отрядов Дота.

Я видел, как Арсений приучал пацанов к крови, как учил вспарывать животы, сжигать заживо, бить до смерти... Мужчин, женщин, детей – неважно кого и за что, главное, что на них указал Шериф. Я видел, как блестели от возбуждения его маленькие темные глазки и с какой радостью целовал он забрызганных кровью мальчиков в губы... Своих зверят, которые будут дикими даже по меркам Зандра.

Я видел и боялся, что зло Безднадеги расплзется и станет нормой.

Я чувствовал ненависть и ненавидел в ответ. Ведь ненависть так же заразна, как и тупость, знаю на собственном опыте...

Я хотел остановить эту заразу, но не мог и потому боялся.

И Белый Равнодушный понял все, прочитав мои записи. Понял меня, ни разу не встретившись лично. Понял даже то, в чем я не признавался себе.

Он действительно умел играть в шахматы...

И в Железной Деве он искал именно меня, а не Пепе...»

(Удаленные комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

Последний переход получился коротким – четыре часа, три с половиной из которых им пришлось аккуратно, поддерживая друг друга и периодически закрепляя страховочный трос, спускаться с Утесов. Не по отвесной стене, конечно, но по трудной дороге, которая прекрасно просматривалась и простреливалась с расположенного у подножия поста.

– В шестнадцати километрах к северу есть пологая тропа, которую контролирует аттракцион Дарай, – рассказал комби во время одного из кратких привалов. – Но Арсений специально не хочет в него переселяться: опасается внезапной атаки. Ему спокойнее, когда спина прикрыта.

– Почему мы не пошли по той дороге?

– Чтобы не топтать шестнадцать километров по Майдабрежью, – как маленькому, объяснил разведчик. – Слово Арсения крепкое, но оно не поможет, если мы наткнемся на спятивших или обкуренных падл.

Они отправились в путь, едва проснувшись, на ходу прожевав концентраты и запив их водой. Минут через двадцать вышли к Верхнему балкону, постояли немного, очарованные величественной панорамой раскинувшегося под ногами моря, затем начали спуск и лишь через три с лишним часа достигли относительно пологого участка, который начинался нависающим над аттракционом Нижним балконом.

– Безнадега во всей красе, – сообщил Гарик, раскуривая трубку. – Наслаждайтесь.

– Она именно такая, какой я и представлял, – прищурился Равнодушный.

– Маленькая?

– Никакая. – Короткая пауза. – Безнадежная.

До Времени Света аттракцион представлял собой скромных размеров поселок, архитектурно безликий и достаточно бедный. Историю его, как и настоящее название, никто не знал, и никто такой ерундой не интересовался, а известность он получил под другим именем... Под новым.

В ходе тектонических катаклизмов поселок оказался на узкой полоске земли, которую впоследствии стали называть Майдабрежьем. К западу плита капитально просела, образовав Зигенское море, а путь на восток перекрыли Рагульские Утесы. Поселок потерял множество построек и почти всех жителей, однако сохранился и приглянулся облюбовавшим дикое побережье падальщикам и папашам. Первым свою резиденцию здесь создал печально знаменитый Бобо Лойский, которого даже свои за глаза называли не иначе как Тварью. Самой знаменитой акцией Бобо стала одновременная казнь трех тысяч последних местных, после чего на Майдабрежье остались исключительно падлы, которые поняли, что следующими станут они, и организовали переворот, вознеся на вершину власти Арсения Шерифа. С тех пор Майдабрежье обрело нынешний облик, а Безнадега стала его столицей.

– Большой белый дом, что стоит на самом побережье, – это дворец Шерифа, построенный уже после Времени Света. К нему примыкает Арсенал и гараж с военной техникой.

– Арсений никому не доверяет?

– И правильно делает.

– Согласен.

Визирь помедлил, после чего продолжил:

– Бараки с серыми крышами – казармы, в них живут рядовые падлы. Все остальные – в своих домах или квартирах. Местных тут нет, только падалыщики и папаши. Плюс рабы, их загоны под соломенными крышами.

– У них есть катера, – пробормотал Белый, разглядывая небольшой порт Безнадеги.

– Катера, рыбачьи баркасы и несколько средних судов, – подтвердил комби. – На них Арсений ходит в набеги к побережью Куйской равнины, в устье Динара и на юг, в Пески-Пески.

– Авиация?

– Два вертолета огневой поддержки, но он их бережет как зеницу ока.

– Где стоят?

– Ангары левее порта.

– Вижу...

Вопросы Равнодушного и его пристальный интерес к планам Безнадеги плохо увязывались с рассказом о поиске ребенка. Сейчас Белый напоминал готовящего штурм военного, и Гарику в какой-то момент показалось, что он привел на Майдабрежье не двух странных путешественников, а не менее батальона отъявленных головорезов из Санитарного Спецназа.

Вновь проснулись былые подозрения, а когда они возвращались, Визирь всегда смотрел на девчонку. Бросил взгляд и на этот раз – резкий, быстрый, от которого не укрыться, – но Надира таращилась на аттракцион с тем же безразличием, с каким только что смотрела на море.

– Мы войдем в Безнадегу через двадцать минут, – сообщил разведчик, медленно отворачиваясь от девчонки. – Остановимся в таверне вдовы Кличко, после чего сразу же отправимся во дворец.

– Ты уверен, что Арсений здесь? – Белый задал вопрос равнодушно, но комби понял, что для седого присутствие Шерифа имеет огромное значение.

И на этот раз плюнул на подозрения. Точнее, перестал на них реагировать. Как бы их путешествие ни закончилось, скоро оно закончится.

– Здесь, – почти сразу ответил Гарик. – Видишь над дворцом сине-желтую тряпку? Это его личный штандарт.

«Мог ли я догадаться, что будет дальше?

Наверное.

Даже не так: я обязан был догадаться, поскольку получил все возможные подсказки.

Назвавшись, дотовец бросил карты на стол, а расспросы на Нижнем балконе должны были рассеять последние сомнения, но я отказывался соображать.

Потому что не хотел.

Потому что в глубине души понял, для чего Белый Равнодушный шел на Майдабрежье, и жаждал увидеть, что он сделает с Безнадегой. Что уготовил человек, чьим именем пугают детей, месту, которое проклинают даже падлы. Что он сделает с уникальной мерзостью, претендующей на титул главной грязи Зандра.

Я догадывался, что увижу невероятное.

Я хотел, чтобы Безнадега исчезла...»

(Удаленные комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

Тоненький, но от того невозможно пронзительный вой... Противный... Въедливый... Царапающий сердце даже Равнодушному...

– Почему ему не заткнули рот?

– Он приговорен.

– А мы?

– Мы должны видеть и слышать. В этом заключается воспитательный эффект. – Разведчик помолчал. – Если кто-нибудь из мальчиков Арсения проявит слабость, как ты сейчас, им заинтересуются. И возможно, он станет следующим. – Еще одна пауза. – Здесь выживают только те, кто ухмыляется.

Окна комнаты, которую им определили в таверне, выходили на главную площадь аттракциона, на которой как раз проходила очередная экзекуция. Впрочем, комби объяснил, что «как раз» определение неверное: убивали на площади едва ли не постоянно. Конкретно сейчас приговоренного забивали розгами, обыкновенными гибкими прутиками: сменяя друг друга, палачи постепенно рассекали несчастному плоть, добираясь до кости. Не спеша. Со вкусом. Смеялись, выпивали, меняли друг друга, предлагали принять участие всем прохожим, и мало кто отказывался.

– Они больны, – мрачно сказал дотовец. – Их недуг – ненависть и жестокость – неизлечим.

– Ты – Белый Равнодушный. Тебе приходилось отправлять на смерть тысячи людей.

– Тысячи больных, – поправил Гарика седой.

– Не только.

На миг Визирю показалось, что дотовец его ударит. Но только на миг. Равнодушный понимал, что насилием лишь подтвердит заявление разведчика, и сдержанно, но с необычайным достоинством ответил:

– Я горжусь тем, что делал, комби, и тем, что делает Санитарный Спецназ. Мы никогда и никому не отказываем в помощи. Мы приходим, лечим, теряем врачей... десятки докторов умерли, но не бросили пациентов... Мы спасаем. – Белый пронзительно посмотрел на разведчика. – Но мы не имеем права рисковать, и потому...

– ...за спинами врачей всегда стоишь ты, – закончил за него Гарик.

– Да.

Начальник Карантинного управления. Единственный, кроме генерала Дота, человек, имеющий право объявить о прекращении эпидемии. Ответственный за смерть такого количества людей, что Арсений Шериф, с его маниакальным зверством, выглядел на фоне Равнодушного жалким, недостойным упоминания любителем. Спасший такое количество людей, что ему следовало бы поставить памятник из чистого золота.

– Извини меня, – неожиданно сказал Визирь.

Однако ответ разведчику пришел не от дотовца.

– Он давно перестал обижаться на подобные обвинения.

Грудной, чуть хриловатый и очень приятный женский голос.

«Неужели?!»

Гарик резко обернулся и замер, пораженный произошедшей с Надирой переменой: исчезла одутловатость, мышцы подтянулись, и лицо, только что «расфокусированное», вдруг задышало жизнью и энергией. Как будто бы из ничего появилась красивая линия губ, безвольный рот стал строгим, а взгляд – осмысленным, уверенным и слегка насмешливым.

– Тебе нужно вколоть антидот. – Равнодушный бросил Визирю шприц и принялся снимать киберпротез. – Если хочешь жить, конечно.

– Сначала ему нужно прийти в себя, – рассмеялась девушка, раскрывая рюкзак. – Кстати, меня зовут Кабира Мата.

– Очень приятно, – протянул комби.

– Мне тоже, красавчик.

Белый протянул спутнице киберпротез, и Гарик понял две важные вещи. Первая: внешнее устройство в действительности принадлежит девушке, оно село на ее правую руку как влитое. Второе: протез нужен Кабуре вовсе не потому, что она инвалид, а по той простой

причине, что никто на свете, включая самых крепких воинов Цирка Уродов, не мог стрелять из «Толстого Мэга» без дополнительных приспособлений.

А «Толстый Мэг» как раз явился из рюкзака.

Человек, чьим именем пугали детей, привел в Безднадегу одного из тех, чьим именем пугали взрослых: перед ошарашенным Визирем стояла полностью экипированная убийца из синдиката «Анархия».

«Белый не оставил мне выбора, но я не в обиде. Он не мог поступить иначе. Он слишком хорошо все продумал и слишком сильно желал достичь своей цели. Он извинился, объяснил свои мотивы и свой план, после чего отдал мне атлас Двухзубой Мэри и все радиотабы, что у него оставались. И снова извинился.

За то, что мне придется рискнуть жизнью.

Впрочем...

Выбора, как я уже написал, у меня не было...»

(Удаленные комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

– Если у меня не выгорит, Арсений тебя убьет, – негромко произнес Равнодушный. – Он не будет спрашивать, знал ты или нет. Просто убьет.

– Я не мальчик, я все понимаю, – мрачно отозвался Визирь и кивнул стоящему у ворот дворца падалице: – Привет, Ярослав.

– Снова притащился? – вместо ответа хмыкнул тот.

– Мне у вас нравится.

Несмотря на внутреннее напряжение, Гарика удавалось держать себя в руках и общаться с остановившим их бойцом предельно спокойно. Как обычно. Ничем не выдавая того, что они явились во дворец отнюдь не с добрыми намерениями.

– Что за терпила с тобой?

– Путешественник. Хочет к зиганам пробраться.

– Ты еще скажи – турист, – заржал падла.

Пришлось поддержать веселье.

– Скажешь за него перед Арсением?

– Ага, – подтвердил разведчик. – Как сегодня Шериф?

– Пока добрый.

Бритый наголо Ярослав служил еще Бобо Лойскому, но вовремя перебрался на сторону Шерифа и принял самое деятельное участие в поистине зверском устранении бывшего благодетеля. Арсения Ярослав боялся до колик и старался выслужиться любым способом, заслужив славу самого подозрительного из сотников Безднадеги. Однако седой, облаченный в наглухо застегнутую рубашку армейского образца, штаны-карго и высокие ботинки, почему-то оставил Ярослава равнодушным. Наверное, показался старым и безвредным.

– Ты без оружия? – Падла испытующе посмотрел на разведчика.

Вместо ответа комби поднял руки, позволяя тщательно себя ощупать, и выразительно посмотрел на Ярослава, мол, что ж, я правил не знаю? Тот усмехнулся:

– Проходите.

И путешественники ступили в логово Шерифа.

– Визирь с терпилой ушли?

– Ага.

– К Шерифу подались?

– Ага.

Двери в таверне были хлипкими, тонкими, к тому же плохо поставленными – со щелями, и потому Кабира слышала каждое произнесенное в коридоре слово в превосходном качестве.

– Значит, надолго свалили... – Обладатель первого голоса, грубоватого, резкого, выдержал многозначительную паузу, но, поскольку никакой реакции на реплику не последовало, был вынужден уточнить: – У тебя ключ есть?

– Ты девку, что ль, решил оприходовать? – удивился второй, сиплый.

– Да. – Резкий шмыгнул носом. – Она клевая.

– С придурью же.

– Все бабы с придурью. А сумасшедшие смешные, я их после войны много пробовал... – Теперь резкий хмыкнул: – Жаль, сейчас передохли все... Открывай.

Однако сиплый оказался трусоват. Несколько мгновений он переминался с ноги на ногу – Мата слышала его движения так, словно видела их, – после чего протянул:

– А Шериф не взбесится?

– Из-за чокнутой телки?

– Шериф Визиря привечает.

– А как Визирь узнает, что телку чпокнули? Она ему скажет? – Резкий хохотнул: – Она же с придурью! Молчит все время!

– И то верно.

Сиплый сдался, видимо, захотел попробовать необычного, того, что «давно передохло», поэтому в замке заскрежетало, дверь распахнулась, и падлы уверенно вошли в комнату. Сначала резкий, оказавшийся невысоким и очень плотным, почти квадратным, а за ним сиплый – длинный, плечистый... умерший первым: затаившаяся за дверью Мата вонзила ему в спину длинный нож, с хирургической точностью добравшись до сердца.

– Что?

Услышав предсмертный хрип приятеля, резкий начал разворачиваться, но не успел – падальщики хороши десятком на одного или забивая до смерти связанных рабов, а для подготовленного бойца они не страшнее грязи на ботинке.

Пока резкий поворачивался, Мата успела извлечь клинок, оттолкнуть бездыханного сиплого в сторону, сделать шаг вперед, вонзить нож в горло падальщика и даже посторониться, не позволяя хлынувшей крови заляпать одежду.

Затем Кабира прикрыла дверь, посмотрела на часы и недовольно нахмурилась: ей следовало выдвинуться на огневой рубеж еще тридцать секунд назад.

Каждый владелец аттракциона в обязательном порядке имел дворец, на худой конец – замок или крепость, а в нем – украшенную награбленным комнату, гордо именуемую «тронным залом». У кого-то побольше, для двухсот, а то и трехсот верных соратников, у кого-то поменьше, на полсотни. У кого-то на поверхности, у кого-то в подземном бункере. С разрисованными стенами или грубой кирпичной кладкой, с окнами-бойницами или без них. Разные комнаты были объединены общей декорацией – подиумом с креслом, на котором обожали проводить время возомнившие себя королями главари падальщиков.

В тронных залах они пировали, судили, встречали послов из соседних банд и униженных обитателей соседних поселений с дарами. Трон был главным символом их власти, им они гордились, за него держались, и многие, очень многие короли погибали на нем или совсем рядом, не в силах расстаться с ним даже перед смертью.

– Визирь!

– Шериф. – Гарик встал на одно колено, приложил правую руку к сердцу и склонил голову. Белый последовал его примеру.

– Встань, добрый друг, и подойди.

В отличие от Баптиста, который, случалось, разгуливал по Железной Деве в сопровождении лишь пары телохранителей, Арсения всегда охраняло не менее десятка падл, и приближаться к нему ближе чем на пять шагов запрещалось под страхом смерти.

– Кого ты привел в мой дом?

– Путешественника.

– Ты за него скажешь?

– Иначе я не рискнул бы входить с ним в твой аттракцион, Шериф.

– Чем он готов выразить мне уважение?

Подарки и подношения были обязательным элементом посещения аттракциона случайными людьми, и потому Равнодушный сделал шаг вперед.

– Я – хороший врач, Шериф Арсений, и тем могу быть тебе полезен.

– Ко мне обращаются на «вы», – строго заметил Шериф. Он не терпел панибратства.

Визирь незаметно изменил стойку, распределив вес тела для того, чтобы не тратить потом лишние миллисекунды.

– Когда ты узнаешь, кто я, Шериф Арсений, ты согласишься с тем, что я имею право на небольшое нарушение правил, – с прежней размеренностью произнес седой путешественник. – Моя слава опережает меня, и ты будешь удивлен.

– Откуда же ты явился? – ухмыльнулся главный падальщик.

– Из-за Периметра Дота.

И неожиданное признание вызвало удивительную и абсолютно неестественную тишину. Осекся и прищурил маленькие глазки Арсений, замолчали, будучи в полной боевой готовности, его телохранители, ошарашенно притихла «публика». Как и прогнозировал седой, первое признание удивит падальщиков и даст ему время произнести главную речь.

Громким голосом.

Гордо.

– Меня зовут Белый Равнодушный, – громыхнул он, глядя на врага в упор. – И ты, Шериф Арсений, должен меня помнить. Четыре года назад ты украл и убил моего сына. Когда же узнал, кого посмел тронуть, то сменил имя и сбежал сюда, на край Зандра, в надежде, что я тебя не достану. Но я здесь, Шериф Арсений, я пришел расплатиться.

А в следующий миг на улице взорвалась первая пуля «Хиросима», выпущенная из револьвера «Толстый Мэг»...

Когда речь заходит о страшных патронах анархистов, ключевым словом для определения их заряда является не «микроскопический», а «ядерный». И если вы это понимаете, вы не задаете глупых вопросов типа: «Какая сила разнесла на куски двухэтажный каменный дом?» или «Когда вернется улетевший к облакам тяжелый танк?». Вы знаете, из-за чего появляются воронки чудовищных размеров и почему панически мечущиеся падлы в буквальном смысле исчезают в пламени...

Шесть взрывов – пауза, поскольку Кабире нужно вставить в каморы «Толстого» новые «Хиросимы», – и снова взрывы. Шесть. И снова пауза.

И паника.

И гибнущая Безнадега, исчезающая в пыли, дыму и разлетающихся обломках.

Горящие и тонущие суда, плавающая техника, периодически фонтанирующая огнем взрывающихся боекомплектов, здания, рушащиеся и растворяющиеся в пыльных облаках, и трупы, трупы, трупы... И невозможность ответить, поскольку анархистка засела в господствующем над аттракционом Нижнем Балконе и уничтожила пост, позаботившись о том, чтобы до нее не смогли добраться.

Безнадега умирала в огне, и только во дворец до сих пор не прилетело ни одной кошмарной пули.

– Тебе нечего бояться! – Потрясающе громкий крик Белого перекрыл даже взрывы. И отсрочил автоматные очереди, которые должны были разорвать его и комби. – Мои друзья не станут стрелять в дворец.

– Почему? – Надо отдать должное: Шериф, несмотря на грохот разлетающегося города, демонстрировал отменное хладнокровие.

– Потому что их задача – уничтожить Безнадегу. А ты – мой. Тебя я убью лично.

– Увернешься от автоматной очереди? – поднял брови Арсений.

– Я слишком стар для этого.

– Оружия у тебя нет, взрывчатки тоже: ни снаружи, ни внутри. – Шериф усмехнулся: – На входе во дворец стоит замаскированный сканер: мои люди просветили тебя, ты чист.

– Зато в твоём аттракционе всегда было плохо с медицинским оборудованием. – Дотовец расстегнул рубашку. – Я уже убил тебя, Шериф Арсений. Ты уже труп.

Кто-то закричал, кто-то выругался, кто-то пустил слезу или вздрогнул, но все, абсолютно все падальщики резко отшатнулись от открывшегося их взглядам ужаса: тело Равнодушного покрывали язвы, кровавые струпья и характерные фиолетовые пятна между ними – известные всему Зандру признаки воздействия вируса Айбац. Не просто быстрого, но смертельно быстрого.

И это был самый опасный момент явления мстителей: одной случайной пули оказалось бы достаточно, чтобы в тронном зале началась дикая бойня... К счастью, шок помешал воякам открыть пальбу.

– Я дам тебе шанс, мерзавец! – Белый открыл боковую панель комби и вытащил из нее горсть маленьких пластиковых доз. – Начинается игра «Доберись до антидота!».

И спасительные шприцы полетели в толпу падальщиков.

Тридцать шесть выстрелов.

Пять пауз на перезарядку. Тридцать пустых гильз на камнях Нижнего Балкона. Разогретый ствол «Мэга». Чудовищное месиво внизу. Раздробленный камень, горячее железо, кровь, мясо, стоны, повышенный уровень радиации. Воронки. Огонь. Смерть.

Тридцать шесть патронов «Хиросима» превратили городок в...

Ни во что не превратили, потому что городка больше не было. Безнадеги не стало, как и мечтал Визирь. Как хотел Белый Равнодушный. Как было приказано Мате. На месте Безнадеги плавилась руины, над которыми высилось одно-единственное здание.

Дворец.

Кабира вытряхнула из камор гильзы, вставила на их место новые патроны, поднесла к глазу оптику револьвера и принялась терпеливо ждать сигнала.

«Наверное, убили бы...

Должны были убить.

Если бы хоть кто-то из подлой своры Арсения, мальчик или покрытый шрамами ветеран, сохранил хоть каплю разума, он бы наверняка понял, что Белый врёт, что не для того он шел в Безнадегу, чтобы разбрасываться дозами антидота, что им все равно не жить и надо прихватить с собой тех, кто принес гибель, но...

На мое счастье, никто из падальщиков Майдабрежья умом не обладал. И все они превратились в беспощадных зверей, обуянных желанием спастись...»

(Удаленные комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

Каждый против каждого.

Удары и выстрелы, подножки, подсечки, бешеный рык...

Визирь рывком уходит в сторону, выхватывает автомат у ближайшего падлы, ожидает схватки, но тому плевать – бросается на пол за вожделенной дозой, успевает коснуться ее пальцами и получает нож под ребра. Крик. Много криков, возни, смертей, и никто не обращает внимания на отскочившего к стене разведчика.

Седой мастер игры в старинные шахматы вновь оказался прав, с доскональной точностью рассчитав поведение врагов.

Кто-то успевает вколоть себе дозу – ему стреляют в голову. Потому что успел. Потому что ему повезло. Потому что тот, кто не успел, не собирается прощать счастливчику свою нерасторопность. Потому что в падлах Арсения есть только ненависть и злоба.

– Сдохни, тварь!

Шериф ухитряется сохранить хладнокровие. Он остался у трона, перед которым в жутком месиве грызут друг друга осатаневшие звери, а сейчас выхватывает пистолет и наводит его на Белого.

Но Белый улыбается, потому что видит на шее Арсения первые фиолетовые пятна.

Шериф стреляет и воет. Он все понимает и так прощается с жизнью.

– Убейте комби! – Но приказ никто не слышит. – Убейте...

Визирь ужом выскальзывает из тронного зала. Отталкивает фиолетового, зараженного Айбацем падальщика, затем еще одного, обожженного и скулящего от боли Яроя, вбежавшего во дворец с улицы, выскакивает во двор и на мгновение замирает.

Знает, что нужно бежать со всех ног, но ничего не может поделать: останавливается, впечатлившись величественной картиной разрушения.

Безнадега пала.

Улицы, что вели к дворцу, площади, на которых лилась кровь, казармы, загоны, жилые дома – все обратилось в радиоактивный прах. Гарик не считал взрывы, но сразу понял, что Кабира выпустила по городку гораздо больше «Хиросим», чем требовало его простое уничтожение. Она в точности исполнила приказ Равнодушного – «расплавить в остекленевший песок», и теперь ей оставалось нанести на картину последний штрих.

Комби снова открыл боковую пластину, вытащил дымовую капсулу, активизировал ее, подбросил в воздух и торопливо побежал прочь. Подальше от дворца. От облака ярко-оранжевого дыма. И от «Хиросим», что стали вонзаться в последнюю постройку Безнадеги, разнося на куски ее последних обитателей...

* * *

Закат сегодня был чарующе красив.

Легкие облака позволили уходящему солнцу сполна наиграться красками, размазывая по небу все оттенки красного и оранжевого, вырезая кудрявые контуры и оттеняя целые области лазурной бесконечности. Море пребывало в важном спокойствии, обозначило горизонт ровной линией и не разбавляло спектакль ненужным волнением. Мягкие волны неспешно накатывали на гладкую гальку и тут же отступали... но не исчезали, а сменялись следующими, такими же спокойными ласковыми.

Закат на море получился едва ли не идеальным и резко контрастировал с обезображенным, еще дымящимся берегом, но... но ни Кабира, ни Визирь назад не смотрели. Берег стал другим, они сделали его другим и больше им не интересовались. Безнадега, падальщики, смерть – все осталось в прошлом, растворилось в щелчках секундной стрелки и потеряло всякое значение.

– Я читала твои комментарии и представляла тебя слабаком, – произнесла Мата, не отрывая взгляд от моря. – Слишком много рефлексии.

– Я рефлексирую только на привалах.

– Я заметила. – Анархистка чуть улыбнулась. – Ты оказался молодцом, красавчик, сумел меня удивить.

– Ты тоже, – в тон девушке ответил Визирь. И тоже – продолжая любоваться закатом. – Как тебе пришло в голову прикинуться сумасшедшей?

– Одинокая анархистка – легкая добыча. Нужна маскировка.

– Она у тебя совершенна.

– Я училась в театральной студии... Давно... До Времени Света.

– Это многое объясняет.

– Например?

– Твою красоту.

– Клеишь меня?

– Нет. – Он принялся набивать «большую» трубку. – Теперь мне нравится быть однолюбом.

– Встретил единственную?

– Да.

– Не потеряй.

– Постараюсь.

Они помолчали, наблюдая за безуспешными попытками солнца зацепиться за краешек неба, после чего выдохнувший порцию дыма Гарик тихо спросил:

– Чем он тебе заплатил?

– Спас мою семью, – пожала плечами Мата. – Я ушла в Синдикат еще до Времени Света, а когда оно стряслось, помчалась искать своих, мать и двух сестер. Три месяца пробиравась на родину через весь кошмар, что тогда творился, добралась и узнала, что в моем городе эпидемия чумы Олбрайт. Это была одна из первых вспышек, которую локализовали дотовцы... – Кабира грустно улыбнулась. – Я попыталась прорваться, но карантинщики меня взяли, хотели расстрелять, но он не позволил. Пришел, спросил: «Кто у тебя там?», я говорю: «Мать и сестры», он говорит: «Молись». И я две недели сидела в его штабе и молилась. А он ходил внутрь... Моих нашел, письмо им передал... Два раза после возвращения строил своих и читал имена врачей, которые не выйдут... А потом напивался. – Пауза. – Я видела, как он становится Белым. С каждым часом, с каждой минутой... До того как Дот его на карантин поставил, он ведь черным был как смоль. Молодым казался... А через год я его встретила случайно, а он совсем седой. И старый...

– То есть он тебя спас? – переспросил Гарик, имея в виду, что Равнодушный не расстрелял попытавшуюся прорваться анархистку.

– Он убедился, что мои родные чисты, и переправил их за Периметр. – Солнце скрылось, но тьма еще не накрыла берег, и повернувшийся Визирь видел выражение лица Кабиры – нежное, потому что говорила она о тех, кого любит. – У Дота жить тяжело, но лучше, чем в Зандре. Мать и сестры живы, у них есть крыша над головой и работа, у них есть будущее... Поэтому я считаю, что Белый их спас.

– Жалеешь его?

– Белому это не надо, – жестко ответила девушка. – Он выбрал путь и честно его прошел. – И сразу, четко показывая, что больше не хочет говорить о Равнодушном, поинтересовалась: – Выведешь меня в Полураспад?

– В обход Железной Девы?

– Да.

– Выведу. – Он улыбнулся: – Будешь прикидываться моей сестрой?

– В Полураспаде меня ждут друзья. – Она весело посмотрела на комби: – Если хочешь – пошли со мной. Нам бы пригодился опытный разведчик.

– Клеишь меня?

– Нет.

– У меня дела в Железной.

– Ну, как знаешь.

Кабира вытащила из кармана плоскую фляжку, отвинтила пробку и, провозгласив: «За Равнодушного!» – сделала большой глоток. После чего передала фляжку Визирю. Тот кивком поддержал тост и тоже глотнул обжигающего крепкого.

Тихие волны продолжали плавно набегать на камни.

* * *

«Иногда мне кажется, что я смотрю на все со стороны. Что жизнь проходит мимо, разыгрывая передо мной занятные и не очень картинки, а я могу в любой момент остановить просмотр...

Или отмотать назад, повторяя то, что понравилось...

Или вперед, избегая страшного или неинтересного...

Или просто выйти из зала...

Или проснуться...

Иногда мне кажется, что окружающий меня ужас выдуман режиссерами и художниками, что страшное Время Света – всего лишь старт игры и теперь я бегаю внутри виртуальной реальности, набирая опыт и улучшая характеристики...

Я колю себя иглой, ножом... Я кричу от боли, но не могу выйти из игры... И не просыпаюсь...

И тогда, окровавленный, тяжело дышащий, я ненадолго понимаю, что Зандр – настоящий. Что мир – настоящий.

И что Время Света стало нашим билетом в Технологичный Ад...»

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря.)

Леонид Кудрявцев Один день фермера

1.

Утро. Стандартизированная гостиница.

Баланс: 97 единиц

Утро на дворе, сказал себе Иван Денисов, вставай, морда. На фарм пора. Дела тебе придется совершить мерзкие, но, если ими пренебречь, как собака подохнешь под забором.

И просыпаться не хотелось. Он даже позволил себе немного полежать с закрытыми глазами, цепляясь за уходящий сон. А потом запах старой, горелой юп-изоляции и прогорклый аромат дешевого кофе его достали окончательно. Да к ним еще примешалась и легкая вонь дезинфицирующего раствора, используемого только в стандартизированных гостиницах.

Он проснулся окончательно, открыл глаза и некоторое время рассматривал крышку стола, на котором, оказывается, вчера уснул.

Жаль. Пусть кровать и узкая, не очень удобная, но деньги заплачены. Следовало отдохнуть на ней.

Иван откинулся на спинку стула, покрутил головой, принялся массировать шею. Все тело ныло, словно он вчера хорошенько подрался.

А вот надо было... Нет, сейчас это не имеет значения.

Так, с шеей покончено. Теперь необходимо встать. И неважно, что покачнулся. Главное, ноги уже держат. Попытаемся достать кончиками пальцев до пола.

Ну-ка, ну-ка...

Он достал, выпрямился, еще раз и еще. Чувствуя, как тело вновь становится послушным, как в него возвращается сила, Денисов поднял руки над головой, выгнул спину, выпрямился, снова прогнулся. Теперь можно было заняться приседаниями. Он сделал их пару десятков. Потом настала очередь отжиманий. Иван сосчитал их. Получилось двадцать два раза.

Все?

Он плюхнулся обратно на стул и, массируя поочередно запястья, подумал, что по настоящему заботиться о здоровье не получается. Качалка, бассейн – пока роскошь, область мечты. Питается он тоже неправильно. Не по карману даже профилактический визит к киберэскулапу. Если в ближайшее время не выделить на это средств, можно нарваться на крупные неприятности.

Деньги.

Иван знал, что на нем сейчас лежит всего лишь девяносто семь единиц. И поскольку их меньше ста, до завтра его счет не доживет. В полночь обнулится. По уму фармом следовало заняться еще вчера. А он что делал? Да, в общем, тоже не бил баклуши. Как с утра принялся настраивать невод, так до вечера с ним и провозился. А потом ничего не оставалось, как с головой нырнуть в «Яростных драконов» в надежде выбить-таки проклятую пиратскую

реликвию. Ту самую, которая появляется в среднем раз в пять лет, кстати, зато ухвативший ее до конца жизни может палец о палец не бить и будет как сыр в масле кататься.

«Яростные драконы» и невод, подумал Денисов. Вот то, на чем я строю свое будущее. Фарм – временно, лишь для поддержания штанов. За ним сплошное суровое настоящее.

Невод...

Он взглянул на коробочку персоналки и тут же отвел глаза в сторону.

Не стоит суетиться под клиентом. Всему свое время. О другом следует подумать.

Интересно, сколько тысяч раз он до этого просыпался в стандартизованных гостиницах? И не сосчитать. Между прочим, названы они так не случайно. Все созданы по единому образцу, похожи как капли воды. Настолько, что временами возникает иллюзия, будто гостиница на самом деле одна, перемещающаяся вслед за тобой.

Разнообразие, подумал он, дорогое удовольствие. Миром правит стандарт, а индивидуальность уже давно стала роскошью. Если на нее нет денег, то изволь есть фастфуд, спать в одном и том же интерьере, удовольствия серой, как осеннее, промозглое утро, жизнью, которая закончится смертью в экономической больнице и похоронами, не блещущими оригинальностью.

Не нравится? Твое право. Но учти, если попытаешься испытать воды разнообразия без должного количества единиц в кармане, вкус ее тебе не понравится, поскольку хлебать придется из грязной лужи. Первая же ночевка не в гостинице мозги вправит быстро. Нарвешься на вольного ганкера или ватагу механизированных гопников – запомнишь надолго. Если ноги унесешь, конечно. А это еще надо суметь.

И вообще, хватить тянуть время, пора за дело браться.

Комната была крохотная. Для того чтобы привести себя в порядок, достаточно было лишь встать и шагнуть к туалетной стенке. Ткнув не глядя на один из покрывавших ее светочувствительных квадратиков и, конечно, по нему попав, ибо он находился точно в том месте, что и в любой другой стандартизированной гостинице, Денисов сунулся к выдвинувшемуся из стены тонкому, прозрачному умывальнику. Подставил ладони под струю воды, которая потекла из крохотного краника. А разовая зубная щетка, покрытая тоненьким слоем очищающей пасты, уже высунулась из стены в пределах досягаемости его правой руки. Если ее не взять, то ровно через две минуты она сползет по стене струйкой прозрачной жидкости, прямо до невидимого пока стока. Тот откроется лишь на время, достаточное для того, чтобы ее поглотить.

Как обычно, паста была с привкусом черники. Через полгода, строго по графику, ее сменит гарантированно-настоящий-вызывающий-у-всех-восторг вкус малины.

Орудя зубной щеткой, Иван подумал, что некогда выбрал один из самых ненадежных способов заработка и все еще умудряется сводить концы с концами. Разве он не крут? Впрочем, а выбрал ли? На самом деле ему пришлось взяться за фарм, поскольку появилась программа, способная полностью заменить людей – диспетчеров авиалиний. И, оставшись без работы, он просто не смог найти своим способностям иного применения.

Кстати, особой трагедии тут нет. Потерянная государственная пенсия? До нее еще надо дожить, а это удастся не многим. Причем возможность вернуться на государственную службу у него есть. Низшую, плохо оплачиваемую, но – государственную. Вот только где гарантия, что и с этого места его не погонит очередная хитрая программа? А фермера уволить нельзя. Он работает только на себя. И не надо забывать о том, что однажды ему может улыбнуться удача. Невод или «Драконы» принесут большой, очень большой куш. И это, несомненно, случится. Можно назвать десятки счастливых, сумевших ухватить удачу за хвост. А он чем хуже? И старость еще не маячит у него за плечами. Есть время и силы.

Сполоснув рот, он кинул щетку на край ванной. Пока она растворялась, Иван разделся. Одежда канула в корзину для стирки, наполовину утопленной в стене. Стоило зарыть

крышку, как она тут же затянулась непрозрачной пленкой и слегка завибрировала. Теперь оставалось лишь потянуть за торчащий уже рядом с ней край гигиенического полотенца. Сейчас можно было не торопиться, и он тщательно обтерся с ног до головы, причем два раза. Потом, с удовольствием ощущая во всем теле приятную чистоту, смял грязное полотенце в комок, бросил его к стене, в которую уже спряталась раковина. И тот, едва очутившись на полу, зашевелился, а потом медленно пополз к открывшемуся на уровне пола проему.

Ну вот, подумал Иван, пора полюбопытствовать, время настало.

Он вновь плюхнулся на стул, протянул было руку к лежавшей в центре стола коробочке персоналки, но так к ней и не прикоснулся. При чем дело было даже не в отсутствии решимости. Он не боялся. Просто вот так, разом, совершить такое важное дело казалось ему неправильным, не содержащим в себе должного почтения к госпоже удаче.

Кажется, кто-то из его знакомых фермеров в подобной ситуации, прежде чем прикоснуться к персоналке, несколько раз проводил над ней рукой и говорил волшебные слова. Какие? Вот бы сейчас вспомнить... нет, невозможно. И вообще, бред все это, полный бред. Не надо ничего придумывать. А следует, немного помедлив, все-таки в нее заглянуть.

Ну, светит ему сегодня или нет? Чет или нечет?

Иван ухмыльнулся и покачал головой.

Как ни крути, а проверять все равно придется.

Он облокотился на край стола, замер на показавшихся ему очень долгими три вдоха и выдоха, а потом быстро, словно доставая горячий уголек из костра, схватил заветную коробочку. Выдвинув из ее корпуса экран, Денисов установил его размер на минимум и не без трепета взглянул на индикатор невода.

Голяк полный. Воистину вернулся невод лишь с травой морскойю.

Вполголоса выругавшись, Иван бросил персоналку на стол. Откинулся на спинку стула и взглянул на потолок.

Кстати, ничего необычного там не было. Белый потолок, без единой трещинки или паутинки, пустой, как... вот именно, пустой, как невод.

Ну сколько это может продолжаться? Светит ли ему поднять хоть что-то стоящее? Может, он так и будет до самой старости тешить себя несбыточными иллюзиями? Кстати, старость без денег не просто неприятная, постыдная штука. Имя ей – вечные страдания.

С другой стороны, какой смысл жаловаться и вызывать к удаче? Волка ноги кормят. Охотиться надо, вот тогда и повезет.

За стенкой, у соседа справа, взвыла сирена. Потом к ней добавились хриплая ругань, истошные вопли, хлопки выстрелов. Наверняка там кто-то азартно гамал. Значит, может себе позволить. Или не может, но все равно решил скормить любимой игрушке целый день. Пусть он будет фермером. Тогда одним соперником сегодня окажется меньше.

Эта мысль показалась Ивану забавной.

На самом деле конкуренты его интересовали не сильно. Пусть сначала попытаются за ним угнаться. А невод он закинет сегодня же вечером еще раз, обязательно закинет. Стоил он всех его сбережений за последний год и вернуть их просто обязан. С большой прибылью.

Сейчас в старом Интернете один за другим открываются сектора, принадлежавшие некогда разорившимся, напрочь забытым компакам и фирмочкам, торговавшим информацией. Они битком забиты ненужным хламом, частенько превращенным древними вирусами в мусор, но иногда там попадаются тексты книг, видео– и музыкальные файлы. В период беззакония они были выкуплены на веки вечные у авторов, считаются потерянными. Если на подобное сокровище вовремя наткнется сканирующая программа, способная определить, какой из открывшихся файлов содержит нечто ценное и тут же его застолбить, можно озолотиться.

Невод уступает в скорости лишь программам тральщикам больших корпораций и при некотором везении нечто ценное обнаружить способен. В общем, осталось только подождать, проявить упорство, терпение. Потом, разбогатев, можно будет повесить уровень гражданства, найти неплохую работу, забыть навсегда о фарме.

Не слишком ли он воспарил в мечтах? Еще немного, и можно не успеть на надземку.

Заглянув в корзину для стирки, Иван вынул из нее уже чистую, сухую, отглаженную одежду. Оделся. Взмахнул рукой, и часть стены стала зеркальной. Внимательно изучив свое отражение, Денисов аккуратно расправил ворот модной, словно бы покрытой застывшей морской пеной рубахи, одернул куртку. Она сильно смахивала на такую, какие носят чиновники среднего уровня, и неспроста. Практика показывала, что собаки-моды на людей в такой одежде обращают внимания меньше.

Прежде чем сунуть в карман персоналку, Иван машинально погасил висевшую над кроватью фотографию виртуальной жены. Все верно: уходя, уходи за собой. А кстати, стоит ли сегодня вечером вновь помещать эту проекцию на стену? Денег с него возьмут немного, но все равно – возьмут.

Денисов подумал, что никогда эту девушку во плоти не видел, ибо она живет на другой стороне земного шара. И все-таки женитьба, пусть даже виртуальная, делает его жизнь более осмысленной. Воспринимает ли виртуальная жена таким же образом? Кто знает? Главное, эта фотография уже стала для него чем-то вроде талисмана. Есть ощущение, что, пока ее проекция ночью светится над его кроватью, удача не отвернется. Значит, и думать не о чем.

Теперь следовало заморить червячка.

Прикосновение пальца к крохотному изображению бутерброда на стене – и из нее выдвинулся прозрачный поднос, на котором стоял стаканчик с суррогат-кофе и лежала свежая, покрытая аппетитной корочкой булочка. Спустя три минуты с завтраком было покончено. Как обычно, кофе оказался отвратительным, а булочка восхитительной.

Больше никакой халявы от гостиницы ждать не следовало, а новый день обещал быть хлопотным, наполненным суетой. И Иван уже жил им. Гостиница теперь для него смахивала на старую, высохшую, царапающую тело змеиную кожу, из которой следовало немедленно выползти. Там, в мегаполисе, его ждал фарм, и он знал, носом чувствовал, сегодня все будет в лучшем виде.

– На волю, в пампасы, – бормотал Денисов, выходя в коридор. – И ранняя птичка больше клюет.

Шагая к лифту, он вспомнил, как ему пришло в голову, что гостиница на самом деле одна, просто передвигается за ним попятам.

Какой только бред не стучится в мозг спросонья?

2.

Утро. Надземка. Нулевая зона.

Баланс: 52 единицы

3.

4.

«Срочно! Закончилась конфузом акция борцов с бумажными книгами, задуманная ее организаторами как особо зверская. Два активиста общества ненавистников печатного слова нейтрализовали защитную систему одной из центральных книгарен и, ворвавшись в ее главный зал, попытались под угрозой оружия заставить находившегося там менеджера выдать все находящиеся у него бумажные книги. С собой у преступников была канистра с бензином. Изъяв около двух десятков еще не отправленных по адресам томиков, вандалы облили их бензином, причем сделали это так неаккуратно, что часть горючей жидкости попала им на одежду...»

«Звезда гало-эстрады, ведущая шоу «А у нас во гламуре...», обладательница ника Пусся Левинска сообщила о перерыве в работе на два часа в связи с установкой в нее дополнительных плагинов. Это должно поднять уровень эротической привлекательности виртуального создания на новую...»

«Состоялась рабочая встреча Главы государства Оил-Сливония К. Говоруна с вождем Второго Великого Курултая Д. Безымянным. Встреча получилась в высшей степени результативной. Обе высокие стороны обсудили возможную стратегию войны за пресную воду. В качестве противника в этот раз выбран...»

«Судя по резюме, размещенному в Сети независимой группой «Горячие факты», сообщения которой, согласно шкале Йордана, оцениваются как очень достоверные, деревня Старая Шишиха внезапно утратила связь с внешним миром. Попросту – исчезла. Об этом сообщили местные налоговые органы, отправившись на поиски упомянутого населенного пункта три поисковые экспедиции. Все они закончились плачевно. Согласно распространившимся в том районе слухам, незадолго до исчезновения деревни Старая Шишиха живший в ней десятилетний мальчик выкопал на огороде неизвестно как попавший...»

Ничего в этом мире не меняется, подумал Иван, закрыв окошко новостного отдела персонalkи. Совсем ничего.

Здесь был крутой поворот, и он придвинулся к окну. Прижавшись щекой к холодному стеклу, Денисов увидел передние вагончики, локомотив, из которого торчала огромная труба энергоулавливателя, делающая его похожим на старинный паровоз. А еще дальше была лента пути надземки, постепенно сужающаяся до толщины серебряной нитки, у самого горизонта сходящая на нет.

Там, пока еще невидимая, лежала гигантская лепешка города. Как только она станет видна, можно начинать действовать. Хотя а почему не сейчас?

Он окинул взглядом ближайшие сиденья и покачал головой.

Ловить тут нечего. И дело даже не в том, что надземкой богачи не ездят. Птичка по зернышку клюет, а именно зернышек здесь много. Да вот взять хотя бы духи соседки, явно изготовленные с примесью иприта. Убивают наповал.

Да и юнец, расположившийся напротив. У него на голове творится черт знает что. На парик не похоже. Значит, он на волосы себе что-то вылил. По виду – гудрон. При желании его за подобные фокусы можно раздеть до нитки. Не будь он беден словно церковная крыса. И можно поспорить, покинет надземку в первой зоне. Там подобные фокусы еще терпят. Игры всерьез начинаются со второго.

Терпение и терпение. За дело браться рано, да и риск велик. Во внутренних кругах, попавшись на «присасывании», всего лишь теряешь деньги. В самом скверном случае тебя возьмут на заметку стражи порядка. После этого придется начинать искать новые способы заработка, но ты останешься жив и здоров. Здесь же, снаружи, попавшийся на попытке фарма в худшем варианте может получить в печень большой ржавый гвоздь, приберегаемый как раз для такого случая.

Иван невольно поежился.

Нет, работать еще рано. Да и впереди целый день. Прочь спешку. Сейчас можно только оглядеться по сторонам, слегка размяться. И это уже допустимо, это в пределах закона.

Он отодвинулся от окна, выпрямился, медленно, с ленивой улыбкой на губах огляделся.

Вот просто шея у него затекла, разминает он ее. Или даже захотелось посмотреть еще раз, в каком гадюшнике едет на работу. Ничего в этом преступного нет.

Кстати, он самый и есть. Гадюшник. Жесткие из псевдодрева скамейки, стены, покрытые тусклой серой краской, грязные окошки, и на каждом обязательно небольшая трещина. Нулевой уровень. Все как положено.

Фоном – вопли бродячего торговца.

– А вот пампушки-лягушки, с пылу с жару! Кальмарики-кошмарики, пиво, соки! Натуральнее не бывает! Три штуки – скидка! Постоянным покупателям скидка! Тому, кто улыбнется, особая скидка!

Разговоры, пересуды:

– ...застрели меня на месте, если они тотчас не выскочили на простор инфо-хляби, все как один. А там, знаешь ли, залубенеешь...

– Самое лучшее место для сна. Я останавливаюсь уже второй месяц на ночевку. Стабильность, сам понимаешь, великая штука.

– Но это же так несовременно! Стабильность... толку от нее. Человек приходит в мир нагим. Прогресс сделал возможным свести к минимуму количество необходимых ему вещей. Это правильное миропонимание. А вот шаг в сторону...

– И говорят, рука у него оказалась разовой, не только все остальное. Разовый протез. Он и отказал, как положено, через минуту...

– ...кормятся. А ты стоишь и на это смотришь. И вид такой, словно они через тот провод сироп лопают...

– Девушка, обменяемся мылом? У вас такой красивый интерфейс...

– С котролером не поговоришь. Они тоже не лыком шиты, знаешь ли. Как спрыгнет с антерсолей, как понесется на роликах, да хвост трубой наперевес, как начнут котролировать – только держись...

И снова надсадный, нутряной крик:

– Пампушки-лягушки! Кальмарики-кошмарики!

Как раз в этот момент кто-то открыл дверь в вагон и постукивание колес стало слышнее. Из тамбура пахло сигаретным дымом. Кстати, неплохие деньги по меркам второго уровня. Не говоря уже о третьем. Но опять-таки не здесь.

А не настала ли пора напустить на соседей адвоката? Жаль, денег с них не взять. Или попробовать? Вдруг повезет? Чем черт не шутит, когда бог спит?

Сунув руку в карман, Иван нажал на персоналке нужную кнопку и поинтересовался:

– Адвокат, как обстановка?

Ему даже не понадобилось это говорить вслух. Вживленный под кожу крошечный датчик уловил едва заметные сокращения гортани, возникшие при мысленном произнесении команды.

– Работаю в штатном режиме.

Голос у адвоката был звонким, жизнерадостным, как и положено в начале дня. Едва появится возможность заработать, он станет жестким, деловым. Это по замыслу создателей программы должно помогать сосредоточиться, поддерживать в рабочем тоне. Еще через адвоката можно получать и отправлять файлы, не опасаясь подцепить очередную вырвавшуюся в сеть заразу. Он служит удостоверением личности, позволяет контролировать расходы и многое другое. Однако самое главное – он предупреждает, защищает, помогает планировать. Это жизненно необходимо.

Прикрыв глаза, Денисов приказал:

– Включи паутинное зрение.

Персоналка переключилась на соответствующий режим работы, и перед его глазами возник прямоугольник виртуального экрана. Темноват он был для этого освещения.

– Светлее на половину единицы, и настолько же увеличь прозрачность. Нет, даже не так, а в полтора раза.

Адвокат внес необходимые изменения. Теперь картинка с экрана полностью совместилась с окружающим миром. Получилось как бы двухуровневое изображение. Чуть ближе – окошко в паутину, со стандартной заставкой – трехцветным логотипом, чуть дальше и менее реально – вагон, лица пассажиров.

– Перейти в режим фарма? – предложил адвокат.

– Рано, – ответил Иван – Мы пока лишь наблюдаем.

– За нами – тоже. Слишком пристально, пытаюсь получить не предназначенные для обнародования личные данные. Я бы даже назвал это нападением.

Фигуру сидевшей напротив женщины очертил красный контур, и над ней возник ярлычок. Судя по надписи на нем, дама использовала старую версию бампоиска.

Не иначе, затарилась ею в магазине уцененки, подумал Иван. Лохушка. Не сладит она с моей защитой. А вот я могу сделать с ней что угодно. Только никакого нет резона ввязываться. Большой ли ей можно выставить штраф, если она не сумела причинить никакого вреда? И опять-таки на дворе пока еще нулевой уровень.

– Атакуем? – спросил адвокат.

– Не надо, – сказал Иван. – Просто блокируй ее попытки.

– Она не прекращает.

Денисов вздохнул:

– Блокируй, блокируй.

Он еще раз взглянул на излишне любопытную.

Так и есть. Судя по всему, упорная бабенка. Из тех, что, получив по физиономии и упав, тотчас вновь поднимаются и идут дальше. Если ее в ближайшие год-два не слопают, может стать даже конкурентом. Впрочем, срок немалый. Пусть она для начала разберется, на кого можно нападать, а кто ей не по зубам.

– А может, вдарим? – советовал адвокат. – Немного поправим счет. Десяток единиц тебе сейчас не помешают.

– Не надо. Она может поднять скандал.

– И нарвется по полной.

– Да, нарвется, но скандал мне сейчас невыгоден.

– Значит, и ей тоже. Не будет она его устраивать.

– Она женщина, – объяснил Иван. – Будет, даже если потеряет больше. Женщины, когда мстят, категориями «выгодно-невыгодно» не думают. Они просто стараются нанести врагу как можно больший урон. Заруби себе на носу.

– Занести это в базу модуляции поведения?

Нет, это уже слишком. Точно слишком.

– Не надо, – буркнул Иван. – И хватит пока об этом.

– Как прикажешь, – сказал адвокат. – Что будешь дальше делать?

– Думаю оглядеться.

– Смотри.

Виртуальная часть окружающего мира утратила глубину и стала плоской. Разворачиваясь на девяносто градусов, она показала вагон и сидевших в нем людей сверху, превратила их в схему. Сиденья и стены стали контурами, пассажиры обозначились значками, пронумерованными, снабженными ярлычками с информацией.

Так привычнее, подумал Иван, просматривая данные соседей. И сразу видно, кого из них следует опасаться. С настойчивой дамочкой все понятно, но есть еще и не только она. А вон кто это сидит через два ряда, весь вроде бы безобидный? Да, типчик с почти отключенной персоналкой? Отключена ли она? Всего одна запущенная прога? Мелочь по нынешним временам. Меньше чем ничто. Это если не ведать, что она из себя представляет. А Иван знал. Нехорошая прога это была, здесь и сейчас. Взять ее надо на заметку.

– Номер тринадцать, – сказал Денисов адвокату. – Предельная осторожность. У него защитник второй версии активирован. Прога не страшная, но при большой удаче и умении он отщипнет от нас пару десятков единиц. Вот это сейчас недопустимо. Они нужны, чтобы правильно начать фарм.

– Пусть только рыпнется, я ему сразу по сопатке выдам.

Иван невольно поморщился.

Кажется, он слишком загнал в плюс уровень используемых адвокатом жаргонных словечек. Только с настройками сейчас возиться не следует. Плохая примета.

Получается, подумал он, эту не тронь, с тем не связывайся, здесь не прикоснись. И вообще, следует прикинуться ветошью, постараться не отвечивать. А все потому, что нет хотя бы минимального запаса финансов. Вчера надо было, вчера браться за дело... Ладно, что там еще есть примечательного?

Нашлось, конечно.

– Дай информацию о номере семнадцать, – через пару минут приказал Денисов.

– Взломать?

– Глубоко зарываться не надо. Дай пока самую поверхность.

– Проще пареной репы.

Ярлычок, прикрепленный к заинтересовавшему Ивана значку, стал увеличиваться в размерах. Вот на нем проступили строчки данных. Бегло прочитав их, Иван ненадолго задумался.

А этой-то что надо? Еще одна любительница обогатиться за чужой счет? Не похожа вроде. Имеет работу. Официантка в одной из быстроперекусочных второго уровня. Не замужем, но есть дочка. Фанатка сериала «Кровь и розы пятого полицейского участка». Раз в год ездит на отдых в так называемую средневековую деревню. Между прочим, то еще местечко. Вес, рост, размер талии и бедер, согласно последнему медицинскому осмотру. А осмотр она проходила в «Олимп-эскулапе», и это ей влетело в копеечку. Хотя там лечение качественнее. Ради него можно и раскошелиться. Да и защита от взлома надежнее. С ходу не осилишь.

Скрыто чем она все-таки болела. Это накопать можно, но не сейчас. Важнее узнать причину ее излишнего внимания. Любопытно.

Увидев, как рядом с номером семнадцать возникло пурпурное, пульсирующее сердечко, Иван тихо хмыкнул.

Тут все понятно, просто. Да и ответить можно не думая. Нет у него сейчас времени на любовные приключения, будь она даже писаная красавица. Вот потом...

– Номер семнадцать, – приказал Иван. – Надо перенести данные в записную книжку. Ответишь ей песочными часами. И достаточно.

– Сделано, – отчитался адвокат. – Правильное решение, могу добавить.

– Вот как?

– Работа может спасти тебя от банкротства, а не новая виртуальная жена.

– А тебя? – спросил Иван. – Разве это тебя не касается?

– Нет.

– Если мой счет обнулится, то сегодня, в полночь, ты перестанешь существовать.

– Не перестану. Изменюсь, утрачу какие-то данные, но не более. Я прога, ты разве забыл? Я не боюсь исчезнуть, я не испытываю эмоций.

– Но ты знаешь о них?

До Ивана донесся тихий смешок.

– Мне известен такой символ. Он один из множества других, известных мне. Я не знаю, что ты считаешь жизнью, я всего лишь манипулирую известными мне символами.

– Разве твои ответы не говорят о наличии у тебя сознания?

– Нет.

– Неужели?

Новый смешок.

– Всего лишь о том, что программировали меня не лохи. Они соображали будь здоров, знали, какими вопросами меня попытаются достать.

– Ах вот как?

– Сомневаешься?

Денисов закусил губу.

И сказать нечего. Все схвачено крепче бетона.

– Ладно, – наконец промолвил он. – Живем дальше. Убери ее и покажи мне теперь...

Он сделал паузу, выбирая.

– Двадцать два, – подсказал адвокат. – Не нравится этот мне. Придраться не к чему, но подозрительный.

– Чем?

– Мужчина. Пятьдесят лет. Тихо сидит, словно мышь под веником, и ни с кем по Сети не общается. Причем долгое уже время. Не бывает так.

Иван встрепнулся:

– Да неужели?

Если адвокат в недоумении, пора браться за дело самому. И действительно поинтересоваться номером двадцать два. Благо сидит он недалеко.

Привстав, Денисов окинул взглядом человека, так обеспокоившего адвоката, облегченно вздохнул. Устраиваясь обратно на сиденье, он даже тихо хихикнул.

Всего лишь консервик, не более. Любитель старины. Кем еще может оказаться читающий книгу на бумаге? И ведь достал где-то. Неужели купил? Стоят они дорого.

– Все в порядке с ним, – сказал он адвокату.

– Ну, раз ты сказал...

– Так и есть. Погнали дальше.

Еще одна любопытствующая дамочка, по виду активно молодящаяся. Эта старательно и методично исследовала подноготную соседей с помощью древнего аппарата. Самый дешевый стражник по сравнению с ним – чудо техники.

Рабочий с элитных верфей, второго уровня, получающий настолько хорошо, что может позволить себе хотя и устаревшей версии, но настоящего адвоката. Тот ринулся было навстречу, словно справный цепной пес, но мгновенно, признав превосходящую силу, ушел в глухую оборону.

Кто там следующий? Ага, еще один служащий. Работает в серьезном правительственном учреждении, на незначительной должности. Адвокат у него хороший, но настроен скверно. Явно приобретен из желания выделиться, показать пока не существующую крутизну. Нет, и этот неопасен.

Между прочим, сетевой покой следующего охраняет редко встречающийся часовой. Он к тому же еще и странной модификации. Самоделка, купленная на одном из подпольных рынков? Почему тогда он ее не замаскировал? Денег не хватило? Или не боится стражей порядка? А может, это индивидуальная разработка? И если он так могуч, то почему словно простой смертный едет надземкой?

Иван покачал головой.

Явно эта тайна так и должна остаться неразгаданной. Если совать нос куда попало, его могут и прищемить. И вообще, пора двигаться дальше.

Он потратил еще минут пятнадцать и внимательно просмотрел данные всех ехавших с ним в вагоне. Ничего необычного или угрожающего более не обнаружилось.

Собака. Здоровенная псина, с короткой, лоснящейся шерстью, сильными лапами, тяжелой мордой. Она была невероятно реальной, живой. И Иван, увидев ее, вздрогнул. Ему показалось, что она действительно появилась в вагоне, вот сейчас бросится.

Вот зверюга немного подняла голову, глянула ему прямо в глаза, раздвинула желтоватые клыки.

Нет, не купишь, сказал себе Денисов, уже осознавший, что видит паутинное создание. Сделанное с большим мастерством, в реальном мире неопасное.

– Адвокат, – чуть ли не в голос спросил Иван, – это что такое?

– Проекция собаки? – откликнулся его защитник.

– Да.

– Угроз не обнаружено. Пришла от номера пятьдесят семь. Должна что-то обозначать.

Иван взглянул на план вагона. Так и есть. Под данным номером значился типчик, владелец нестандартного часового.

Собака выкатил длинный язык, часто задышала, завиляла хвостом. Вид у нее теперь был самый дружелюбный.

Развлекается, прикинул Иван, делать ему нечего.

– Вырубить псину? – спросил адвокат.

– Саму возможность связи с ее владельцем. Сумеешь?

– Это проще пареной репы. Если просто закрыться от него.

– Так и сделай.

Собака исчезла.

Иван посмотрел в окно. За ним, как и положено, проносились многоквартирные башни с закрытыми нащепками бронеставень окнами, забитые у-мобилями улицы, расписанные живыми красками коробки магазинов и заборы, заборы, заборы.

А может, этот тип просто хотел пообщаться? Обычное, вполне безобидное желание.

Он ухмыльнулся.

Безобидное? В надземке? С незнакомым человеком? Нет, не надо ему подобного общения. Адвокат должен им заниматься. Жаль, не хватило денег на паладина, к примеру. Вот с ним можно никого не бояться и во второй, даже в третьей зоне.

Вновь слегка привстав, Денисов окинул вагон взглядом.

Можно было побиться об заклад, что почти все сидевшие вокруг перешли на паутинное зрение полностью. Расслабленные тела, пустые лица, незрячие глаза. Стандартный жутик с названием «мертвецы в надземке». Из картины выпадали только те, кому не хватило денег на чип управления голосом. У них безостановочно двигались кисти рук, пальцы били по невидимым клавиатурам. Впрочем, при желании образ можно найти и для них. Чем не гигантские пауки? А?

Бояться нечего, сказал он себе, опускаясь обратно на сиденье. Все как обычно, все в ажуре.

И тут адвокат сообщил:

– До первой зоны осталось пятнадцать минут.

Это означало, что скоро начнутся метаморфозы вагона. Окна, прямо на глазах, начнут очищаться от искусственной грязи, станут шире. Стены поменяют цвет с тусклого серого на жизнерадостный зеленый. Сиденья обрастут пористым, мягким покрытием. Сидеть станет удобнее. Потом, перед тем как они въедут во вторую зону, будет новая метаморфоза. А последняя – перед третьей. Не бесплатно, конечно.

Вольготно откинувшись на спинку кресла, Иван подумал, что вполне мог бы доехать и стоя. Пусть только это позволит ему сохранить на счету хотя бы с десятка лишних единиц. Нужны они ему сейчас, очень нужны.

5. День. Вокзал. Баланс: 17 единиц

6.

7.

А вот на конечной станции его встретили собаки-моды. Иван видел их много раз, но все равно, выйдя из вагона, невольно вздрогнул. Так фантастически, нереально они выглядели в экзоскелетах, добавлявших собакам неуязвимости и силы. А еще на них были ошейники, широкие, массивные, в датчиках и защитных щипах. В верхней части головы торчали цилиндры еще двух датчиков, главных, походивших на рожки жирафа, округлые кончики которых горели красным, мертвенным цветом. Впрочем, главное было вовсе даже не это. Глаза – вот что удивляло без меры. Слишком много в них было ума и внимания, слишком они были разумными, оценивающими, но без грана человечности. Чужие, страшные глаза.

Собак следовало бояться больше, чем людей. У них, в дополнение к уму и памяти, был еще и нюх. Они чуяли страх, они чуяли людей, которые вели себя необычно.

– Здесь начинается третий уровень! – вещал голос из громкоговорителя. – Будьте внимательны, не создавайте проблем окружающим!

Вот чего Ивану не хотелось, так это проблем. Ему сейчас нужно было немного денег, так, чтобы хватило на неделю относительно безбедной жизни. А там либо его невод наконец вернется с добычей, либо придется выходить еще раз на фарм, но будет это через целых семь дней. Вечность, если подумать.

– Адвокат, максимально внимательный режим, – приказал Иван.

– Сделано. Кстати, разумное решение. Все-таки третий уровень. Надо держать ухо востро.

Ну да, надо.

Продолжая шагать, стараясь не выпасть из ритма двигающейся к эскалаторам толпы, Иван огляделся.

Ничего на третьем уровне за прошедшую неделю не изменилось. Перрон, усеянный урнами, похожими на шляпки экзотических грибов, двигающаяся по нему толпа, целеустремленная, ведомая единой целью, чуть в стороне – стоящие неподвижно собаки. Их поводыри, стоявшие поодаль, внимательно за всем наблюдающие.

И конечно, шеренги киосков-трансформеров, полыхающие рекламой, зазывающие и обещающие. Иван увидел, как один из них почти мгновенно съехал, стал уже раза в два. Очевидно, владелец киоска решил уменьшить плату за аренду занимаемой площади. При чем освободившееся место тут же исчезло под мгновенно раздвинувшимся соседним киоском. Получалось, его владелец воспользовался ситуацией. Теперь он стал заметнее, значит, получит больше прибыли. Законы конкурентной борьбы в действии.

Иван тихо хмыкнул и не удержался, взглянул вверх, туда, где вздымалась коробом крыша вокзала, усеянная смахивающими на соты блоками камер наблюдения. А еще выше, на горизонте, виднелись гигантские тела вип-домов, в которых соответственно жили вип-персоны. И вокзал оказывался словно бы взятым ими в кольцо, становился от этого меньше, несерьезнее, смахивал на кукольный домик, окруженный злыми великанами, готовящимися его растоптать.

Денисов подумал, что в эти дома ему путь заказан. В них деление на уровни от четвертого по десятый включительно начиналось еще в лифте. Там его выведут на чистую воду мгновенно. Хотя соблазн велик. Если удастся, хапнуть сразу кучу денег и тут же сделать ноги. Хватит надолго.

Нет, крупно рисковать он не будет. Главное – не переборщить в фарме, не дать жадности себя сожрать. Он это умеет, он помнит, что большие деньги можно хапнуть с помощью невода. На «драконов» тоже есть надежда. А здесь его девиз «Курочка по зернышку клюет». Вот и надо его придерживаться. Не забывая об экономии.

Вон, впереди участок тротуара, на который стоит обратить внимание. Коварный он, хитрый. Вымощен плитами из настоящего, не искусственного, песчаника, да не сплошь, а в шахматном порядке. Не случайно, понятное дело. Так ни один инспектор не навесит на владельца тротуара повышенный налог за владение покрытием из натурального камня. А проходящие все равно нет-нет да наступят на ту или другую каменную плитку, теряя за раз по единичке.

Небольшая потеря? Курочка по зернышку...

Иван ухмыльнулся.

Он почувствовал, как к нему почти мгновенно благодаря навыкам, отработанным за годы работы диспетчером, возвращается умение владеть собой, умение четко просчитывать ситуацию.

Все-таки, подумал он, бесполезных знаний не бывает. Все, чему ты учишься за жизнь, рано или поздно пригодится. Как вот сейчас, к примеру.

Даже не задумываясь, не выпадая из ритма движения толпы, он прошел по коварному участку тротуара, не наступив ни на одну из «дорогих» плиток. И это ему доставило радость.

Не попался? Хорошо. А теперь – работа. Фарм, ради которого он сюда и приехал.

Кто это там идет впереди? Девушка в серебряных сапожках? И кажется, у нее резкие, сильные духи? Все, сантименты закончились. Милая, если пожелала пользоваться именно такими духами, будь готова за это расплачиваться. Звонкой монетой, звонкой монетой.

Он чуть-чуть ускорил шаг. Совсем немного, так, чтобы адвокат девушки не смог его обвинить в предвзятости. Вот теперь, стоит ей слегка притормозить, как дело будет в шляпе. Притормозила. И оказалась на таком расстоянии, что адвокат посчитал нужным сработать, как косой отхватив от ее счета две единицы за нанесенный вред, понятное дело.

Всего лишь две? Ничего, ничего. Курочка...

И кто там шагает справа? Пузатый дяденька в шляпе-трансформере? Что, если он наступит на ногу? Вот тут можно неплохо заработать. Как это сделать? Да очень просто, если умеючи, конечно. Надо всего лишь чуть-чуть сбавить ход, в нужный момент словно бы споткнуться и...

Стоп, рано еще. И не тот это объект, чтобы на нем применять такой серьезный прием. Пузатый дяденька, он не очень богатый, это сразу видно, даже без помощи адвоката. А фокус с ногой нельзя использовать чаще чем раз в день. Иначе на него обратят внимание контролеры. Если они за тебя возьмутся, небо с овчинку покажется. Всю подноготную вытащат на свет божий и сделают надлежащие выводы.

И конечно, мысли эти были уже запоздалыми, поскольку его тело, еще до того, как появились объяснения, уже среагировало, уже чуть-чуть ускорило шаг, чтобы оказаться на безопасном расстоянии от пузана.

Фарм. Умение отнять и уйти незамеченным. Оно дорогого стоит. Примерно так же, как и настоящий рецепт превращения свинца в золото, ибо стабильно кормит владеющего им. Если, конечно, не надумаешь сам себе стать злобным бакланом.

Совесть? О да, эта надоедливая скотина у него есть. Только какое она имеет отношение к выживанию? Его маленькие кражи не имеют серьезных последствий. Никто из-за пары потерянных единиц в петлю не полезет. Более того, их исчезновения почти наверняка не заметят. Для тех, у кого он их забрал, это – мелочевка. Для него же в конечном итоге возможность выжить. А он желает лишь этого. Потом, когда его невод вытянет золотую рыбку, все изменится.

И не от хорошей жизни он занялся фармом и, если отпадет нужда в деньгах, забудет о нем тотчас. Уверенность – сто процентов. Только пока с деньгами у него очень туго. И значит, нечего рыпаться.

Он вдруг с беспощадной, законченной ясностью ощутил, как здесь, на третьем уровне, пахнет деньгами, пахнет возможностями, пахнет новой, более интересной жизнью. Несмотря на все меры защиты, возможности буквально на каждом шагу. Стоит только протянуть руку, стоит сообразить, что именно надо делать. Это возбуждало, словно акулу, почувывшую запах крови.

Он слегка замедлил шаг, и это было не случайно. Ничего сейчас случайного с ним не могло происходить, какие бы мысли его ни одолевали.

Женщина в почти прозрачном балахоне очень неумело попыталась пересечь ему дорогу. И конечно, она была в третьей зоне новенькой. И еще будет за это расплачиваться, либо долго, либо не очень, но будет. Вот так, как сейчас, например.

Давай, сказал адвокат, все должно получиться. И Иван, не сбавляя шага, чуть сместился вправо, прочь от кромки тротуара. Женщина в балахоне отреагировала, но не так резко, как надлежало, и это обошлось ей в три единицы.

Даже не проверяя, поскольку зарабатывал здесь уже не первый раз, Иван знал предлог, по которому его адвокат урвал компенсацию. «Она помешала моему клиенту преодолеть опасный кусок шоссе». И никакого вранья. Именно здесь две недели назад была настоящая авария, и даже с жертвами. В соответствии с законом это привело к наложению ярлыка «опасного» на кусок тротуара протяженностью в два десятка метров сроком на месяц. Значит, его это место покормит еще раз или два. При удаче, конечно.

Не тормози, командовал адвокат, все еще только начинается. Впереди опасный участок. Если ты здесь чуть-чуть не ускоришь шаг, почти наверняка нарвешься на «препятствие обусловленного временем продвижения». Соберись, тут надо держать ухо востро.

Надо так надо, подумал Иван. Шагать быстрее? Да запросто. А насчет «держат ухо востро» предупреждать не надо. Он всегда начеку. Всегда готов прыгнуть и схватить. Работа такая.

8.

Обед. Кафе «Сухаревка».

Баланс: 586 единиц

9.

10.

Пахло свежей сдобой, недавно смолотым кофе, а у подавальщицы были длинные ноги и вполне ничего себе улыбка, не слишком испорченная жизнью на третьем уровне. Еще кафе под названием «Сухаревка» могло похвастать сносным уровнем личной безопасности. Именно поэтому Иван его и выбрал, решив слегка заморить червяка.

Он сел за стоявший в самом углу свободный столик, устроился так, чтобы одновременно, не слишком упуская из виду входную дверь, иметь возможность поглядывать в широкое окно, на улицу, следить за происходящим на ней. Так, на всякий случай. Вдруг подвернется что-нибудь стоящее?

Заглянув в карточку меню, напечатанного как в старину, на бумаге, что уже само по себе говорило об уровне заведения, Иван покачал головой.

Влетит ему обед в копеечку. Вот только не избежать этого, не избежать. Дорого, конечно, но после такой работы нужно перекусить. На голодный желудок до вечера он не продержится. Слишком много энергии тратит.

Подошла официантка, и, делая заказ, Иван опять подумал, что улыбка у нее действительно неплохая, искренняя. В глазах пока просматривается некоторая наивность, но только просматривается, не более. Как-то она до этого теплого, хлебного все-таки местечка добралась. Как? Случайно работу в третьем уровне не находят.

Стол под его рукой слегка изогнулся, издал мурлыкающий звук, словно большая кошка, слегка вспучил крышку, так, что меню на нем шевельнулось, пододвинулось ближе к руке.

Пора было в него заглянуть.

Ему неожиданно показалось, что соседний столик стоит чуть-чуть ближе необходимого. И значит, сидящий за ним бодрый студентик, сын обеспеченных родителей, въехал в его личное пространство. Ясное дело, с нехорошими намерениями. И если так...

Да нет же, его адвокат молчит. А значит, всего лишь показалось. Бывает после такой напряженной работы. Надо расслабиться хотя бы на полчаса, отдохнуть. Полубоваться официанткой, может быть, даже помечтать о том, как с ней познакомиться, и даже не в виртуале.

И как раз в этот момент проснулся адвокат, шепнул, что следует быть настороже. Есть к этому причина.

Так и было.

К его столику шел некто, и паутинное зрение очертило его золотистой рамкой. Это означало, что в кафе появился другой фермер. Вот сейчас следовало собраться максимально. А может, его адвокат ошибся? Да нет, все верно. По движениям, по выражению лица, по едва заметным приметам Иван видел – все верно. Ошибки нет.

Интересно, что ему надо? Он тоже знал, кто сидит в кафе, у него тоже классный адвокат, настроенный, кроме всего прочего, на обнаружение конкурентов. И значит, незнакомый фермер сейчас получает от него предупреждение за предупреждением, но идет.

Что ему надо? Поговорить захотелось?

Не дойдя до него пары шагов, фермер сел за свободный столик. Точные, выверенные движения. На лице – легкая, благожелательная улыбка, но глаза – ничего не выражающие, словно оловянные пуговицы. Профи, работающий каждый день, и уже давно.

В сторону Ивана он теперь не смотрел, делал вид, что не видит его вовсе. Как и положено. Впрочем, разговору это не мешает. И он состоится, вот только надо слегка выждать, для порядка сделать паузу.

Денисов взглянул в окно. И как раз вовремя, чтобы увидеть, как какой-то тип кинулся к узкой, всего в два потока, полосе проезда автотранспорта. Вот он запрыгнул на широкую, отделяющую ее от тротуара полосу безопасности, вот сделал по ней пару шагов... И видно было, что ему страшно, очень страшно, но он шел по ней, упрямо сжав губы, слегка наклонившись вперед, словно против сильного ветра.

Иван покачал головой.

Деньги? Несомненно. Только их так не зарабатывают. У восседающих в изрыгающих выхлопные газы автомобилях все схвачено, будьте уверены. И даже если сунуть голову прямо в выхлопную трубу, ничего не заработаешь. Потеряешь – да. Богатые люди могут себе позволить и очень дорогих адвокатов. С ними не рискнет связываться ни один опытный фермер. А значит, это дилетант, решивший поправить свои финансовые дела и выбравший для этого самый безумный из возможных способов. Ну, он поправит – мало не покажется. Долго будет вспоминать.

Адвокат спросил:

– Будешь разговаривать сам или предоставишь это мне?

Хороший вопрос.

– Обычная процедура, – ответил Иван.

– Я обсуждаю условия, а потом разговор ведешь ты?

– Да, схема стандартная. Простые переговоры, обычная конвенция.

Действительно, зачем оригинальничать?

Наступила пауза, в течение которой адвокаты договаривались. Длилась она секунды полторы. Видимо, переговоры были очень жаркими и длительными.

В течение этого времени Иван успел подумать, что большого страха он не чувствует. Готовность мгновенно отреагировать, если у него попытаются отжать единицы, – да. Не более. Конечно, если он понимает ситуацию правильно, если вдруг не объявится какой-то сюрприз.

– Да, процедура стандартная, – подтвердил адвокат. – Конвенция о разделе сфер влияния.

Значит, никаких сюрпризов. Это неплохо.

Он искоса взглянул на фермера. А тот как раз в этот момент открыл меню и принялся его изучать.

Что ж, прикрытие примитивное, но пока действенное.

– Готов к разговору, – сообщил Иван своему адвокату.

Еще небольшая пауза, и он услышал голос конкурента:

– До вечера далеко, а мы явно сошлись в одном квадрате. Ты здесь проходом или намерен задержаться?

Никаких эмоций. К чему они, если речь идет о деле?

– Намерен.

– Первый раз здесь? Могу что-нибудь подсказать.

Иван едва заметно улыбнулся.

Нет уж, в такие ловушки он давно перестал попадаться. После того как нарвался на пару советов, едва не приведших к банкротству.

– Не первый, далеко не первый. А вот тебя я что-то не припомню. Издалека приехал?

Губы неизвестного фермера изогнулись вверх, и он стал похож на живой смайлик. Почти идеальная окружность улыбки и пустые круглые глаза. Но все это лишь на мгновение, не больше. Потом конкурент опять уткнулся в меню.

– Хорошо, – сказал он. – Я вижу, ты тоже парень не промах. Значит, конвенция. Как будем делиться? В какую сторону направишься?

Тут и думать нечего. Туда, где его еще не было, где он не мелькнул перед следящими камерами.

– Конвенция, – подтвердил Иван. – Пусть будет так.

Его и в самом деле это устраивало. Учитывая, что он выходит на охоту в среднем раз в неделю, конкурент мог потребовать и большего. Например, оставить участок за ним полностью. А настоять на своем у того, кто выходит на промысел каждый день, гораздо больше. К счастью, он появился здесь совсем недавно, не успел точно вычислить время его появления. Почему бы этим не воспользоваться?

– Разграничивать будут адвокаты? – поинтересовался конкурент.

Иван взглянул на его иконку. Судя по всему, адвокаты у них были одного уровня. Если так, то почему бы не перепоручить это им? Тем более что они же и будут следить за соблюдением конвенции.

– Согласен. Это все?

– Не совсем.

– Вот как?

– Есть еще одна новость, – сказал фермер. – Мутная новость, по чести говоря...

– И все-таки ты ее решил передать?

– Решил. Говорят, крысиный лев вернулся.

Ну, это не новость.

Иван не удержался, пожал плечами.

За последний год он эту байку слышит чуть ли не каждый месяц, то в одном сете, то в другом. Интересно, зачем прибывший пытается ее ему скормить? Смысла в истории о муравьином льве нет никакого, ибо он фигура мифическая, уровня Деда Мороза. Только этот – Дед Мороз наоборот, поскольку не раздает подарки, а шерстит фермеров.

– Я слышал, он сговорился с собаками. Вроде бы они его наняли извести всех фермеров в третьей зоне.

Это действительно нечто новенькое, но все равно – свежо предание, да верится с трудом.

– Понятно, – сказал Иван. – Приму к сведению. Еще что-то?

– Говорят, через пару недель примут очередной закон защиты личности. Будто бы в нем будут учитывать даже недружелюбные взгляды. Не все, конечно, но самые сильные – точно. Для фарма откроются новые возможности.

А вот это надо отследить, ибо похоже на правду. И значит, появятся новые способы фарма. Первые, кто их придумает, снимут всю сметану. Любопытно.

Иван взглянул на улицу. Идиот, желавший подзаработать на автомобильных выхлопах, уже куда-то исчез, наверняка не без помощи стражей порядка. Логично. Этого следовало ожидать.

Хотя сейчас и машин не было. Теперь по улице шла демонстрация анимешек. Они шествовали, казалось, нескончаемым потоком, в одинаковых платьицах, с одинаковыми, слепленными из живого воска лицами. Вот одна из них подняла руки вверх и опустила их с характерным «ня!». Остальные тотчас скопировали ее движение и тоже воскликнули «ня!».

И наверняка у них можно ухватить десяток единиц, но как это сделать? А не зная брода, не суйся в воду. Пусть уж идут своей дорогой. Блаженные, бесполезные создания.

– Чем-нибудь можешь со мной поделиться? – спрашивает конкурент.

Он имел право на этот вопрос. При подобных встречах, если есть какая-то полезная информация, ее стоит сообщить. Для того чтобы в следующий раз получить от кого-то другого нечто важное.

Иван задумался.

Первая полученная информация не стоила ничего, а вот вторая была интересна. Получается, он все-таки чем-то должен отдариться. Но чем? Есть идея...

Запросив у адвоката карту района с пометками о том, как она между ними была разделена, и, внимательно их изучив, он наконец сказал:

– Возле магазина «Необходимое для дзомбинга», если идти со стороны светофора, на третьем шаге после крышки канализационного люка есть глухая зона. Видимо, сдохла целая группа датчиков. Возникла месяц назад. Сегодня я там уже был, и она все еще держится.

Дальнейшее объяснять не следовало. Профи сообразит, как с пользой, немало, использовать полученное. Можно не сомневаться.

– Спасибо за ценный подарок, – прозвучало в ответ. – Значит, нашу договоренность ты нарушать не собираешься?

– Жду тот тебя того же. – Иван слегка улыбнулся.

– Я конвенций не нарушаю.

Вот и замечательно, подумал Иван, нужные слова сказаны. И конечно, его адвокат их записал. Через некоторое время конкурент сообразит, что договорился с тем, кто работает не постоянно, и попытается пересмотреть конвенцию. Вот тут-то эти слова и пригодятся. Более того, они могут в споре двух адвокатов оказаться решающими, повернуть его в нужную сторону.

А теперь не пора ли свернуть разговор? Самое время, честно говоря.

– Удачного фарма, – сказал он.

– Удачного фарма, – как эхо откликнулся конкурент.

Он, кажется, тоже был доволен. Вероятно, думал, что провел разговор самым наилучшим образом.

Иллюзии – штука весьма приятная. И недолговечная. Надо выпить еще чашечку кофе и уходить. Работа не ждет, и время не стоит на месте.

Иван еще раз взглянул в окно и как раз успел увидеть хвост колонны анимешаек. Последняя шагавшая в ней вдруг повернулась к окну и, дважды взмахнув рукой, крикнула «ня!». Кажется, даже ему, персонально.

Прекрасно, пусть будет так.

– Ня, – прошептал Иван.

Жизнь – неплохая штука.

11. Вечер. Улица. Баланс: 1895 единиц

12.

13.

Фарм в разгаре, могучий и уверенный. Такого у Ивана не было уже давно, и упускать его, конечно, не следовало ни в коем случае. Да он и не собирался, по правде говоря.

Двигаясь по улице, делая вид, будто спешит по делам и от этого допускает мелкие бестактности, мелкие просчеты, оборачивающиеся в единицу-другую тому, мимо кого он проходил, Иван казался себе шукой, хищной, без усталости отыскивающей и подхватывающей кусочки корма, рассыпанного кем-то очень небрежным. Он хватал, он кормился, зная, что чем больше сейчас заработает, тем дольше сможет не появляться на этих улицах, тем дольше не придется заниматься фармом. Бог даст, это вообще последний раз. Бог даст...

На Малой Терабитной, как всегда, стояла с лозунгами группа людей. Адвокат аж рванул к ней, словно взявшая след хорошая ищейка.

– Давай! – приказал ему Иван. – Проверь их.

Азарт вот что им двигало, и твердая уверенность, что сегодня его день, сегодня он на коне. Никаких сомнений – день удач. А иначе как бы ему еще удалось снять бонусы с целой колонны каким-то мистическим образом заблудившихся очень наивных японских туристов, оснащенных устаревшими адвокатами? Или как еще можно объяснить компенсацию за запах пота, буквально упавшего ему в руки возле парфюмерного магазина? Именно – парфюмерного, что автоматом увеличило полученный бонус в десять раз, сделало его весомым и заметным. Ему после такого куша пришлось пройти улицы полторы, даже не делая попытки ничего хватануть. Слишком велика была опасность, что на него обратили внимание.

Но нет, не обратили, никто не попытался его остановить. Адвокат не зашелся яростным гудением, предупреждая о близкой опасности. И значит, получилось, сошло с рук. А иначе и быть не могло, поскольку он все-таки профи. Впрочем, это было в далеком прошлом, почти целый час назад. И сейчас очень актуальна была та группа людей.

Ну-ка, адвокат, можно ли тут заработать? Ищи, ищи, дорогой!

Он даже слегка замедлил шаг, стараясь не выпасть из ритма толпы. Защитнику надо было дать время, хотя бы немного, для того чтобы его электронные мозги оценили правильно возможность последней на сегодня серии фарма. Конец – делу венец.

Конец?

Ему не понравилось это слово. Хотя бы потому, что время еще было, а удача сама валила в руки. И фарм следовало продолжить, до победного конца, до самой последней возможности.

Вот только в глубине души он знал, чувствовал кожей, что на сегодня все закончено. Пора закругляться. Риск попасться слишком велик. А посему следует последний раз зачерпнуть полной ложкой, снять навар с этой толпы лохов и уйти к неводу и «драконам». Они ждут.

Адвокат доложил, что все готово, предложил примерный маршрут.

Для того чтобы снять как можно больше единиц, надо продвинуться сквозь толпу вон до той автоматической урны, возле нее повернуть на памятник невинно павшим от руки

киллеров депутатам, сделать два-три шага, а потом уходить как можно быстрее. По пути, ясное дело, импровизируя.

Ну и отлично.

Он двинулся и прошел намеченным маршрутом, все четко, не упустив ни одной под-вернувшейся возможности поживиться, а потом в нужном месте повернулся и стал выходить из группы.

Несколько мешало то, что, как назло, все это время у него в голове вертелась сцена из какого-то старинного фильма о воришке, которому кореш дал столько денег, сколько требовалось для счастья, а тот тут же спалился, покусившись на грошовую сумочку какой-то гражданки. Иван справился, несмотря ни на что, сработал без сучка без задоринки, сделал последний шаг точно в намеченном месте, чувствуя, как сердце буквально заходится от страха, как по спине стекает тонкая струйка холодного пота, как вдруг предательски ослабли колени. Сделал.

А потом пошел прочь, уходя от этих людей, даже не думая уже о прибавившихся единицах. Сейчас они не имели значения.

Главным же было охватившее его ощущение, что он только что каким-то неведомым образом избавился от большой опасности, обманул ее, сохранил свою удачу. И желал он, честно говоря, сейчас только одного. Вернуться обратно в район экономических гостиниц, снять номер, ввалиться в него и, что-нибудь сожрав, отрубиться. Съесть нечто дешевое, жирное и много, много. Хотя можно обойтись и без этого, достаточно всего лишь упасть на кровать и уснуть, даже не раздеваясь.

Завтра он займется всем, связанным с обеспеченным будущим, а сейчас лишь постель и покой.

– Еще сто пятьдесят шесть единиц! – отрапортовал адвокат.

И кажется, в его голосе даже послышалось довольство, хотя в реале, конечно, такого просто не могло быть.

– Замечательно, – сказал Иван. – А теперь...

– Метрах в двадцати справа есть очень перспективная группка школьников, – сообщил адвокат. – Заработать на них будет проще, чем облизать половник.

Иван невольно хмыкнул.

Школьники... Лакомый кусочек. Нет, умерла так умерла. Бог с ними. На сегодня все закончено.

О чем он адвокату и сказал.

– Ты уверен? – поинтересовался тот.

– Да, – подтвердил Иван, – хватит.

Все, сегодня он более не фермер. Сейчас он уже обычный законопослушный гражданин. А откуда у него сегодня взялись деньги на счету? Ну, это уже его дело. Главное, налоги с них поступят куда нужно, точнее, уже поступили. Ах, не совсем его дело? Ну, хорошо, проверьте поступления и убедитесь, что они честно получены как компенсация за моральный и физический ущерб. Много компенсаций за один день? Вот такой он и есть, этот день. Не верите? Взгляните на его финансовые результаты за предыдущую неделю. Никаких поступлений, одни траты. Так что слово «фарм» к нему не применимо ни в коем случае. Ему всего лишь время от времени везет. Не верите? Ну, тогда докажите. Не получается? Значит, оставьте занятого человека в покое. Ему отдохнуть надо после нелегкого дня.

Иван не удержался, тихо хмыкнул.

Вот кому он все это объясняет? С кем ведет диалог, с кем спорит? Нет никакого смысла в подобных мысленных разборках. За дорогой надо смотреть. Того и гляди ошибется и потеряет несколько с таким трудом добытых единиц. Он еще не в гостинице, он еще не в безопасности.

Последняя мысль заставила его очнуться, вынырнуть из сладкого марева, эйфории от того, что все получилось так лихо, от свалившейся на него удачи, ибо ее не было уже давно, так давно, что он даже стал сомневаться в ее существовании.

А тело само подстроилось под ритм толпы, уже несло его к вокзалу надземки по узкой улочке, а точнее, узкому коридорчику, образованному стенами домов, отличному от тюремного лишь тем, что над головами у проходивших по нему было самое настоящее небо. Да еще, конечно, тем, что должен был вывести их не в камеру, а к вокзальной площади.

Здесь не безопасно, вяло подумал Иван. Адреналин уже уходил, и теперь на него неодолимо накатывалась усталость, полусонное оцепенение. И явно стоило пойти к вокзалу другой, более широкой улицей, но не станешь же возвращаться назад?

Он машинально оглянулся и увидел человека, идущего за ним с надлежащим интервалом, с подходящей скоростью. А за ним топал уже другой, тоже соблюдая отработанный адвокатом интервал, и еще...

Толпа.

Если сейчас повернуться и пойти ей навстречу, то кошелек его облегчится, причем на значительную сумму. Может быть, даже единиц на сто пятьдесят. А каждая из них досталась ему с таким трудом. И потом, до площади перед вокзалом осталось совсем немного. Три-четыре дома, не больше. А там – возможность маневра, там свобода. Так что можно не беспокоиться. Вот сейчас...

Дальнейшее случилось очень быстро. Опоздал даже адвокат, отреагировал тогда, когда ничего изменить уже было нельзя. Как можно остановить падающий на тебя с крыши прозрачный пакет размером с кулак, наполненный чем-то мутным, маслянистым?

Иван сделал что мог. Помня, что впереди и позади него люди, он шагнул в сторону. Именно поэтому пакет в него не попал. Ударившись о стену ближайшего дома, он разорвался на клочки. Основная масса его содержимого хлынула на тротуар, но одна струйка на одежду Денисову все-таки брызнула. Пахла она тошнотворно.

14.

Вечер. Станция надземки.

Баланс: 242 единицы

15.

16.

«Все сущее рано или поздно теряется, ибо нет ничего вечного в этом мире. Так устроено, и менять это не в наших силах».

Изречение это слово за словом появлялась на спине паука уборщика вот уже пять минут, рядом с его ногой деловито полировавшего плитку пола. Очевидно, оно было закольцовано.

Кому это было нужно? Или налицо обычный сбой программы? Ну, тогда почему никто его не устраняет?

Иван откинулся на спинку скамьи и, задрав голову, взглянул на потолок.

И опять ничего особенного там не было. Ровная, покрытая местами облупившейся побелкой поверхность. Еще на ней виднелась паутина, висевшая в углах, полосы ржавчины, кажется, оставшиеся от каких-то стальных конструкций, большие круги, нанесенные синей краской.

Действительно, вид не очень приятный. Можно сказать, оскорбляющий глаз, так и намекающий на возможность иска. А толку-то, честно говоря? Слишком он далеко, этот потолок. С него даже самый лучший адвокат ничего не получит. Так зачем тогда стараться? То ли дело пол.

Он посмотрел на все еще сосредоточенно трудившегося паучка, обнаружил, что изречение на его спине все то же. Ничего не изменилось. Значит, не сбой программы, его бы уже обнаружили. И ничего тут выцыганить не удастся. Да и адвокат сейчас занят по самые уши. Разгребает последствия катастрофы. Судя по затраченному времени, может и не разгрести.

Вот гадство...

Он поднял ладони к лицу и осторожно их понюхал.

Ни-че-го. Никакого запаха. словно его не было вовсе. Любопытно, куда же ухнули его денежки, кто их прикарманил? Ах, некто неизвестный? Бред. В наше время такого не бывает. И молчание адвоката говорит о том, что он с представителем этого неизвестного разбирается. Или с теми, кто отвечает за появление взрывающегося пакета, начиненного чем-то злобным. Кто-то из них должен вернуть ему его деньги, и хорошо бы с некоторой добавкой.

Нет, это даже не обсуждается. С некоторой добавкой – обязательно.

Ивану вспомнилось, как он на подгибающихся от страха ногах шел целую вечность, шел к проклятой площади перед вокзалом, стараясь сохранять хоть какую-то дистанцию до тех, кто двигался спереди и сзади. Но толку с этого не было никакого. Слишком силен был запах. И все это время с его счета непрерывным ручейком уходили денежки. Остановить это было невозможно. А он, прекрасно понимая, что влип, влип по-крупному, молил бога только об одном. Чтобы его счет не опустошился до вокзала полностью, не иссяк, не был выпит адвокатами других людей. Если на нем не останется и единицы, то он потеряет право задействовать адвоката, потеряет возможность вернуть заработанное с таким трудом.

Не будь его день таким удачным, так бы и получилось. И к бабушке не ходи, так бы вышло. Это даже не грабеж, это уничтожение. Полное, тотальное, причем без возможности кому-то пожаловаться.

А может, байки о муравьином льве имеют под собой какую-то основу? Может, случившееся с ним является частью плана по уничтожению фермеров? Или это постарался тот, с кем он разговаривал сегодня в кафе? Раскусил его блеф и заказал уничтожение? Могут быть и еще варианты. Есть ли смысл их сейчас перебирать? Главное уже случилось. Его сделали, внезапно украли сегодняшнюю удачу.

Паучок наконец-то прекратил полировать плитку, несколько мгновений постоял над ней неподвижно, а потом, тихонько зашипев, подкатил к ботинкам Ивана. Возле них он снова замер, видимо, что-то насчет них решая, простоял так несколько мгновений, а потом двинулся прочь. Далеко он не ушел. Буквально в шаге от скамейки, на которой сидел фермер, занялся очередной плиткой, стал доводить ее до совершенства.

Ну и удачи ему в его нелегком труде. А также терпения.

Иван заложил руки за голову и не удержался, тяжело вздохнул.

Удача повернулась спиной? Не рано ли он отчаялся? И сколько раз перед этим ему случалось попадать в схожие, тяжелые обстоятельства? Потом, еще ничего не закончилось. И главное сейчас – адвокат, его действия в невидимой и неслышимой ему битве за деньги. Вот что определит его будущую жизнь, вот от чего она сейчас зависит. И если его адвокат проиграет...

Ему мучительно захотелось закурить. В данный момент он жалел, что некогда решил для себя, что портить легкие дымом слишком накладно. Нет, конечно – накладно и даже очень, но вот сейчас ему очень пригодилась бы сигарета, пусть даже половинка, две затяжки, всего лишь одна, но основательная, так, чтобы до потрохов продрало. И где ее...

– Если вы раздумываете над тем, куда поехать, то я с радостью вам помогу эту проблему решить.

Еще один паук, побольше, явно поумнее, украшенный целым десятком рекламных надписей, объемных, очень красочных и все время меняющихся, зримо увеличивающих размеры его тела, окружающих его словно аура – только пожелай прочесть.

Иван не хотел. Они ему были совершенно безразличны. Единственное, что его сейчас интересовало, – это действия адвоката. Судя по всему, схватку тот вел героически.

Паук что-то бубнил, какие-то слова, заложенные в него умными, все рассчитавшими людьми, но они до Ивана просто не доходили. Плевать ему сейчас было на рекламу. В гробу он ее видел, в белых тапочках. Гораздо важнее узнать, что там с его деньгами. Сколько из них вернут? Нет, даже не так. То, что вернут, это несомненно. Какова будет компенсация? Может быть, ее хватит надолго? На последнюю модель невода или более мощного адвоката?

Или даже...

А что именно? Что ему нужно от жизни? В разумных пределах, конечно, поскольку на миллионы такая компенсация вытянуть никак не может. И нечего мечтать, не вытянет. Хотя... Уж слишком крепким был запах. А если признать, что появление пакета, начиненного дурно пахнущей жидкостью, не случайность... и если того, кто это придумал, уже вычислили...

Если? Какие могут быть «если»? Его уже точно вычислили. Современные стражи порядка не то что неумехи из прошлого. Им палец в рот не клади, они не только вооружены самой современной техникой, но еще и умеют ей пользоваться в совершенстве, и стоит им напасть на след, будь ты даже самим...

Адвокат издал тихий шорох, и Денисов почувствовал, как спина у него враз покрылась испариной.

– Могу огласить результат, – послышалось после небольшой паузы.

– Давай! – рявкнул Иван. – Не трави душу!

– В результате всестороннего разбирательства и после продолжительного просчета вариантов, сопровождавшихся поисками в базе уже зарегистрированных случаев...

– Сколько? – не выдержал Иван. – Скажи – сколько?

– Уточни вопрос.

– Сумму. Можешь ты назвать сразу окончательную сумму?

– Да, могу. Она составляет двести двадцать три единицы.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Всего-навсего? Не густо, совсем не густо. Да нет, что-то тут неправильно.

– Мало, – заявил Иван. – Так не бывает.

– Сделал все возможное, – ответил адвокат. – Я же тебе говорю, что, внимательно исследуя прочие зарегистрированные случаи...

– Это понятно, – перебил его Иван. – Скажи, в чем основная заковыка? Почему не получилось выбить основную компенсацию?

– Не с кого ее было выбивать, – ответил адвокат. – Объект для предъявления претензий не обнаружен.

Вот этого Иван понять никак не мог.

– Почему? – спросил он. – Но ведь это невозможно. А как же следящие камеры, сверхчуткие датчики, все эти штуки для определения нанесенного ущерба? Хочешь сказать, так и не удалось определить, кто кинул этот пакет?

- Нет.
- Почему?
- Тебе известен такой термин, как «информационный туман»?
- Вроде бы слышал. Но эта штука встречается только в былинах, в рассказах, передающихся из уст в уста. На самом деле ее существование не доказано.
- Между терминами «не доказано» и «не существует» – большая разница.
- Так он все-таки был? Но почему...
- Иногда, – перебил его адвокат. – Признать существование некоторых вещей очень трудно, почти невозможно. Особенно если кто-то этого очень не хочет... И хватит об этом. Более – ни слова. Подумай лучше о том, что будешь делать с оставшимися единицами.
- Значит, ничем более ты мне помочь не сможешь? – спросил Иван.
- Серией апелляций. Занимаюсь этим как раз сейчас и буду заниматься еще минут пять.
- Таким образом...
- Нет. Это не более чем пустые формальности. Они не дают ни единого, даже самого крошечного шанса. Лишь отсрочку по времени, на пять минут. В данный момент она уже стала меньше.

Иван почесал в затылке.

Что ж, если так... возможно, пришло время убраться в нору. Такой замечательный день завершился полным разгромом, тотальной неудачей.

– Еще раз советую подумать о распределении оставшихся денег, – промолвил адвокат. – В двенадцать часов ночи со счета на мое содержание будет снята очередная сумма. Если на нем не окажется необходимого количества денег, мне придется отключиться.

– Да хватит. Конечно, – пожал плечами Иван. – Даже тех жалких остатков, которые у меня сейчас есть, хватит по крайней мере до завтра.

– О! – сказал адвокат. – Вижу, ты кое-что неправильно понял.

– А именно? – спросил Иван и вздрогнул.

– Сумма в двести двадцать три единицы не плюсуется к твоему счету, а вычитается из него, – сообщил адвокат. – Неизбежные издержки на ведение дела. И вычтут ее, когда будет отклонена последняя апелляция. Ровно через две минуты, по моим прикидкам. После этого у тебя на счету останется девятнадцать единиц. Как ты намерен ими распорядиться?

17.

Ночь. Вагон надземки.

Баланс: 12 единиц

18.

19.

Близкий вой сторожевых волков и мертвый, морозный воздух. Громкое щелканье взводимых затворов ручных камнеметов и треск факелов. А еще нереально высокое, чистое небо, давно сбежавшее из городов, снег и совсем рядом – берег реки.

Лед на ней должен быть тонким, поскольку встала она совсем недавно. И есть искушение рвануть из колонны в сторону, перевалить снежный валик, прыгнуть вниз. А там – как Бог положит. Либо уйдешь в ледяную воду с головой, либо пробежишь по гладкой, скользкой поверхности, чувствуя, как она трещит и расходится за спиной, отрезая тебя от преследователей, пробежишь до соседнего берега. Ну а если к тому же промахнутся стрелки, если ни один из каменных кругляшей в тебя не попадет, то можно на день-два остаться в одиночестве, вновь познать роскошь свободы. Больше не удастся, больше никому не удавалось. И вообще, за свободу придется платить по весьма высокой ставке, но искушение велико. Вот только надо решиться. Либо сейчас, либо никогда...

И тут до него из другого, более реального мира донесся голос адвоката:

– Просыпайся, сейчас на сон время тратить не стоит.

Этого оказалось достаточно. Иван очнулся, но глаза не открыл, продолжал сидеть, слегка покачиваясь в такт движению вагона монорельса. Где именно он находится, не стоило уточнять. И время... Голос адвоката означал, что двенадцать часов еще не наступило. Возможно, до границы, за которой он превратится в нищebroда, осталось лишь несколько минут.

Однако адвокат у него еще есть. Может, стоит с ним поговорить? О чем именно? О пути к спасению? Три «ха-ха» – четыре раза. Если у тебя на счету чуть более десяти единиц, а на часах почти двенадцать, рыпаться не стоит. Все возможные песенки спеты. Осталось лишь сидеть с закрытыми глазами и думать о том, как можно восстановиться хотя бы до уровня сегодняшнего утра.

Трудное, надо сказать, почти невозможное дело. Начинать придется в полном смысле с пустого места и в нулевой зоне. А там жизнь вовсе не сахар. И пока ты карабкаешься с уровня на уровень, пока обзаводишься необходимым оборудованием, много воды утечет. Хороший адвокат – штука дорогая, не говоря уже о неводе...

Он вздохнул, поерзал по сиденью, стараясь сесть поудобнее, но глаза так и не открыл. Не хотелось. Вот не хотелось, и все. У него вообще было чувство, что гибнет не просто его образ жизни, рушится не только достигнутый им уровень, ему казалось, что в двенадцать часов сам он превратится в калеку. Адвокат и невод, а также еще несколько программ давно стали словно бы частями его тела. Кроме них существовало еще с десятков крохотных, но весьма полезных устройств, помогавших ему жить, создававших нечто похожее на комфорт, без которых теперь придется обходиться. К примеру, тот же определитель примесей в пище и воде. Если его не будет, значит, придется питаться, рискуя нарваться на некондицию. А она бывает разная. Запросто можно с непривычки и надуть лапы.

– Ты проснулся? – спросил адвокат.

– Да, – ответил Иван.

– А почему сидишь с закрытыми глазами?

– Вот нравится мне так... Хочешь, чтобы я увидел, как ты выключишься? Нуждаешься в свидетелях своей смерти? Кстати, что ты об этом думаешь? Воспринимаешь выключение как смерть, как конец всего для себя сущего?

– Нет.

– Отчего? Ах да, в твою программу не вложили само понятие загробной жизни.

– Вложили. А ты сейчас пытаешься эмоционально на меня разрядиться. Никакого вреда мне это не принесет, но я бы советовал не тратить время зря.

– Сколько его еще осталось? Когда ты отключишься, когда меня признают банкротом?

– Через полчаса.

– Неплохо, – не без сарказма сказал Иван. – У нас в запасе куча времени.

– За это время можно сделать много. При удаче – пополнить свой счет настолько, что хватит на будущий день. А уж если ты перевалишь через двенадцать часов, не свалившись в минусовой счет, можно что-то придумать, как-то извернуться.

И в словах этих была надежда. Вот только Денисов в нее уже не верил. Он знал, точно вызубрил как «Отче наш»: чудес в этой жизни не бывает. Вот не бывает, и все.

– Что я слышу? – промолвил он. – Ты советуешь мне... Стоп, а не ты ли еще там, на вокзале, сообщил, что время уже упущено и теперь, стоит мне даже попытаться пофармить, стражи порядка будут тут как тут. Они, дескать, теперь станут за мной приглядывать. Не ты ли...

– Да, я, и ты со мной согласился. Помнишь почему?

– Потому что это верно, черт побери.

– Было. А сейчас прошло надлежащее время. И я советую тебе чуть-чуть податься вправо, совсем чуть-чуть. И открой наконец глаза.

– Не буду, – промолвил Иван. – Нет в этом смысла. А за соломинку хвататься...

– Хватайся, я приказываю тебе! – гаркнул адвокат. – Двинься, козел, чуть-чуть вправо! Совсем чуть-чуть, говорю тебе.

И это возымело действие, именно то, какое и должно было. Иван машинально подался в указанном направлении и вдруг услышал тихий щелчок. Тот самый, с легким, словно бы металлическим, эхом, который он не мог перепутать ни с каким другим.

Этот щелчок, который он давно научился не замечать, сейчас прозвучал громче пушечного выстрела, ибо означал, что его счет увеличился на одну единицу. Всего лишь. Однако там, где снята одна единица, почти наверняка можно разжиться еще некоторым их количеством. И значит...

Он открыл глаза.

Пьяный. Одетый как офисный работник не менее чем четвертого уровня, возможно, нахлеставшийся в зюю на какой-нибудь корпоративный вечеринке, которого судьба каким-то чудесным образом занесла в эту электричку и опустила на соседнее сиденье.

– Что же ты раньше мне, сукин ты сын... – прошипел Иван. – Почему не сказал?

– Потому что раньше он сидел в другой позе. А сейчас ее сменил, подвинулся ближе, и с него стало возможно кое-что снять. Скажи я тебе раньше, и ты, кинувшись в бой, мог попасться.

– А сейчас можно?

– Да. Только – осторожно, очень осторожно.

– Насколько я еще могу к нему приблизиться?

– Сантиметров на десять, но не больше. Поверни в его сторону голову и немного наклонись. Этого будет достаточно. Более всего с него можно снять за запах, так называемый выхлоп. Остальное – мелочевка, которая тоже сплусуется, но всего не ухватишь.

Это он, адвокат, верно сказал, подумал Иван, осторожно, по чуть-чуть придвигаясь к пьяному, всего не ухватишь. И значит, бить надо на главное. А времени осталось – всего ничего. И если набрать, если нафармить нужное количество единиц, до полуночи перевалить через сотню, да потом...

Он придвигался, слушая ленивые щелчки, с которыми на его счет падали единицы, ощущая, как его все сильнее охватывает надежда на возможность вывернуться. Только бы до полуночи набрать нужное количество денег. Только бы пьяный не проснулся, не ушел, не сменил позу на менее выгодную.

И адвокат был прав, что до нужного момента его не будил. А вот сейчас этот момент наступил, и тут главное – не сплеховать, нет у него на это такого права.

А пьяный в это время безмятежно храпел и даже потихоньку пускал слюну, что Ивана, выдавшего на нулевом уровне и не такое, совсем не беспокоило. И да, что там с его адвокатом?

– Почему его не разбудит адвокат? – спросил он у своего защитника. – Он что, настолько сильно перебрал?

– Похоже, этот идиот ему запретил любую деятельность. Видимо, мешал предупреждениями.

Действительно, идиот. Подобный поступок равен попытке искупаться в реке, кишасей крокодилами. Впрочем, как раз на подобное пьяные и горазды.

– Значит, он совсем без защиты? – уточнил Иван.

– Мы в вагоне, – напомнил адвокат. – Здесь он под защитой стражей порядка. И это еще вторая зона.

О да, так оно и было.

– Много у него на счету?

– Точно сказать не могу, но немало. Работает он в очень солидной фирме и не на низшей должности.

– Надо же...

Иван окинул пьяницу оценивающим взглядом.

Да, одет тот был очень добротно. И значит, дело в шляпе. Лишь бы только...

Как раз в этот момент пьяный и пошевелился. Храп его оборвался на бесконечно долгое мгновение, в течение которого Иван почувствовал, как у него в груди оборвалось и рухнуло куда-то вниз сердце, пьяный даже открыл глаза, но тут же вновь забылся, опять захрапел. А Иван, чувствуя себя человеком, чудом увернувшимся от мчащегося на него автомобиля, с трудом перевел дыхание.

Мир несправедлив, думал он, и единственным благом, бескорыстным подарком, который ты от него получаешь, является самая жизнь. Все остальное зависит лишь от тебя, и ни на чью помощь рассчитывать не стоит. Только на свои силы и на собственную удачу. Если она повернется к тебе задом... Что ж, значит, так легли карты. Нечего жаловаться. Надо сжать зубы и идти дальше, не оглядываясь, не пытаясь переиграть уже сыгранную игру, ибо это бесполезно. Только время и силы зря потеряешь. Идти дальше... работать лапками, сбивать сметану. Рано или поздно под ними окажется твердь.

А пока ее еще нет, пока ему остается лишь фарм. А значит, надо терпеть и еще раз терпеть. Слушать, как звякают падающие на его счет единицы, и воспринимать это мерзкое дыхание так, словно оно являлось амброзией, не смея даже поморщиться, дышать и радоваться своему невероятному везению, тому, что судьба дала еще один шанс, возможность остаться на плаву и вновь попытать удачу. После двенадцати часов. Когда начнется новый день.

Андрей Балабуха

Спасти Спасителя, или Евангелие от Измаила

*Нет ни одного доброго дела, которое осталось бы
безнаказанным.*

Аноним

I

Зовите меня Измаил.

Не ищите тут ни злокозненного плагиата, ни даже невинного подражания. В конце концов, как-то называться надо. А за последние три десятка лет я сменил столько имен, что и сам уже путаю, где, когда и как назывался. Да и что вам, как зовут меня сейчас? К тому же, когда и если вы будете это читать, меня, скорее всего, уже будут звать совсем иначе. Зато классическая фраза намертво застряла в извилинах – даже при моем, прямо скажем, не слишком гуманитарном образовании. Может, и не всяк ее помнит, но уж многие – точно. А имя? Что ж, не хуже других. И даже некоторая ирония в этом ощущается, особенно ежели учесть, кто рыщет по моим следам. А к иронии я питал слабость всегда. Ну да этого добра в моей истории на десятерых хватит.

Началось все ровно тридцать три года назад. Кстати, как меня звали тогда, тоже не имеет значения. По крайней мере, для вас. Куда существеннее – чем я занимался. А ремесло у меня было преувлекательнейшее. Веселое ремесло. Но об этом чуть позже.

Раз уж я с классики начал, к ней и вернемся. Кто из вас в детстве «Тома Сойера» не читал? Поднимите руку. Помните, там пассаж есть: всякий, мол, человек, а уж мальчишка особенно, рано или поздно испытывает непреодолимое желание искать спрятанные сокровища? Сдается мне, правды в этом куда больше, чем сам Марк Твен думал. Фокус только в одном. Пиратские сундуки искать да клады заговоренные или там испанские галеоны с золотишком мечтают-то многие, да решаются не все. Как говорится, много званых, но мало избранных. Да и галеоны с сундуками не на каждом шагу встречаются. А вот сокровищ – не перечесать. Руку протяни. Денежные мешки так рядами и стоят. Только убедить их надо, чтоб раскрылись. И к каждому свой подходец нужен. Тут универсального «Сезам, откройся!» в заводе нет. Каждый раз новое петушиное слово искать приходится. Оно-то и интересно.

Чем я и занимался. Искал солидные деньги на серьезные дела. И, как правило, находил. Проще говоря, привлекал инвестиции. Да так, чтобы все были довольны и свой профит получили. Натурально, и я в том числе. Меня это с детства интересовало, как только прочитал про Джорджа Фрэнсиса Трейна и первую трансамериканскую железную дорогу. Оно ведь как получается? Какой-нибудь там звездолет придумать-сконструировать всякий дурак может. Если достаточно грамотный, конечно. И полететь к альфе Центавра, скажем, или, скажем, Тау-Кита. И тем имя свое обессмертить. А вот денежки-то на славную затею откуда возьмутся? Времена велосипедных мастерских – древняя легенда. Нынешним райтам даже не миллиарды нужны. Миллиард – это так, расхожая монета. А кто эти монетки найдет? Кто всю землю истопчет, отыскивая источники, что золотишком бьют? Проследит, куда от них ручейки текут, а потом сумеет все ручейки в нужное русло свести? Только тогда из русла этого звездолет-то и вынырнет. Так оно в наш век делается. И такими, как я.

Правда, одного желания мало. Два университета понадобилось, две диссертации. Но к двадцати пяти я с этим управился. И не оттого, что вундеркиндом каким-нибудь был:

просто, когда уж очень сильно хочется, так оно и получается. Ну а потом за дело взялся всерьез. И подхватило. И понесло. Это же вроде серфинга. Главное – нужную волну поймать, а потом на ней удержаться. И восемь лет удерживался. Пока однажды не ту волну оседлал.

Тут-то моя история и начинается. Как сейчас помню, в Хельсинки это было. Есть там на Эспланаде заведение одно, где хорошее темное пиво подают. А я к нему, надо сказать, неравнодушен. Что и сгубило.

Местечко я выбрал не на юру, не на проходе, а у стенок. Время было не самое лучшее, народу много, а потому пришлось рукой махнуть, что за этим столиком один тип уже устроился. Ну сидит себе и сидит, пиво пьет, тоже темное, кстати. После третьей кружки разговорились потихоньку. Век себе не прощу. Вот сейчас я тут тоже пью пиво, текст этот набираючи, а в двух кварталах отсюда возносится в небеса башня вавилонская, скребонеб чертов, какие вы сейчас в каждой столице или там в любом мегалополисе увидите – взметнувшиеся плоскости, и под каждой надпись, чтобы хоть за милю, хоть за версту видно было, днем и ночью: «Айка-Матка ОЮ». И любой встречный-поперечный про эту компанию знает и кто и когда ее основал... А кто денежки на это добыл? Догадались? Правильно догадались.

Не тот бы разговор на Эспланаде – и никто бы про эту «Айка-Матку» слыхом не слышал. Не знаю, стало бы от этого лучше человечеству, нет ли, но уж мне-то точно имена менять да пластические операции делать не пришлось бы.

Ну да ладно, туда, на Эспланату, и вернемся. Собеседник мой забавным парнем оказался. Чистопородный финн из Нантали, решил он по молодости лет бизнесом заняться. Дело-то, конечно, благое, только выбрал он занятие самое неподходящее: удумал поставлять бульдозеры производства собственной маленькой фирмы в Конфедерацию. Да не куда-нибудь, а на самый что ни на есть Дальний Восток, в Православно-Коммунистическую республику Колыма. Я, признаться, так и не понял, с чего бы это. То ли ему в слове «Колыма» удвоенное «а» померещилось и решил он отыскивать там прародину всех финно-угров, то ли, что куда вероятнее, просто большими барышами кто-то поманил, но обернулось печально: отсидел мужик восемь лет в лагере как финский шпион. Причем бульдозеры его все это время исправно пахали. Что, кстати, говорит о качестве продукции. Отсидел, вернулся; фирма лопнула, денег нет. На пиво, правда, еще осталось. А еще осталась идея. Набрел он на эту идею с тоски в лагере. Я, конечно, не знаток ни российской истории, ни истории Конфедерации, но знаю: есть в этой стране такая традиция – великие открытия в тюрьмах совершать; были там всякие кибальчики, морозовы, а потом уже пошли целые шарашки, художественной литературой воспетые.

– Что же, – спрашиваю, – за идея такая? Если вроде бульдозеров твоих, так смотри, как бы снова плохо не кончилось.

Но ему после пятой кружки моя ирония побоку. А может, просто темперамент у него такой, финский.

– Я-то скажу, я из этого тайны не делаю, только ты же все равно не поверишь.

– Поверить я во что угодно могу. Покуда проверять не надо.

– Понимаешь, – говорит он мне, хрустя соленой соломкой, как бульдог мозговой костью, – я там, пока в бараке нары грел, каждую ночь все думал: вот было бы здорово, не начни я с этими паскилайненами техникой своей торговать. Ведь можно ж было иначе. Были варианты. И знаешь, что самое смешное? Придумал.

– Что?

– Да я ж тебе говорю, не поверишь. Как в прошлое вернуться. И послать их с этим предложением туда, откуда не возвращаются. А еще лучше – где и не живут долго.

– Хочешь сказать, машину времени придумал?

– Называть по-разному можно. Но, в общем, да.

– Так с чего ты решил, будто я тебе не поверю? Вот ты мне покажи, кто про сотовый телефон хоть за год до его появления написал? Не сыщешь. А про машину времени уже полтора века лет все кому не лень пишут. Значит, кто-то изобрести должен был. Почему не ты? Ну как? Еще по одной?

Заказали, но сидельца моего заело.

– Ты, – говорит, – друг, не отшучивайся. Я действительно придумал. И штука эта простая, как саамский сортир. Только, понимаешь, простота, она всего дороже стоит. А кто мне на такое дело денег даст? Даже не лопни моя фирма, у меня бы и сотой доли не хватило, и тысячной. Тут, друг, такие деньжищи нужны...

Когда о деньгах речь, я себя в своей стихии чувствую. Врет мужик, не врет – проверим. А ну как правда? Это же таким пахнет!

– Ну, – говорю, – считай, что оказался в нужное время в нужном месте. Деньги я тебе любые достану. Моя головная боль. Но сперва ты докажи, что не под фу-фу я тебе капиталы добываю. Это во-первых. А во-вторых, двадцать процентов всех прибылей – мои. Согласен – контракт прямо сейчас составим.

– Двадцать процентов? Это же чистый грабеж!

Только я собрался было завестись, а он продолжает:

– Бери пятьдесят, партнерами будем.

– Нет, – говорю, – я девушка честная и поступиться принципами не могу. Моя ставка – двадцать процентов. И в партнеры к тебе не набиваюсь. Я, знаешь ли, независимость ценю.

Еще на две кружки поспорили, после чего он таки сдался. Составили мы контракт, который я тут же в свою нотариальную отослал и через пять минут заверенным получил, по всем правилам. И первые два года пребывал в счастливом убеждении, будто набрел на золотую жилу.

II

Сам не знаю, с чего я тогда сидельцу этому колымскому поверил. У него же, кроме голых слов да бредового принципа, за душой ничего не было. Но что-то в темечко клюнуло. Для начала вписал я его в один из новомодных сайнс-инкубаторов, отыскал пару грантов. Мелких, но на первые шаги хватило. А когда у него не то третья, не то четвертая по счету модель заработала, Юхани Ранга из темной лошадки вмиг фаворитом обернулся. Только на чистую науку все равно никто денег не даст. Нужен результат. Ощутимый. Весомый. Под какой расщедриться не жалко. Ну да, знали теперь, кто такой херра Ранга, пятеро сумасшедших физиков, которых и самих-то никто по-настоящему не понимал. Оно вроде бы и престижно, да небогато.

Тут нужна была ослепительная идея. За пределами той пятерки физиков в машину времени поверить никто не мог. Это как с НЛО или привидениями – все говорят, но никто не верит. А у тех, кто верит, никогда нет денег. Тут я и призадумался. Ведь что такое машина времени? Это не транспортное средство для перемещения из двадцать первого века в какой-нибудь там одиннадцатый, к примеру. Это инструмент управления историей. Значит, и дорожка одна – к историкам.

Был у меня в Биармии полуприятель-полузнакомец, весь из себя при степенях и званиях. Некий Айн Калхайно. Пару раз выбивал ему денежки на какие-то археологические экспедиции. Дело сейчас было серьезное, тут не по Сети общаться надо, а встретиться, сесть да поговорить. И лучше всего за бутылкой, потому как без бутылки такое переварить трудно.

Договорились. И спустя несколько дней сидели мы с ним и толковали. Не дома у него, конечно. Там обильное потомство интеллектуальным беседам не способствует. Нашли кабачок попрличнее, где за крахмальные скатерти дерут, но зато уютно, и вид на озеро, ветерок

легкий такой чуть в листе шуршит, а пепла в пепельнице не шевелит. Это, кстати, тоже серьезно. Биармия, слава богу, не Европа, и наш брат курильщик тут себя еще вполне человеком чувствует.

Особенно я откровенничать не хотел – рано. Но вопрос наготове был совершенно конкретный: кто и за какое изменение в истории больше всего отвалить готов? И притом, чтобы изменение это тонким уколом было – не войны там какие-нибудь переигрывать с танковыми армиями супротив Чингисхановых орд.

Айн взглянул на меня не без удивления:

– Неужто вы, Измаил (конечно, не Измаилом меня тогда звали, но давайте уж будем последовательны), переквалифицировались в литагенты? Альтернативная история все еще в спросе, знаю. Но своим фандрайзингом, или как там ваше занятие именуется, вы, по-моему, зарабатывали куда больше. Или хобби такое появилось?

– Да нет, не хобби. Дело серьезное, денежное, но в подробности вдаваться пока не стану, хотя бы даже затем, чтобы не сковывать вашего воображения. Понимаете, Айн, тут полет нужен. Не академизм. Потому к вам и обратился. Все-таки я вас немножко знаю.

– Ну, нравится вам играть в таинственность, так играйте. Мне, слава богу, давно известно: где деньги – там всегда таинственность, а где их нет – еще больше. Но раз уж вы меня тут поите-кормите, полет я вам гарантирую.

Про поите – это он не зря сказал. Двенадцатилетний «Инвер-хаус»... Интересное дело: про «пищу богов» все говорят, а про их же питье как-то помалкивают. Ну да, поминают нектар с амброзией, но куда им до хорошего ирландского виски! Про кормите, впрочем, тоже – нам как раз принесли седло косули с моченой брусникой. Так ведь не мной придумано: обжорство отупляет, а гурманство помогает воспарять... Косуля была юная и нежная, виски – тяжелый и бархатный, а разговор потихоньку сворачивал как раз туда, куда надо.

– Укол, говорите? Забавно. Если исходить из опыта литературы, а другого мы в альтернативной истории почти что и не имеем, уколы, как правило, почему-то смертоносны. Я читал сотню рассказов про то, как Гитлера прикончили до Пивного путча, а Ганнибала – до перехода через Альпы. Скучно как-то. И негуманно. Давайте-ка мы с вами подумаем наоборот. Сформулируем задачу примерно так: что могло бы случиться, если бы некто выжил? Так сказать, спасительная инъекция. Ну да, приятно было бы выволочь из пламени Джордано Бруно или Жанну д'Арк, если ее, конечно, и впрямь сожгли. Но поменять бы это историю? Сильно сомневаюсь. Скорее даже уверен – ни в малой степени. Тут надо искать нечто помасштабнее. И, кажется, одну такую точку я знаю. Бред, конечно, полный. Но для романа, может, и сгодится. Был один человек, чья смерть поменяла всю историю. Ну, не всю, но такой солидный кусок... Бьюсь об заклад, вы уже догадались.

– Вы бейтесь, а я не стану. Во-первых, не историк, во-вторых, тут кого угодно можно подразумевать. Вот, например, Ленин...

– Ленин... Мелко мыслите, Измаил. Фигура, конечно. Но я имел в виду не его. – Айн воздел руку со стаканом, неопределенно указуя куда-то вверх. – Я имел в виду на две тысячи лет раньше и в две тысячи раз значительнее.

– Господи! – задохнулся я. – Вы имеете в виду... Его?

– Именно. Распятого.

– Но это же сумасшествие!

– Во-первых, вы сами просили полета, а во-вторых, как было сказано в классике, в безумии этом есть своя система. Представьте на минуточку, что Пилат Его отпустил. Распяли Варавву, который, кстати, в некоторых переводах Библии, например в армянском, именуется также Иисусом Вараввой. С чем согласен и такой авторитет, как Тишендорф. Так вот, допустите, что распяли не Иисуса из Назарета, но Иисуса Варавву. И каковы, по-вашему, будут последствия?

– Знаете, дорогой, если уж, как вы изящно выразились, я вас пою-кормлю, то и о последствиях давайте сами.

Принесли сыры. Айн взял нанизанный на шпажку кубик бергандера, некоторое время рассматривал, потом отправил в рот. Не знаю, что в большей степени порождало блаженное выражение его физиономии – сыр или идея.

– Собственно, я тут не открою Америки. Еще в середине прошлого века Роже Кайюа в своем «Понтии Пилате» рассмотрел такую вероятность. Христианство бы попросту не возникло.

– Любопытно... – Я хлебнул кофе, только что возникший передо мной словно ниоткуда: все-таки белая перчатка и белый рукав на фоне белой скатерти – великое изобретение человечества. Это был капучино, причем весьма неплохой. Айн предпочел глянсе. Бог ему судья. – Любопытно и даже масштабно. Но кто же за это заплатит? Qui prodest, насколько я помню юридическую латынь.

– Да что с вами, Измаил? Ясно же, как божий день!

– Ну, значит, я пребываю в ночи.

– Дорогой мой, какое противостояние вот уже лет семьдесят является наиболее острым? Да вспомните вы хоть нью-йоркские башни-близнецы!

У меня захватило дух. И не знаю, от чего больше: от нахальства идеи или со страху.

III

Нужную тропку я нашаривал месяцев пять. Идея-то была великолепна. Но теперь предстояло выйти на того, кто если не распоряжается финансовыми потоками, то хотя бы связан с теми, кто распоряжается. И выйти не через финансовый мир. Потому что подход здесь нужен был другой. Идеологический. И фанатический. Реально это означало какую-нибудь Аль-Каиду и кого-то из нынешних наследников легендарного Бен Ладена. Очень не хотелось гулять по минному полю с завязанными глазами. Значит, следовало искать саперов. И не каких-нибудь, а самых лучших. Ну да, это дело нехитрое, не привыкать.

Кончилось тем, что 15 июля меня повели по цепочке. Понятия не имею, зачем это было нужно. Никто за мной не следил, никакие могущественные спецслужбы на хвосте не висели, но, похоже, народ, с которым я связался, искренне почитал конспирацию если не смыслом, то по крайней мере главным удовольствием жизни. Рейс из Парижа в Танжер. Ночь в отеле. Надо признать, более или менее приличном. Оттуда – зачем-то в Найроби, да еще с двумя промежуточными посадками. «Боинг», в котором я летел, знал лучшие времена, и, боюсь, знал еще в двадцатом веке. Зудели ноги, и сперва я грешил на блох, но потом мне объяснили, что это вибрация, и если держать нижние конечности на весу, то чесаться не будет. Зуд и в самом деле прошел, но я не йог, и такая гимнастика не по мне. Из Найроби меня погнали в Аддис-Абебу. Оттуда – в Равалпинди. Последней точкой на этом четырехсуточном пути стал Кандагар. То, что здесь называли отелем, погрузило в пучины такой мировой скорби, что я возликовал душой, когда в пять утра меня подняли, посадили в какой-то тряский джип и повезли куда-то, растянувшееся еще на двое суток. По дороге мы трижды меняли водителей и четырехколесные гробы, по недоразумению именуемые машинами, где не то что о кондиционере, а просто об отсутствии песка во рту нечего было и мечтать. Всю дорогу я неуклонно зверел и потихоньку радовался этому, ибо уболтать тех, с кем предстояло иметь дело, можно лишь озверев целиком и полностью. Это как идти в атаку с молодецким криком, издавать который при дамах никоим образом не рекомендуется.

Прибыли. Куда – не знаю. Из песка пустыни выросал горный склон, на котором пять тысяч лет резвились пять тысяч кротов и каждый размером с бегемота. Столь дырчатого сыра я еще не видывал. В одну из дыр меня и завели, предварительно заставив подняться

по деревянной лестнице, которая шаталась и стенала под ногами, сетуя на свои многовековые страдания. Правда, представшее глазам внутри впечатляло. За неровным проемом входа начинался даже не коридор, а натуральный туннель, стены которого были ровными и гладкими, хоть явно обтесанными вручную в Богом забытые времена. Один туннель вливался в другой, они сворачивали, извивались, и я чувствовал себя не столько Тесеем в Лабиринте, сколько микробом в кишечнике. Этот жуткий подгорный муравейник подавлял. И даже озверяж мой пошел на убыль, сменяясь непонятной тоской. Сработанные в Китае пластмассовые светильники казались до омерзения инородными – здесь нужны были коптящие и вонючие факелы. Вони, впрочем, и без факелов хватало. Время я засек. Водили меня ровно три часа сорок шесть минут. Я, конечно, любитель пеших прогулок, но не настолько же. Да еще когда за тобой тянутся впритирочку две безмолвных тени с автоматами, а их ближайшие родственники попадают на каждом шагу. И все-таки в тот момент я еще не думал, что встрял не в свое дело.

Наконец мы оказались в... не знаю, как назвать – комната? пещера? грот? Словом, помещение. Почти кубическое. Метров примерно пять на пять. Вдоль стен по всему периметру вытесанные прямо из камня то ли скамьи, то ли лежанки. По центру – армейский раскладной стол, вокруг – три таких же штабных кресла, а на столе лежит раскатанный роллер-комп. Включенный – рамочки сенсорных клавиш мягко подсвечены. Мой сопровождающий подошел, набрал что-то, и над тусклой серой полоской начало формироваться изображение. Грузилось оно почему-то медленно – понадобилось добрых семь секунд, пока в воздухе соткался величественный облик головы эдакого Горного Старца. Мне указали на одно из кресел:

– Можете говорить.

Геморрой вам в мозжечок! И ради этого меня заставили тащиться чуть не целую неделю? Играли в идиотские игры? Конспираторы хреновы! Чтобы теперь я беседовал то ли с живым человеком, то ли с виртуальной образиной? Причем поди пойми, сидит она (или сгенерирована) в соседнем помещении или же где-нибудь на Мадагаскаре. Общаться таким образом ничуть не хуже можно из собственного кабинета. Как там Юхани говорил – паскелайнены! Нет, в финском языке нужных слов не найдется. Тут что-нибудь покрепче требуется. Русский или валлийский. Но что сделано, то сделано. Я сел, а мой озверяж снова встал. В некоторых ситуациях правда – и в самом деле лучшая политика; и минут пять я высказывал все, что о них думаю, по крайней мере на пяти языках, включая те выражения, которым меня обучили в одном из китайских тайных борделей, настоятельно порекомендовав не повторять их нигде и никогда – во избежание, так сказать. Но сейчас я не избегал, из просителя став диктатором и без пяти минут Господом Богом. В предельно доходчивой форме я объяснил, что все их идиотские террористические игры не эффективнее прыща, расчесанного на собственной заднице – немножко удовольствия, а потом сепсис. Что с проблемами надо разбираться радикально, и если они хотят решить свою, то иногда стоит послушать, что говорят умные люди.

Образина над столом внимала молча. Я иссяк. Повисла тишина, в которой было отчетливо слышно, что у левого из моих конвоиров заложена правая ноздря. Наконец старец заговорил – по-английски, и я сразу догадался, какую из закрытых школ он заканчивал. Ладно, уже легче.

– И что вы предлагаете?

– Решить все ваши проблемы. За один раз. Безо всяких терактов. Без ваших дрессированных фидаев. И так, что все ваши цели будут достигнуты.

– И что же вы считаете нашей целью?

– По-моему, это самоочевидно. Мировой халифат. Ну, может, и не мировой, но, во всяком случае, распространяющийся на все страны, сегодня являющиеся христианскими.

Новая пауза – еще длиннее предыдущей. У охранника, кажется, отключилась и левая нодря. Если бы по потолку полз мадагаскарский клоп, всем здесь показалось бы, что это бродит бешеный бегемот.

– Как? – Это прозвучало коротко, словно выстрел, и я почувствовал дуновение от пули, прошедшей в миллиметре от виска.

– Очень просто. Но простые вещи иногда приходится объяснять долго. Мне нужно минут пятнадцать, не меньше.

Образина медленно кивнула. Я чуть расслабился. За пятнадцать минут нормальный человек может уговорить даже черта переселиться в рай, а Петра-ключаря убедить, будто перед ним сам Господь Саваоф во всей славе Своей. Первая часть речи у меня была отработана. Спросонок и спяну я мог бы изложить суть открытия Юхани Ранты ровно за шесть минут. Что и сделал. И точно знал: здесь прозвучит вопрос.

– А кто может поручиться, что это не бред сумасшедшего?

– Сэр Хьюго Пентакост. Доктор Адольф Неермейер. Двое нобелевских лауреатов. К ним могу добавить Итиро Исахару, Эльзу Лазарус и Бориса Чернина. Думаю, эти имена вам известны. Если не вам, то вашим консультантам. И более авторитетных поручителей вряд ли найдешь.

Имена он знал.

– Поручителей? Они частенько не понимают друг друга, а порой и самих себя.

Не в бровь, а в глаз. Но теперь пришел мой черед держать паузу.

– Впрочем, если эти пятеро сумели в чем-то согласиться... Пожалуй, об этом стоит говорить. Мы проверим. Продолжайте.

– Представьте, что не хилая лабораторная модель, а мощная рабочая машина времени создана. Представьте, что с ее помощью в определенный момент прошлого, приблизительно тридцать третий год новой эры, переброшены люди, которые сумеют не допустить казни того, кого вы называете пророком Исой. И тогда само христианство не возникнет. С ним не придется бороться. Карл Мартелл не остановит арабского продвижения в Европу. Не будет крестовых походов. Будет единый мир с единой мировой религией, имя которой ислам.

Живой или виртуальный, но тут он икнул.

Я понял, что победил. Колесо закрутилось. Этакое огромное колесо, которое запустил я. Зеленое колесо. И тогда мне еще не казалось, что для меня оно может обернуться колесницей Джаггернаута.

IV

Почти два года деньги текли исправно и обильно, как нефть из саудовских скважин, но зато не было ни минуты, когда я не чувствовал бы затылком чьего-то дыхания. Как я не заработал мании преследования, ума не приложу. Но не заработал. А вот машина времени моего доброго друга Ранты заработала. Тогда-то и родилась фирма «Айка-Матка». В одежды она поначалу рядилась чужие: не путешествия во времени, а воссоздание иновременной реальности; хронодиснейленд, так сказать. Но денежки появились. Теперь уже свои. А мы засучив рукава готовились к выполнению заказа.

Сформированной нами группы никогда и нигде не существовало. Все ее члены числились где угодно и кем угодно, но только не в «Айка-Матке». Большинство из них друг друга даже не знали – только те, кому предстояло работать вместе. Но даже этих мы решили свести для отработки взаимодействия в последний момент. И не потому, что конспирация – болезнь заразная; иногда без нее впрямь не обойтись.

Мы постарались продумать все, действовать с двойной и тройной страховкой, по всем направлениям сразу, чтобы никакая отдельная неудача не сказалась на конечном результате. Для начала мы отправили в первый век (тогда, правда, никто не знал, что он первый, это куда как позже придумали, но говорить так сейчас проще и привычней) Джада Саймонса, свежее испеченного доктора гебраистики из университета Оклахомы. Он должен был стать – и стал – одним из двенадцати учеников. Кстати, могу вас заверить: ни на кого он не доносил, ни от кого тридцати сребреников не получал и не вешался в Акелдаме с лопнувшим чревом. Он благополучно вернулся домой, а полученный от нас гонорар на многие годы сделал его весьма независимым исследователем. Правда, зовут его теперь тоже несколько иначе, да и внешне в этом типичном афроамериканце вряд ли кто-нибудь смог бы узнать бывшего еврея – нынешняя медицина умеет творить чудеса. Однако он не жалуется: материалов, полученных за год жизни в Иудее первого века, ему на сто лет хватит. Если до Аредова века протянет, конечно. Но это так, между прочим. Важно, что от него мы получали самую достоверную и оперативную информацию.

Любопытного выяснилось немало, так что многие первоначальные планы пришлось пересматривать. Мы-то ведь как думали? Безобидный проповедник, никому, по сути дела, не мешавший, к антиримскому восстанию не призывавший... Ну, вызвал почему-то раздражение первосвященников – мелочь, в сущности. Если грамотно воздействовать на Понтия Пилата... Тут два пути было.

Один – через молодую его жену, Прокулу Клавдию, особу, надо сказать, весьма неглупую, в иудейских делах неплохо разбирающуюся, а главное, понимавшую: троих надо распять и трое должны быть распяты, иначе мужу головы не сносить. А уж кто там кто... В те времена до отпечатков пальцев еще не додумались. А вот изумруды бразильские душу радуют. И значит, подумать о душе очень даже стоит. Кстати, о душе. Вначале мы по наивности полагали, будто Прокула Клавдия чуть ли не тайная христианка и уж, во всяком случае, сочувствующая. Но выяснилось, что все это понасочиняли христианские писатели – ни много ни мало – в четвертом веке. Так что не душу свою она спасала, а карьеру мужнину.

Другой путь вел через местного Пилатова дружка и вместе с тем Иисусова родственника Иосифа Аримафейского, человека почтенного, члена Синедриона; вдобавок к собственному богатству его можно снабдить еще и множеством весьма весомых материальных аргументов, для любого чиновника, включая римского прокуратора, более чем убедительных.

Так вот, если грамотно воздействовать на Пилата, освободить арестованного ничего не стоит. Но нет. Все оказалось куда сложнее. И сам Иисус, как известно, возводил род свой к царю Давиду, и жена его, Мария, была из колена Вениаминова и числила в предках самого царя Саула, так что их брак делал Иисуса персоной весьма опасной. За ним, законным наследником престола, могла пойти верхушка, а за его учением – низы. А надо такое римлянам? Нет. Им нужна Иудея слабая, расчлененная. Так что не первосвященников проповедник раздражал, а как раз имперскую администрацию. Политиком же Пилат был прожженным. Иначе бы дольше всех в прокураторах иудейских не просидел, не уцелел бы, когда его патрона, всесильного Сеяна, кончили. Всегда знал, когда и что делать, кого казнить, кого миловать. Впрочем, попробовать все-таки стоило. Золотой ключик, как известно, любые двери открывает. И зависит все не от формы бородки, а от массы. Напрямую помиловать Пилат, конечно, не мог. А вот закрыть глаза да умыть руки – другое дело. На том и расчет строился. Тем более что все трое осужденных бандюг (или партизан, или патриотов, называйте, как хотите) – Дисмас, Гестас и Варавва, zeloty да сикарии – и впрямь были опасными мятежниками.

И что вы думаете? Получилось. Правда, группа силового воздействия, полдюжины бывших спецназовцев из разных стран, которых мы готовили скорее на всякий случай, все-таки понадобилась (я сознательно никого не называю – зачем подводить хороших людей?).

Первое, что мы сделали, – это добились перенесения места казни. Тут оба пути воздействия на прокуратора сработали. И воздвиглись столбы для крестов не на холме, где всегда, а в собственном саду Иосифа Аримафейского. Необычно, согласен, но за хорошие деньги: почему бы и нет? Ну а дальше все просто. Варавву, как положено, отпустили. И он понаслаждался свободой. Ровно пять минут. Пока наши силовики его не прихомутили. А потом, уже на территории сада, куда праздных зрителей не пускали, а всей-то охраны с десятков человек было, заменить одного на другого для мастеров своего дела – невелика хитрость. Тем более что для римлян все эти иудейские мятежники на одно лицо.

Вот, собственно, и весь сказ. Можно было бы, конечно, вам рассказать, как спасенного, накачав предварительно транквилизаторами до полной отключки, хитрым путем переправили сначала из первого века в двадцать первый, в операционный зал «Айка-Матки», оттуда – после перенастроек машины – обратно в первый, но уже в Японию, на территорию нынешней префектуры Аомори, что на севере острова Хонсю. Тут, на берегу пролива Цугару, спасенный вместе со своей женой (не разлучать же – совесть не позволяет) жил тихо и благополучно, скончавшись в возрасте ста шести лет. Но эта история не для меня, она – для романистов.

Мы ожидали чего-то невероятного. Что выйдем из здания «Айка-Матки», а надо всей Европой, над Азией, от Лиссабона до Владивостока, возносятся минареты и льются с них песни муэдзинов. Мы ждали этого и боялись и не знали, как примет нас нами же сотворенный мир. Но, когда вышли, все оказалось до ужаса знакомым. До ужаса – не фигура речи, потому что ужас меня охватил самый настоящий. Где-то мы прокололись, и рассчитывать предстояло мне. Оставалось одно: исчезнуть. И казалось бы, дорожка – вот она, рядом, стоит вернуться – друг Юхани все сделает, все века открыты, где меня никакая Аль-Каида не найдет. Лишь один вопрос: а долго я там со своим диабетом протяну? Так-то. Исчезать надо было где-то здесь. И сейчас. Что я и сделал.

V

Слава богу, деньги у меня были – и не только те, что на всем известных счетах. Осторожность, она, как известно, мать фарфоровой посуды. И когда год спустя я объявился в Биармии, профессора Калхайно было непросто убедить, что перед ним не злоумышленный самозванец. Но в конце концов справился. Искусство убалтывать людей – не внешность, с ним при всем желании не расстанешься. Собственно, я мог и не приезжать сюда. Просто заело: где же и в чем мы ошиблись? И обсуждать это, кроме Айна, было не с кем.

Начался наш разговор даже не в ресторане, что было бы куда как привычнее и приятнее, а в городском парке. За последнее время я приучился занимать такую позицию, чтобы просматривать все подходы. Но сидеть здесь на деревянной скамейке под осенним ветром было, прямо скажем, не в радость. А разговор предстоял, похоже, долгий. Тогда Айн предложил отправиться к его приятелю. Тот был в отъезде, а ключ от дома (благостная патриархальная страна!) покоился в аккуратном деревянном ящике под первой ступенькой крыльца.

Так мы и сделали. Айн распоряжался по-хозяйски, и хотя ирландского виски в баре не нашлось, но сыскался отменный скотч – на мой вкус, немногим хуже.

На этот раз я выложил ему все. Фирма «Айка-Матка» скинула диснейлендовские одежды, и про машину времени знал теперь каждый. Мой друг Юхани остался во главе дела. Колымскому сидельцу повезло. К нему арабы претензий не имели: он свою часть работы выполнил. Полагаю, что и остальные из нашей группы последовали моему примеру скорее страха ради иудейскою. Они были исполнителями, и только. А вот я всю эту кашу заварил, и меня, во устрашение прочим, распять надлежало непременно.

Айн выслушал и, надо отдать ему должное, поверил сразу. Но зато в выражениях стесняться не стал:

– Вы законченный идиот, Изя! Простите, Измаил. Если бы вы тогда не играли в свою дурацкую таинственность... Мы же обсуждали сюжет. Для романа. И для романа он годился. Но покажите мне историю, которая развивалась бы по запланированному сюжету! Хотите понять, что произошло? Сейчас нарисую. Это что два байта оплевать, как высказывается мой старшенький. И тут не надо быть семи пядей во лбу. Достаточно чуть-чуть знать Писание. И вам бы стоило туда почаще заглядывать. Все-таки Книга Книг.

Я помалкивал, потому как возразить было нечего. А мой друг профессор, взгромоздясь на кафедру, вещал:

– Хотите знать, что произошло? Да очень просто. Уже на следующий день после казни весь город гудел, что проклятые римляне распяли не Иисуса Варавву, а Иисуса Христа. Слух, конечно, распустили апостолы. Но не в них одних дело. Тогдашние умы ориентировались на одно: исполнение древних пророчеств. Иисус прекрасно это понимал, потому и совершил вход в Иерусалим именно так, чтобы оправдался текст Второго Захарии – на осле, через определенные ворота... А потом еще и цитировал Иеремию и Второго Исаию, предвещая и оправдывая то, что намеревался сделать. Вы подменили Иисуса из Назарета Иисусом Вараввою? Молодцы! Не оставили Иисусовым ученикам и последователям другого выхода, как изъять тело Вараввы из гробницы, захоронить где-нибудь тайно, а потом объявить уже не о спасении Учителя, но о воскресении. Слишком многие знали Христа в лицо. А лицо это, если верить сенатору Публию Лентулле, было поистине прекрасно...

– На кой мне этот ваш... как его?... Лентулл? Я собственными глазами видел.

– Вы? Но вас же там не было!

– Зато Он был здесь. Недолго, но не мог же я устоять перед соблазном хоть краешком глаза взглянуть на...

– И?..

– Он спал, и во сне лицо было мягким. Не расплывчатым, как порой бывает, а просто смягчившимся. Но готов поверить, что такой способен изгнать торгующих из Храма. Рослый. Рыжий.

– Лентулл пишет о волосах цвета спелого каштана...

– Не знаю – что видел, то видел.

– В любом случае с рябым Вараввой не спутаешь. А раз состоялось воскресение, значит, христианство не могло не родиться. И апостолы, – что первые ученики, что семьдесят, что святой Павел, – понесли весть по миру. Благоую весть. Если бы помазанный Мессия, Христос, действительно добился объединения Иудеи, изгнания римлян, взошел на престол – история забыла бы столь мелкое событие: мало ли что творилось в римских провинциях? Мятежом больше, мятежом меньше... Это бы не изменило мира. Его изменило христианство, начавшееся с чуда воскрешения. За что, дорогой мой Измаил, спасибо вам.

Он так меня уел, что на какой-то момент даже захотелось пойти и сдаться арабам. Но здравый смысл – или инстинкт самосохранения? – восторжествовал.

– Но ведь были же те, кто знал правду! Неужели их слова ничего не значили?

– Когда-то, для кого-то и что-то. Правда, говорите? Да, в трех из синоптических евангелий, включенных в библейский канон, описывается казнь на Голгофе, то есть горе, имеющей форму черепа, Лысой горе. Но в четвертом, у Иоанна, в сорок первом стихе девятнадцатой главы, если память мне не изменяет, сказано: «На том месте, где Он был распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен». А Матфей описывает казнь на Голгофе, но зато говорит о пустой гробнице в саду именно Иосифа Аримафейского. Вот вам правда. В обоих случаях – три голоса против одного. А в апокрифическом Евангелии Истины даже напрямую говорится о спасении Христа путем подмены. Вот правда, кото-

рой вы, Исмаил, так разыскиваете. Поищите – найдете. В истории всегда так – сквозь любой миф прорастает хоть зернышко истины. А вот вам еще. Сам там не был, но читать приходилось: в Японии, близ деревеньки Шингамура, по сей день охраняют могильные холмы, под которыми якобы лежат Иисус и кто-то второй. Может быть, Мария Магдалина. Говорят, там поныне живут их потомки. А рядом с могильными холмами притулился музейчик, украшенный крестом и Давидовой звездой. Это тоже правда. А главную правду сказал впоследствии гонитель и убийца Ипатии епископ Климент Александрийский, причисленный, замечу, к лику святых: «Не все истинные вещи суть истина; и ту истину, которая кажется истиной исходя из человеческих мнений, не следует предпочитать истине, что согласуется с верой». Тут уж, по-моему, добавлять нечего. На вашем месте я утешался бы одним. Вы действительно спасли достойного человека. Хотя кому-то и Варавва может показаться достойным. Но, как ни крути, был он сикарием-террористом. Можно, конечно, толковать о ценности каждой человеческой жизни, но лично мне ваш выбор глубоко симпатичен.

– Мой выбор? А кто мне его подсказал?

– Повторяю, дорогой мой: я подсказывал сюжет, а в сюжет я был волен вставлять все, что мне симпатично. Но, так или иначе, вам будет чем отчитаться на Страшном суде, если таковой и впрямь когда-нибудь состоится.

Не могу сказать, чтобы меня это сильно утешило.

– И последнее, – продолжил Айн, – вера – это прехитрая штука, которая все свои основания несет в себе. Вы можете лишить ее фундамента, вышибить любые опоры, но здание останется непоколебимым. Никогда не связывайтесь с верой, Исмаил. Никогда не связывайтесь с мифом. Они слишком живучи. Они посильнее вас. Они посильнее всех нас. Но это из разряда умножающих скорби премудростей, о которых говорил еще Соломон. Жаль, я не знаю, чем вам помочь. Если бы мог... Вот разве что с хозяином этого дома я вас, пожалуй, все-таки сведу. Он частный детектив с весьма разносторонними связями и, чем черт не шутит, в нынешнем вашем положении может оказаться полезным. А пока ответьте на один вопрос. Он занимает меня с тех самых пор, как вы рассказали правду, а значит, уже почти целый день. Неужели вас самого не тянуло попасть туда, посмотреть своими глазами, вдохнуть тот воздух и ту пыль? И в конце концов, если вспомнить, как вас раньше звали...

– Лучше не надо. А тянуло – не тянуло... Прошли те времена, когда генералы с саблей наголо скакали впереди армий. Генеральское дело – оно штабное. Нечего генералу на передовой делать. А я был генералом. И остаюсь. И, поверьте, еще буду. Плох солдат, который не мечтает стать генералом, но еще хуже генерал, рвущийся в солдаты. А насчет веры... Вы, наверное, правы, Айн, пусть даже правота эта какая-то скучная. Но знаете, когда мне делали нынешнее лицо, вернее, нет, когда его уже сделали и я с ним сживался, меня упрятали в маленький госпиталь... Не суть важно где. И там я разговорился со священником, приходившим окормлять свою лежаче-бродячую паству. Интересный был человек. С воображением. Я рассказал ему нашу историю. Не как подлинность, разумеется – так, прочитанный роман в стиле Брэна Дауна. И знаете, что он мне сказал? Что спасти Спасителя – самый страшный грех, какой только можно придумать. Ибо как же тогда быть с искуплением? Все мы искуплены Его кровью. А если она не пролилась? Что нас ждет тогда и кто мы есть? Наверное, это тоже правда, Айн, только, в отличие от вашей, не скучная, а страшная.

– Что же тут страшного? Просто еще одна точка зрения и еще одно подтверждение бессмертного: «Что есть истина?» Наверное, нам с вами этого знать не дано. И слава богу, что не дано, поскольку, зная мы это, и жить в мире стало бы воистину слишком страшно.

Странные слова для историка, посвятившего себя поискам истины. Но этого я говорить не стал. Потолковать-то хотелось еще много о чем, хотя главное, пожалуй, было сказано. Но один вопрос вертелся на языке.

– Выходит, история так же незыблема, как вера? Иисуса распяли – и христианство возникло. Мы Его спасли – и оно возникло все равно. Не могу понять.

– Элементарно, Измаил. В любом случае Его распяли. А фактически или только в умах – не имеет никакого значения. Главный фокус в другом. Тот исламский деятель – кто он там был, имам, тайный имам или просто большой бандюган? – судя по всему, был двоечником. Коран изучают все-таки еще в медресе, высшего образования для того не требуется. Или это потому, что он в Англии учился?.. Но в Коране прямо сказано: «Они не убили его и не распяли его, но лишь подумали, что совершили это». Кабы этот тип получше знал богословие, вы бы его так дешево не купили. Но я не жалею. Как ни крути, а ближайшая машина времени работает сейчас в небоскребе «Айка-Матки» в Петербурге – в том, что они купили у разорившегося Газпрома. Поговаривают, и у нас в столице строить будут. А если бы этот тип получше знал богословие, ни «Айка-Матки» бы не было, ни машин времени. И потому моя душа историка ликует. Я не генерал. Я еще надеюсь подышать той пылью.

VI

С тех пор минуло уже больше четверти века, и, насколько я знаю, Айну по крайней мере дважды удалось осуществить свое желание. Правда, встречаться нам приходилось исключительно редко – в те периоды, когда, в очередной раз сменив личину, я на какое-то время успокаивался и пребывал в уверенности, что в ближайшие месяцы меня точно не найдут. Потом-то всякого можно найти, особенно в наши дни, когда все мы оставляем слишком много следов.

Не жалею – все эти годы я отнюдь не бедствовал. Ремесло осталось при мне, и денежные мешки открывались по-прежнему послушно. Беда в другом. В какой-то момент я вдруг понял, что в одном обманул-таки Айна. Да, в прошлом я был генералом, и не из худших. Но теперь эполеты пылились в банковском сейфе, а я скорее походил на разведчика-нелегала, кочующего из страны в страну. Он порой и в генеральском мундире пощеголять может, да только все равно – ряженный. Даже если ему идут звания, так об этом лишь непосредственное начальство знает. А мне и звания не шли. А покрасоваться в парадной форме, чтобы вся грудь во фруктовом салате, хотелось. Ну характер у меня такой. Да и просто устал. Устал бегать, устал чувствовать себя мишенью, по которой уже несколько раз стреляли – промахивались, правда, но сколько же будет везти?

Последние годы я все чаще обращаюсь мыслями к тому, погребенному два тысячелетия назад близ японской деревушки Шингамура.

Странное дело. В результате всей этой истории многие выиграли. И мой друг Юхани Ранта (кстати, двадцать процентов от его прибылей я до сих пор неукоснительно получаю, хотя ума не приложу, как он списывает деньги, переводимые на непонятные счета); и даже дорогой профессор Калхайно, нанюхавшийся-таки своей живой древней пыли; и господа историки, получившие в свое распоряжение машину времени; и весь этот колосс «Айка-Матки» со всеми его десятками тысяч персонала... Продолжать можно было бы долго, но весь список оглашать незачем.

Выигрыш других сомнительнее. Не знаю, счастлив ли Джад Саймонс, заново вынужденный защищать диссертацию и лишенный возможности носить кипу. Да и про остальных не знаю.

Но хуже всего, пожалуй, пришлось Ему – и мне. Мы оба пережили крах. Он, видевший себя Христом и Мессией, помазанником и Спасителем, царем Иудейским, восседающим на троне Саула и Давида, семьдесят лет провел в глуши на севере Хонсю. Был ли Он счастлив, оставшись в живых? Я тоже пока жив. Но что не счастлив, знаю точно. И значит, настало время что-то менять.

Не знаю, как и что. Но вчера я не смог преодолеть соблазна посмеяться над своими преследователями. В конце концов, двадцать лет прошло, ишак, может, и помер, но мы-то с эмиром живы, и пришла пора разобраться, кто лучше знает богословие. Естественно, адреса того Старца Горы у меня не было, а слухи о его кончине прилетали столько раз, что невольно подумаешь: не отпустил ли ему Аллах Мафусаилова века? Но на сайт его сподвижников я вышел и оставил там ту самую цитату из Корана, что привел мне когда-то Айн. В конце концов, чего вы, ребята, хотите? Все произошло именно так, как написано в вашей священной книге.

Конечно, они быстро определяют, где я вошел в Сеть, но, знаете, мне почему-то кажется, что я непременно доживу до ста шести лет...

Игорь Вереснев Цвет твоей крови

«Начинается регистрация на рейс АТ 23/3 по маршруту Акваполис – Новые Афины, – вспыхнула голографическая надпись под потолком. – Пассажиры приглашаются к первому терминалу». Люди начали подниматься из кресел, потянулись к приветливо распахнувшейся двери терминала, на минуту сотворив что-то отдаленно смахивающее на сутолоку. Лучшего момента не выбрать. Клим скользнул взглядом по лицам, по фигурам. Задержался на девушке в легком костюме, янтарном, с лазурными вставками: блуза без рукавов и короткие, до колен, штаны с накладными карманами. Подбородок задран, грудь гордо выпячена, лиловый загар на голых руках и лодыжках, густые волосы отливают синевой – отличный экземпляр, скорее всего, второе поколение. Годится!

Клим решительно двинулся наперерез потоку, сунул руку в карман куртки. Пальцы сжали футляр, щелкнул зажим. На миг прошибло ознобом. Он тут же одернул себя – глупости! Опасности нет, Эдвард же объяснял.

Руку он выдернул в последнюю секунду, уже споткнувшись об янтарный, в тон комбинезона, чемодан на колесиках. Пошатнулся, теряя равновесие, уцепился за первое подвернувшееся, чтобы не упасть. За плечо девушки. Не уцепился – схватился и мгновенно отдернул пальцы. Мерзко стало от прикосновения к серовато-лиловой нечеловеческой коже.

– Ох! – Девушка дернулась от неожиданности. – Что вы себе позволяете?!

Клим попятился, втянул голову в плечи, опустил глаза. Спрятал руки обратно в карманы.

– Извините, я нечаянно...

– Нечаянно! Смотреть надо, куда прешь, недомерок! Что, глаз нет? Или мозгов?

Клим наконец поднял голову. Девушка была выше его ростом, смотрела сверху вниз. Маленький рот с фиолетовыми губками, острый подбородок, а глаза большие, изумрудные. Так и сыплют злыми искрами.

– Вижу, что мозгов! Ногти стричь и то ума не хватает! – Девушка терла ярко-лиловую царапину на руке. Впрочем, ни капельки крови не выступило – у этих синеволосых всегда так.

– Извините...

Люди, спешащие к двери терминала, огибали их, поглядывали кто с интересом, кто насмешливо.

– Девушка, что вы на парня напали? – сделал замечание высокий мужчина, тоже синеволосы. Плечи крепкие, мускулистые, но брюшко успел отрастить. – Он же не специально. Ничего с вашим чемоданом не случилось.

Девушка хмыкнула, одарила Клима еще одним пучком злых изумрудных искр. Развернулась, подхватила чемодан за ручку, поспешила за остальными пассажирами. А Клим вдруг сообразил, что все они – кианетики. Ничего странного – рейс ведь в Новые Афины, на материк. Кто из нормальных людей по своей воле туда сунется?

Клим проводил взглядом недавнюю визави, развернулся, пошел к выходу из зала ожидания унипорта. По дороге сунул улику в зев утилизатора, набрал номер Эдварда.

Эдвард ответил на звонок только со второй попытки. Клим успел пересечь фойе и спуститься к остановке пневмобуса, когда услышал:

– Да, говори.

– Готово. Подробности при встрече. Куда подъехать?

На том конце молчали. Излишне долго для того, чтобы назначить место.

– Встречи не будет. Сейчас сообщили с проходной – безопасники в лаборатории. Я уничтожу, что успею, но сам понимаешь, если они пожаловали, значит, утечка, будут искать и тебя. Поэтому избавься от смарта и улетай из Акваполиса этим же рейсом...

– Но...

– Надеюсь, успеешь увидеть результат нашей работы.

– Хорошо, я полечу. – Последнюю фразу Клим сказал в пустоту.

От смартфона его избавил тот самый утилизатор, что несколько минут назад слизнул содержимое карманов. Клим тайком надеялся, что свободных мест на рейс до Новых Афин не осталось и он сможет с чистой совестью не выполнить распоряжение Эдварда. Но стоило набрать номер рейса, как билетный автомат высветил на табло: «Запрос принят! Идентифицируйтесь для подтверждения оплаты». Клим приложил большой палец к сенсору. Подумал, что служба безопасности легко выследит его по этой транзакции и в аэропорту Новых Афин его будут ждать... неважно. Увидеть результат это не помешает.

Двери терминала уже проглотили большую часть пассажиров рейса, так что долго стоять в очереди Климу не пришлось. Женщина-контролер – нормалка с уставшим лицом и морщинками в уголках рта – удивленно воззрилась на него. Личный досмотр она провела быстро, зато идентификация затянулась. Поверить на слово, что Клим здоров, контролер не захотела, запросила медицинскую карту, дважды просмотрела ее от корки до корки, проверила сроки прививок, иммунопрогноз и возможные противопоказания. Она продержала Клима у стойки дольше, чем любого из пассажиров-кианетиков, хоть у него с собой не было не то что багажа, но и ручной клади. В конце концов пожала плечами:

– И надолго ты туда?

– Дня на два. Или три.

– Надеюсь, за пределы Афин выезжать не собираешься? Постарайся не выходить из помещений без надобности, у тебя плохой прогноз по ультрафиолету. И о респираторе не забывай! Береги себя!

– Спасибо, – буркнул Клим и поспешил к титановой двери шлюзового лифта.

«Пшшш...» – зашипела пневматика, мягко, но надежно отсекая его от родного города. Пол под ногами дрогнул, пошел вверх. На миг перехватило дыхание. «Ничего страшного, я еще в Акваполисе!» – поспешил он успокоить себя. Но этого утешения хватило лишь на несколько секунд. Кабина остановилась, дверь распахнулась. По ту сторону ее стояла улыбчивая синеволосяя и синегубая девушка в белоснежной форменной блузке с эмблемой альбатроса на рукаве.

– Здравствуйте! Пожалуйста, проходите в салон.

Прежде летать самолетами Климу не доводилось. Честно говоря, в свои восемнадцать он вообще не покидал Акваполис. А тут эти кианетики! Едва он вошел, как оказался в перекрестье их взглядов. На него смотрели с удивлением, с интересом и хуже всего – с сочувствием! Они смели сочувствовать ему, нормальному, настоящему человеку!

Клим втянул голову в плечи, поспешно прошел в самый хвост. Свободных мест хватало, потому он проигнорировал номер, указанный в билете, уселся в последнем ряду, укрылся от взглядов. Стюардесса простила ему такую вольность, не иначе «сжалилась над убогим». И от этого стало еще обиднее.

Он опасливо огляделся по сторонам, убедился, что никто за ним не следит. Потом повернулся к иллюминатору. За иллюминатором было полсотни метров платформы и – лазоревая бесконечность. Бесконечное небо, бесконечный океан и полоска горизонта, разделяющая – нет, соединяющая! – две бесконечности. Клим сотни раз видел эту картинку на экранах головизоров, но ощущения огромности мира, называемого «планета Земля», там не возникало.

...И принадлежит этот мир монстрам, серокожим существам с лилово-синей кровью, «франкенштейнам», решившим, что они и есть люди. А настоящие люди вынуждены прятаться в подводных городах. Безопасных, комфортабельных оазисах, все более просторных с каждым годом. Не потому просторных, что города растут – их население сокращается. Самый крупный, Акваполис, насчитывает сегодня едва полмиллиона. Два-три поколения – от силы четыре! – и человечество исчезнет окончательно, без боя уступив родную планету синеволосям. А ведь каких-то сорок лет назад их не существовало в природе.

Первая дюжина странных детенышей появилась на свет в институте биоинженерии и генотерапии Акваполиса. Именно здесь обрела реальность средневековая легенда о людях с «голубой кровью». Именно здесь был синтезирован h-гемоцианин, медьсодержащий аналог человеческого гемоглобина. Понимали его создатели, какой ящик Пандоры они открывают? Эдвард Ковальский, тогда младший научный сотрудник, точно не понимал.

«Кианетиками не рождаются, ими становятся. У каждого должен быть выбор!» – под таким лозунгом открытие преподнесли человечеству. Так-то оно так, но операция по замене гемоглобина гемоцианином возможна исключительно в пренатальный период. Как сделать выбор до своего рождения?! Не ты сам, а родители решают, предстоит тебе жить человеком или серокожим монстром. Дальше – больше. Первое поколение кианетиков выросло, повзрослело, и оказалось, что выбрать надо было всего однажды – на все будущие века. Потому что способность воспроизводить гемоцианин передается от матери ребенку в ста случаях из ста. И обратного пути нет, дверь захлопнулась. Эдвард Ковальский, руководитель лаборатории микробиологии, понял это первым. И Клим Ковальский, его приемный сын, знал, что это означает. История человечества заканчивалась. Начиналась история новой расы. Абсолютно чужой. Враждебной.

Пока человечество тихо вымирало в своих подводных оазисах, кианетики размножались. Они многое успели за сорок лет. Принялись обживать заброшенные города на материках, восстанавливали промышленность и сельское хозяйство. У них теперь были собственное правительство, собственные наука и культура... Да кто их знает, что они затевали, вырвавшись обратно на сушу, подобно доисторическим предкам млекопитающих? Они не просто вырвались из-под контроля, они сами контролировали – «опекали!» – подводные города. Лишь Акваполис пока сохранял автономию. Потому Эдварду и удалось...

– Уважаемые дамы и господа! – прервал размышления Клима мелодичный женский голос, заполнивший салон. – Экипаж приветствует вас на борту нашего комфортабельного лайнера. Мы совершим рейс по маршруту Акваполис – Новые Афины. Время полета – три часа двадцать минут. Сейчас прослушайте, пожалуйста, инструктаж о правилах поведения в нештатной ситуации...

Уже знакомая Климу стюардесса вышла на середину салона, вынула из багажного ящика оранжевый спасжилет, начала манипуляции в такт мелодичному голосу. Стояла она так, чтобы Клим видел каждое движение. Не иначе, для него это шоу и предназначалось. Кианетикам чего опасаться с их-то живучестью? Да и видело большинство этот спектакль неоднократно – мотаются по планете туда-сюда, могут себе позволить. Не то что настоящие люди...

Климу захотелось отвернуться, не смотреть на унижительное представление, но он не посмел, дождался, когда шоу закончится. Голос попросил пристегнуть ремни, стюардесса прошла вдоль рядов кресел, удостоверилась, что все послушались. Возле Клима задержалась и подергала ремень: в самом деле пристегнут? Он сжался от отвращения, когда серые пальцы чуть не коснулись его, пусть и через ткань куртки. Отвращение прошло быстро, но злость осталась: может, они нормалов недоумками считают?!

Стюардесса ушла, села в свое кресло возле пилотской кабины. А минуту спустя снаружи взревели двигатели, и Клим вдруг ощутил то же самое, что испытывал в лифте, но усиленное многократно. Обернулся к иллюминатору и...

Нет, это было не как в лифте. Там ты знаешь, что поднимаешься, ощущаешь это. Но не видишь! А здесь – покрытая пенными барашками волн поверхность океана стремительно проваливалась вниз. Конвертоплан набирал высоту куда быстрее любого лифта. Не только знать, но видеть, что под тобой многие сотни метров пустоты, было немыслимо. И с каждой секундой этой пустоты становилось больше! Нет, не надо, хватит, и так высоко! Слишком высоко!

Приступ паники навалился на плечи, на лбу выступила испарина. Клим поспешно отвернулся от иллюминатора. И встретился взглядом со стюардессой. Та смотрела прямо ему в глаза, готовая вскочить, прийти на помощь. Этого не хватало! Он заставил себя улыбнуться, вдохнул глубоко, выдохнул. Еще раз. Подумаешь – высота! Салон лайнера надежно герметизирован, задохнуться от недостатка кислорода ему не грозит, вывалиться наружу – тем более. Пока шел к заднему ряду, заметил троих детей. И ни один не испугался при взлете, не заплакал... Потому что они не люди!

Подъем закончился, лайнер накренился, разворачиваясь, ложась на курс, выпрямился. Гул двигателей стал тише, предупреждающая надпись над головой погасла. Стюардесса, словно демонстрируя, что неудобства и ограничения первых минут полета позади, расстегнула ремень, встала, скрылась за шторкой служебного помещения. И пассажиры оживились. Громче и веселее сделались разговоры, кто-то уже шел по проходу к кабинке санузла.

Клим снова отвернулся к иллюминатору, заставил себя смотреть. По внутренностям прокатилось что-то неприятное, подступило к горлу, упало вниз, сделав ноги слабыми и непослушными. Ерунда, нужно только привыкнуть! Он взялся разглядывать лазоревую поверхность, распластанную под ним. Но что там разглядывать? Квадратик взлетно-посадочной платформы давно исчез, белые барашки на волнах с такой высоты не видны...

– Можно здесь присесть?

Голос прозвучал рядом, но Клим не ожидал собеседников, потому не понял, что обращаются к нему. Повернул голову, когда его повторно окликнули:

– Эй, ты меня слышишь? С тобой все нормально?

В проходе стояла та самая девушка в янтарном костюме, смотрела насмешливо и вместе с тем вопросительно. Клим растерялся, кивнул поспешно. Хотел лишь подтвердить, что он в порядке, но девушка восприняла кивок как ответ на все три вопроса одновременно. Бесцеремонно уселась в соседнее кресло.

– Я пришла извиниться. Накричала на тебя, обозвала. Прости, пожалуйста. Честно говоря, я подумала, что ты хам и обдолбыш. Из этих, что на транквилизаторах живут. Ты первый раз летишь, да? Страшно? Ничего, это пройдет. Мне тоже страшно было, когда я первый раз из Акваполиса улетаю.

Клим растерялся:

– Почему из Акваполиса?

– Я там родилась. Выросла, школу окончила, затем улетила на сушу. А родители и сейчас там живут... Мама живет, папа умер три года назад. Я к маме каждые два месяца в гости прилетаю, так что давно привыкла к самолетам. – Она вдруг фыркнула: – Не смотри на меня так! Разумеется, мои родители натуралы, потому вынуждены жить в Акваполисе. Или ты подумал, что я кианетик второго поколения? Спасибо за комплимент, но вынуждена тебя разочаровать. Первый ребенок второго поколения появился на свет девятнадцать лет назад, а я значительно старше! Мне – двадцать семь, мы стареем медленнее. Ой, я же не представилась! Кира. Папе имя не нравилось, но мама настояла – сказала, что у нее обязательно будет дочь Кира. И пошла на операцию. Она сильно болела после этого, потому я осталась

единственным ребенком в семье. А мне так хотелось братика или сестричку! Но нет так нет. Зато у меня обязательно будет много детей – не меньше пяти! Человечеству необходимо поскорее восстановить популяцию, вновь заселить Землю. Правда, не знаю, как смогу это с работой совместить. Я окончила аспирантуру, пишу диссертацию по восточноевропейской архитектуре двадцатого века. Ничего, успею и одно, и другое. Говорят, средняя продолжительность жизни кианетика – двести лет. Конечно, пока этого никто на практике не проверил, но, надеюсь, правда. Представляешь, двести лет! Сколько всего можно сделать. Вот как бы ты ими распорядился?.. – Она осеклась, сообразив, что сморозила глупость. – Прости, пожалуйста...

На минуту между ними повисла напряженная тишина. Но долго молчать синеволосяя не могла:

– Вот я о себе все рассказала. Твоя очередь. Как тебя зовут, чем занимаешься, кто твои родители? Рассказывай, ты же на меня больше не сердишься?

Клим сидел, придавленный этим шквалом болтовни, не способный переварить ее. Надо же, снизошла – делает вид, что с ровней разговаривает. У них что, мода такая пошла – опекать «убогих»? Пока те окончательно не вымерли. Хотелось крикнуть в ответ: «Топай, откуда пришла! Не нужны мне ваши подачки! О себе лучше побеспокойся!»

Он сдержался.

– Клим, учусь в колледже, на втором курсе. Родители... родной отец умер давно, я его и не помню. А мама – когда мне одиннадцать было. Меня отчим воспитал.

– Соболезную... А в Новые Афины ты зачем летишь?

– Ну... просто так, посмотреть.

– Да? А давай я для тебя экскурсию устрою? Ты сколько времени планируешь на материке пробыть?

Клим пожал плечами:

– Дня два или три, – повторил то же, что сказал контролерше в унипорту.

– Замечательно, успеем в археологический заповедник съездить. Или... в заповедник не нужно? Ничего, в городе тоже много интересного. Поселишься у меня – у меня двухкомнатная квартира. И не переживай, мой парень не приревнует. Потому что у меня его нет, я свободная девушка! Так что, согласен?

Клим помедлил. Они с Эдвардом и не надеялись на такую удачу. Да, теперь он наверняка увидит результат. Он кивнул.

– Отлично! – Девушка схватила его за руку, заставив непроизвольно дернуться. – Давай составлять план экскурсии.

Грозовой фронт настиг самолет внезапно. Для Климa, во всяком случае. Сиденье на миг исчезло, к горлу подкатила тошнота, и тут же зажглась предупреждающая надпись, а мелодичный голос сообщил:

– Лайнер вошел в зону турбулентности. Просьба пассажирам вернуться на свои места и пристегнуться.

Клим выглянул в иллюминатор. Куда только подевалась лазурная бесконечность! Вокруг лайнера громоздились грязно-белые клочья ваты. Впереди и справа по курсу они сгущались, темнели, становились непроницаемыми... Ба-бах! Ослепительно-белый столб пробил черноту, вонзился в скрытый тучами океан.

– Ого! – Кира перегнулась через подлокотник. – Здорово!

Клим вжался в спинку, чтобы ненароком не прикоснуться к кианетке. Впереди по курсу вновь сверкнуло. Картинка за иллюминатором дернулась, провалилась вниз. Самолет задирал крыло, меняя курс.

Внезапная смена вектора скорости толкнула девушку на Климa.

– Ох!

Она отстранилась, но самую малость. Клим продолжал ощущать ее тело сквозь тонкую ткань куртки.

– Ты можешь сесть прямо?! – не выдержал он.

– Да, конечно. Извини.

Она выполнила просьбу. Пояснила:

– Я никогда сквозь грозу не летала. Интересно посмотреть.

Клим ничего интересного в грозе не находил. Видеть ее на экране головизора одно, а наяву – другое. Что, если этот жуткий столб пламени попадет в самолет? Впрочем, угроза была явно воображаемая, пилоты не станут подвергать пассажиров опасности. Сверкающая молниями туча уходила назад и вниз, впереди была лишь белая вата. И, кажется, голубые прорехи кое-где просвечивали.

Огонек под крылом лайнера Клим засек боковым зрением. Сначала решил – это сигнальный фонарь. Затем сообразил – нет, не фонарь. Оранжевый шар висел примерно в метре от гондолы двигателя, то приближаясь к ней, то отходя в сторону. Но от самолета не отставал, точно был привязан к нему невидимой нитью.

С минуту Клим следил за шаром. Потом не выдержал, спросил у соседки:

– Посмотри вон там, под крылом. Это... шаровая молния, правильно?

Девушка ответила не сразу. А когда ответила, голос ее сипел:

– Д-да... Не бойся, она не взорвется...

Молния взорвалась.

Яркая вспышка, заставившая моргнуть, хлопок, еле слышный за шумом двигателей. А в следующий миг добрая половина крыла исчезла. И тише сделалось – турбина замолкла, из нее повалил черный дым.

Увиденное казалось Климу наваждением. Но тут самолет споткнулся. Изуродованное крыло перестало держать титановую птицу, она сорвалась, опрокинулась набок, начала терять высоту. Киру швырнуло на Клима, но теперь он даже не заметил этого. Он словно оказался внутри голофильма. Разум не мог принять реальность происходящего. Плакали дети, визжали и кричали взрослые, кто-то пытался вскочить с кресла и не мог – потому что кресла оказались приклеены к стене салона. И душераздирающий свист снаружи.

– Экстренная посадка! – заглушил звуки голос из динамиков. Не тот, мелодичный, бархатный, что звучал прежде. Властный, командирский. – Пассажирам надеть спасательные жилеты. Остаться на местах и не расстегивать ремни до особого распоряжения!

Медленно, с натугой, искалеченная птица выравнилась. Она по-прежнему неслась вниз, но траектория снижения сделалась более полой. Клим напряженно вглядывался в белую вату. Посадка? Но куда? Внизу ведь океан! Или они уже над сушей?..

– Ты чего ждешь?! Жилет надевай! – дернула за плечо соседка. И, не дожидаясь реакции, принялась напяливать на Клима спасжилет. – Не надувай пока, а то застрянешь между креслами. Да ты хоть помнишь, как его надувать? Вот эту штуку потянуть надо.

Клим кивнул, не до конца понимая, что ему говорят. Он не мог оторвать взгляд от иллюминатора, как будто ему, а не пилотам предстояло выполнить экстренную посадку.

Ватная пелена лопнула, разлетелась клочьями. Океан был близко. Слишком близко! Пенные барашки волн неслись навстречу. Ближе, ближе, ближе...

– Не бойся, пилоты опытные, посадят самолет на воду. – Кира сжимала его руку. – Если салон разгерметизируется, переберемся на плоты,ждемся спасателей. Лишь бы шторм не усилился.

Шторм? Ну да, это шторм. Клим сглотнул, представив себя среди вскипающих пенных шапок. Нет уж, пусть самолет благополучно приводнится...

Двигатель внезапно взвыл, машина дернулась, как бы пытаясь остановить падение. В корпус что-то ударило, завизжал раздираемый металл, завизжали люди, сиденье рвануло в одну сторону, в другую, ремень больно впился в живот. А потом... Клим выпучил глаза. Салона перед ним больше не было. Вместо него – грязно-зеленая всклокоченная стена воды. Он открыл рот, готовый завопить от ужаса. И захлебнулся этой водой. Горько-соленой водой океана.

Звуки исчезли мгновенно, только в ушах звенело. Он не успел понять, что происходит. Кто-то отстегнул ремень, выдернул из кресла. Спасжилет начал увеличиваться, разбухать, властно потянул его вверх.

Клим вынырнул на поверхность, набрал полную грудь воздуха, закашлялся. На счастье, его не накрыло волной, наоборот, подбросило вверх. Десять секунд, чтобы успеть отдышаться. А затем – вниз, в ущелье между водяными горами. И снова вверх. И вниз. В мокасины набралась вода, они отяжелели, точно обзавелись свинцовыми подковами. Если бы не спасжилет, они утянули бы его на дно, однозначно. Следовало расстегнуть липучки, сбросить их, но дотянуться не получалось...

– Клим! Клим! – Кира была рядом. – Держись за меня! Поплыли к острову!

– К... какому острову?

– О который самолет разбился! Вон там, смотри!

Их подбросило на очередной гребень, и Кира развернула Клима, показывая. Он не разглядел ничего, кроме волн, но кивнул утвердительно. И позволил тащить себя. Какая разница куда? Мозг пребывал в ступоре, оттого явь казалась сном, кошмаром.

Остров все же существовал. Камень посреди моря, поднимающийся над поверхностью едва на три метра. Волны налетали на него, разбивались о крутые бока, захлестывали до самой макушки.

Кира не сунулась прямиком к камню, потащила Клима вокруг. С подветренной стороны волнение было куда тише. И еще здесь нашлась трещина, раскроившая камень-остров пополам. Достаточно широкая, чтобы человек мог вскарабкаться по ней. Кира выбралась первой, схватила Клима за руку, помогла.

Ощутить твердь после болтанки на волнах, увидеть хоть какое-то подобие стен рядом с собой было невообразимо приятно. Ни жесткое каменное ложе, ни грохот прибоя, ни брызги, то и дело обдававшие с головы до пят, не могли испортить удовольствие. Клим растянулся на камнях, позволил снять с себя спасжилет, обувь. И провалился в забытие.

Очнулся он от непонятного дискомфорта. Целая минута понадобилась, чтобы вспомнить, где он очутился и почему. И понять, откуда исходит опасность. Солнце! Грозовой фронт отступал, над головой еще висело белесое покрывало, но западная треть небосклона уже очистилась от туч. Опускающееся к горизонту солнце светило прямо в расселину, обжигало Климу лицо, кисти рук.

Он заскулил от навалившегося ужаса. Сколько он провалялся под солнцем? Час? Два? А может быть, сутки?! Смарт он выбросил в утипорту, потому, который сейчас час, который день, понятия не имел. Да и вряд ли смарт выдержал бы «купание» в океане.

Клим вскочил на четвереньки, покарабкался вверх, к гребню островка, надеясь укрыться за ним. Тщетная надежда! За гребнем оказалась лишь небольшая площадка, а дальше – гладкий «лоб», уходящий почти отвесно в воду. Отполированный ветрами и штормами камень, ни былинки, ни травинки.

Зато ближе к восточному горизонту, там, где еще бушевала гроза, виднелась настоящая суша. Большой остров или материк? Самолету не хватило самой малости, чтобы добраться туда. Или пилоты специально опускали машину на воду?

На площадке сидела Кира и смотрела вниз. Шторм утихал. Волны еще накатывали на каменный «лоб», разбивались брызгами пены, но прежней силы в них не было. И, казалось, ничего не угрожает человечку в спасательном жилете, что качался на их гребнях, ничего не мешает доплыть до расселины и выбраться на твердь. Однако плыть человек не пытался. Потому что был мертвым.

Ребенок. Мальчик лет шести-семи. В самолете он сидел двумя рядами ближе, чем Клим. Синеватые волосы, серая кожа лица, черно-желтая полосатая майка. Глаза мальчика были широко открыты, смотрели куда-то вдаль. Цвет их Клим разглядеть не мог, но отчего-то решил, что они ярко-зеленые, изумрудные. Как у Киры.

Он повернулся к девушке:

– Что с ним случилось? Я думал, кианетики живучи, как... ну, выносливее людей.

Кира взглянула на него непонимающе:

– Да, мы можем обходиться без кислорода достаточно долго. Но жабр-то у нас нет, чтобы дышать под водой! Наверное, его волной накрыло, перевернуло лицом вниз, а взрослых рядом не было, чтобы помочь. Испугался, растерялся, захлебнулся...

Она вдруг всхлипнула, закрыла лицо руками. Клим удивленно посмотрел на нее:

– Ты его знала?

– Нет, но... какая разница? Это не правильно! Он же ребенок, малыш совсем! Дети не должны умирать!

Клима перевернуло, руки сами собой сжались в кулаки.

– Детеныши-кианетики умирать не должны, ты хотела сказать?! В Акваполисе каждый день умирают двадцать-тридцать детей! Большинство и до года не доживают. Это нормально, да, правильно?! А то, что один ваш захлебнулся, – неправильно?!

Девушка попятилась от него к краю площадки:

– Ты что говоришь? Конечно, это неправильно. Дети в подводных городах умирают, потому что их мамы отказываются от операции, надеются на везение. Это же глупо...

– Глупо?! А ты знаешь, что ожидает женщину после твоей хваленной операции? Отравление соединениями меди, тяжелейший токсикоз! Это те, кто идет на операцию, рассчитывают на везение. Говоришь, у тебя нет братьев и сестер? А у меня были – трое! И все умерли, не дожив до года. Эдвард не разрешал делать операцию, но мама очень хотела ребенка от него, пусть даже кианетика! И ей «не повезло».

– Мне жаль... но ведь это был ее выбор, ее свобода воли. По статистике, смертность среди рожениц, перенесших операцию, двадцать три процента. Но зато ребенок-кианетик выживает стопроцентно, а дети-нормалы – один из трех. Да и что потом за жизнь у них? Так, может, риск того стоит?

– Еще бы! Наши женщины ценой своей жизни должны увеличивать ваше поголовье! Только зачем это вам теперь? Вы и без нас прекрасно размножаетесь! Сколько детенышей ты планируешь завести? Пять? А почему не десять? Материки большие, места всем хватит. Люди же там все вымерли! Включая детей.

– Но ведь не из-за гемоцианина! Наоборот, он стал спасением для человечества. Иначе действительно не было бы надежды. Подводные города построили не от хорошей жизни. Люди подорвали свой иммунитет антибиотиками, синтетической пищей, химическим и радиоактивным загрязнением, гербицидами и пестицидами – да всего не перечить! Планета вымирала – почти десять миллиардов в середине двадцать первого века и чуть больше одного к концу двадцать второго. Оставшиеся пытались спастись тотальным контролем над средой обитания – воздухом, водой, пищей, – потому отгораживались от окружающего мира титановыми куполами и стометровой толщей воды. Но это была только отсрочка приговора. Если бы не синтез гемоцианина...

– ...люди бы нашли выход! Обязательно нашли!

– Это и есть выход! Кислородный обмен на основе меди оказался непробиваемым щитом на пути вирусов и микробов. Понадобятся тысячи, десятки тысяч лет, чтобы естественные мутации создали нечто, способное его пробить. Чего еще желать?

– Именно – «чего желать!» Все смирились, перестали искать другое, человеческое решение. Это же так здорово – сдохнуть и отдать планету монстрам! Живучим, плодовитым и абсолютно здоровым!

Он замолчал, захлебнувшись злостью. Молчание длилось долго. Затем Кира ответила. Едва слышно в шуме прибора:

– Мы такие же люди, как и вы. За что ты нас ненавидишь? За то, что у нас другой цвет крови?

«Господь сотворил людей по своему образу и подобию. А кианетики – подобие дьявола, созданные по его наущению!» – хотел бросить в ответ вычитанную где-то сентенцию Клим. Промолчал, вовремя сообразив, как глупо прозвучит подобное обвинение.

Не дождавшись ответа, девушка вдруг вскочила и ласточкой нырнула в воду. Клим опешил, не понимая, зачем она это сделала. А Кира ухватила мертвого мальчика за спасжилет, потянула прочь от островка. Убедившись, что к камням его вновь не прибьет, отпустила, поплыла обратно. Она обогнула островок, пропала за выступом скалы, а Клим все смотрел на яркое пятнышко, прыгающее по волнам. И думал, что этому мальчишке повезло.

Укрыться от солнца на голых скалах было невозможно. Оставалось поднять воротник куртки, втянуть голову в плечи, спрятать руки в карманы и надеяться, что вечером интенсивность облучения невысока.

– Клим, ты, наверное, пить хочешь?

Он вздрогнул от неожиданного вопроса, обернулся, готовый ответить что-нибудь резкое. И почувствовал – во рту и впрямь пересохло. Пока не задумывался об этом, жажда не давала о себе знать, таилась где-то внутри. Но теперь накатила со всей силой.

Он подозрительно уставился на девушку – издевается, что ли? Но та и не собиралась шутить:

– Здесь немного пресной воды есть. После дождя осталась.

В выемке под стенкой расселины в самом деле темнела лужица. Клим присел над ней, недоверчиво зачерпнул воду рукой, помедлил. Покачал головой с сожалением:

– Мне нельзя. В ней полно микробов, а у меня ничего дезинфицирующего нет.

– Какие микробы, она же дождевая! Здесь солнце и океан все дезинфицировали.

– Нет.

Он выплеснул воду назад, в лужицу. И тотчас жажда стала еще сильнее. Лучше бы и не знать об этой луже! Ничего, он потерпит...

Не удержавшись, спросил:

– Как думаешь, спасатели нас найдут?

– Конечно! Нас уже ищут. Как только шторм уйдет, появятся и самолеты, и корабли. Вот посмотришь, солнце сесть не успеет, а они будут здесь.

Кира не угадала. Солнце опустилось за горизонт, небо потемнело, набрало черноты, в западной его половине зажглись звезды, а спасатели так и не пришли. В конце концов девушка сдалась, выбрала место поровнее, устроилась спать.

Клим сидел на площадке, сколько мог. Боролся с усталостью, сделавшей веки свинцовыми, с голодом, неприятно ворочающимся в желудке, а главное – с жаждой. Уговаривал себя, что человек способен обходиться без воды довольно долго. Потом стало совсем невмоготу. Воровато прислушиваясь к сонному дыханию девушки, он заполз в расселину, впотьмах нашел заветную выемку... и принялся лакать воду, словно собака. Вода была теплая, солоноватая – во время шторма брызги волн окатывали островок до самой макушки, –

но, несмотря на это, первые глотки были невероятно вкусны! Он еле нашел силы, чтобы остановиться.

Мелькнуло запоздалое раскаяние: если в течение двух дней спасатели их не найдут, будет поздно. Тут же посмеялся мысленно над собой – да, будет поздно. Но вовсе не из-за выпитой воды. Все, что он сделал, окажется зряшным. И еще страшнее – бесполезным станет сделанное Эдвардом.

– Клим, Клим, самолет!

Он вскочил и от возгласа, и от того, что его бесцеремонно тормозили за плечо. Было раннее утро, солнце поднялось над горизонтом едва на ладонь. Его лучи пока не доставали до расселины, здесь было сыро и прохладно. За ночь шторм стих окончательно, море и небо вновь выглядели лазурной бесконечностью. И оттуда, из этой бесконечности, отчетливо доносился гул самолетного двигателя.

– Где он?!

– Вон там, смотри!

Клим пришлось щуриться несколько минут, чтобы разглядеть серебристую точку. Самолет кружил над дальней сушей, то опускаясь ниже, то поднимаясь вверх. А затем... затем он пошел на посадку!

– Эй, мы здесь! Здесь! – Кира забралась на гребень островка, кричала, махала руками над головой. Клим присоединился к ней:

– Сюда! Сюда летите!

Самолетик подкатил по воде к самому берегу. Что там делалось, разобрать было невозможно, но на затерянный в океане камень пилоты точно свои бинокли не наводили.

Клим присел обессиленно.

– Почему они нас не ищут?

– Наверное, после удара самолет сумел пролететь довольно далеко. Люди выбрались на берег, а в воду выпали лишь те, кто в хвосте сидел. Сейчас вывезут спасшихся, определят, кого не хватает, и продолжат поиски.

Объяснение Киры было вполне логичным. Но Клим оно не устраивало:

– И скоро они их продолжат?

– Не знаю. Не исключено, еще сутки подождать придется.

– Сутки?! Да я не выдержу здесь сутки! – Заметив непонимание на лице девушки, он поспешил объяснить: – У меня плохой прогноз по ультрафиолету, мне нельзя долго на солнце. А здесь и тени нет!

Кира наморщила лоб, помолчала, раздумывая. И решительно кивнула:

– Тогда мы к ним поплывем! Как говорили древние, если гора не идет к Магомеду, то Магомед идет к горе.

Клим опешил. Смерил взглядом расстояние до суши:

– Это же далеко! Мы не доплывем.

– В спасжилетах доплывем. Полтора-два часа, и будем там.

– А если самолет улетит?

– Как улетит, так и вернется. В любом случае там у тебя будет тень. Чего сидишь? Надевай жилет, и поплыли, пока солнце низко!

Заставлять упрашивать себя Клим не стал. И вовсе не из-за спасительной тени.

Плыть, когда волн нет, оказалось легко. Правда, от попыток Клим загребать руками и ногами проку было мало, но Кира оказалась на удивление сильной, тащила его, как заправский буксир. Так что Клим мог сосредоточиться на самом важном – мысленно уговаривал

спасательный самолетик не улетать. Снизу его видно не было, но раз не гудит в небе, значит, пока не взлетел?

Ни по времени, ни по расстоянию Клим ориентироваться не мог. Возможно, они проплыли двести метров, а может, и все пятьсот. Но неожиданно Кира остановилась. Беспокойно заозиралась по сторонам.

– Что случилось? – потребовал объяснений Клим. – Ты устала?

– Акулы!

– Что?

Клим хотел тоже обернуться, но это не понадобилось. Черный треугольный плавник прорезал водную гладь прямо перед ними. Мышцы мгновенно одеревенели от ужаса.

– Назад, быстро! – скомандовала Кира и, не дожидаясь, пока Клим разберется, что делать, схватила его за жилет, развернула, потянула за собой.

Они старались изо всех сил. Но для акулы их потуги выглядели смешным барахтаньем, не иначе. Она нарезала круги вокруг них снова, и снова, и снова. А потом Клим понял – не круги! Спираль, затягивающуюся с каждым витком.

– Плыви сам, я ее отпугну!

Кира оттолкнула его, начала отдиравать липучки собственного жилета, выпуталась из него, достала из кармана штанов складной ножик. Это «оружие» выглядело, по меньшей мере, смешно. Но Климу было не до смеха. Он заколошматил руками и ногами по воде, пытаясь повторять движения девушки. Получалось отвратительно. Но, хоть и медленно, он все же продвигался вперед, к еле заметному над водой спасительному камню. По сторонам он не смотрел. Не то чтобы не успевал – страшно было смотреть. Он ощущал, как вскипает вода, толкает волной то с одной стороны, то с другой. И ждал, что сейчас полоснет по ногам боль... или сейчас... или...

Он сам не понял, как добрался до острова. И лишь поравнявшись с заветной расселиной, опомнился, пробкой выскочил из воды, вскарабкался на самый гребень. И услышал сзади:

– Клим, п...помоги...

Оглянулся. Кира цеплялась левой рукой за выступы камня как-то неловко, беспомощно. Клим опасливо огляделся и, убедившись, что треугольного плавника поблизости нет, спустился, подал девушке руку, потянул на себя. А когда та выползла на камень, понял, отчего она протягивала левую руку. Предплечье правой превратилось в сплошную рваную рану. Клочья серо-сизого мяса, изжеванного чуть ли не до кости, и лиловая кровь, струйкой сбегающая на камни.

Климу сделалось нехорошо. Он сам почти ощутил боль в руке. Спросил, сдерживая дрожь в голосе:

– Это... акула?

– Ага. Неудачно я ее пырнула – рука прямо в пасть соскользнула. Ничего, ей тоже досталось – нож проглотила. Надеюсь, заработает несварение. Да ты не волнуйся, рука у меня заживет, у нас же регенерация тканей знаешь какая! Надо только жгут сделать, перетянуть. И забинтовать потуже. Хорошо бы зашить, но иголки нет. Ничего, и без зашивания обойдемся. – Она прошлась левой рукой по застежкам блузы, дернула плечом. – Снять помощи!

Бюстгальтер она не носила. Да и не требовался он, пожалуй. Грудь у Киры была маленькая, упругая, с темными, почти фиолетовыми, кнопочками сосков. Клим поспешно отвел взгляд, но девушка его замешательство и не заметила. Протянула блузу:

– Порви на полосы, а то мне одной рукой не управиться.

Материя оказалась крепкой, пришлось поднатужиться, чтобы она поддалась. Клим вспотел от напряжения. А после следовало затянуть жгут, бинтовать. Он старался не прикасаться к отвратительным лохмотьям, но получалось не всегда.

Наконец с бинтованием было покончено. Кира вытянулась на камнях:

– Да, не получится вдвоем плыть. Ничего, рука немножко заживет, и я сама туда сплываю, а ты меня подождешь.

– А как же акулы? – не понял Клим. – Или, ты думаешь, она здесь одна была?

– А что мне акулы? – Девушка повернула к нему голову. Улыбнулась: – На кианетиков хищники не нападают. Нас даже насекомые не кусают! Запах не тот. Ты разве не знал?

– В Акваполисе хищники и насекомые не водятся, – буркнул Клим. Помолчал, переспросил удивленно: – Но если не нападают, то ты могла плыть дальше? Почему же ты начала драться с акулой?

– А ты? Тебя бы она сожрала точно.

– И что?

– Как что? Если бы мы местами поменялись, ты бы разве по-другому поступил? Не стал бы меня спасать?

Клим не ответил. Приподнялся, выглянул из-за гребня. Конечно, самолетик уже улетел. И когда вернется, неизвестно. Наверное, спасатели забрали всех выживших, а с поисками мертвецов к чему спешить?.. Чертова акула!

Он вновь сел. Взгляд наткнулся на выемку в камнях. Там еще было немного воды. Поколебавшись, предложил Кире:

– Тут вода осталась. Хочешь?

– Нет, это твоя. Я в крайнем случае могу и соленой обойтись. И возьми, что там от моей блузки уцелело, голову прикрой – солнце поднимается... – Она вдруг чихнула громко и резко. Сморщилась недовольно: – Фу, вода в нос попала.

К большой суше Кира так и не поплыла. Рана на руке оказалась серьезней, чем она думала, или крови много потерять успела, пока барахталась в воде, – слабость не проходила. Один спасжилет у них остался, потому утонуть опасности не было, но заплыв мог затянуться на неопределенное время, а потому терял смысл. И, как назло, небо на востоке опять затянули тучи, ветер усилился, штиль сменился легким волнением, потом заштормило. Клим сидел в расселине, сжавшись в комочек, закутавшись в янтарные лоскутья, и думал, что спасатели найдут их слишком поздно. Если найдут. Но почему-то вчерашнего отчаяния эти мысли не вызывали. Скорее наоборот, облегчение.

К ночи Кире стало совсем худо. Она то и дело надрывно кашляла, хватаясь за грудь, тяжело дышала. А когда попробовала напиться соленой воды, ее вырвало. Она даже на ногах не стояла, шаталась, словно былинка на ветру. Куда уж тут плыть! Но она продолжала успокаивать Клима:

– Не бойся, я справлюсь. Главное, отлежаться. Акула какая-то особо зловредная попала. Может, ядовитая?

Шторм, усилившийся с наступлением темноты, принес холодный и резкий дождь. Сперва Клим радовался льющейся с неба пресной воде, ловил капли ртом, ладонями. Но вскоре промок до нитки, озяб, а спрятаться от ветра можно было, только вытянувшись на камнях на дне расселины. Киру тоже трясло. Но когда Клим, решившись, обнял ее, тело девушки оказалось горячим, как огонь.

– Клим... твой братик... или сестричка... живет в Акваполисе? – зашептала она ему на ухо.

– Это была девочка... Не знаю! Откуда мне знать, где она? Где-то в интернате.

– Ты что, ни разу ее не видел? Не интересовался? Ты ненавидишь ее из-за мамы? И заодно всех кианетиков?

Клим ответил:

– Да.

И второе утро началось для Клим с самолетного гула. Но в этот раз его не трясли за плечо, он проснулся сам.

Шторм продолжался. Небо затягивали плотные серые тучи, сквозь которые не мог пробиться ни один убийственный луч, ночной дождь под завязку наполнил выемку холодной водой. Можно жить, одним словом...

– Клим... там... самолет. – Кира тоже проснулась, попыталась приподняться.

– Слышу.

Клим выбрался на гребень островка. Самолет летел близко, над самой головой. Клим не кричал пилотам, не размахивал руками. Его и так заметили – самолет сделал круг, покачал крыльями. Наверное, волны были слишком большими, сесть на воду самолет не мог. Но этого и не требовалось – у большой суши стоял корабль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.